

A close-up portrait of actor Leonid Filatov, showing his face and upper torso. He has a prominent mustache and is wearing a dark turtleneck sweater under a grey textured jacket. The background is plain white.

2

АКТЕРСКАЯ КНИГА

**ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ**

**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

зебра е

а
АКТЕРСКАЯ КНИГА

**ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ**

**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

аст зебра e МОСКВА

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2Рос=Рус)6-6
Ф51

Художественное оформление Андрея Рыбакова
Фотография на обложке Валерия Плотникова
Редактор-составитель Марина Невзорова

Подписано в печать 04.05.07. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 26,0. Тираж 7000 экз. Заказ № 6702.

Филатов, Леонид Алексеевич

Ф51 Прямая речь / Леонид Филатов. — М.: АСТ: Зебра Е,
2007. — 411, [5] с., 32 л. ил. — (Актерская книга).

ISBN 978-5-17-045464-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-94663-464-9 (ООО «Издательство Зебра Е»)

Леонид Филатов (1946–2003) был щедро одарен разнообразными талантами. Блестящий артист театра и кино. Замечательный драматург, сценарист и кинорежиссер. Великолепный поэт. Пародист. Сказочник. Автор едкого, уморительно-смешного сказа «Про Федота-стрельца, удалого молодца», Создатель и ведущий телепередачи «Чтобы помнили» на канале ОРТ.

В этой книге Леонид Филатов раскрывается перед нами как глубокий самобытный мыслитель. Он размышляет о природе творчества, о судьбе, о любви...

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2Рос=Рус)6-6

© Л. Филатов, наследники, 2007
© А. Рыбаков, оформление, 2007
© В. Плотников, фото на обложке, 2007
© ООО «Издательство Зебра Е», 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ARTEP

Играть про смерть — прескверная примета,
А я, ничтожный шут, забыл про это.
Главнейшая забота для творца —
Не заиграться в роли до конца.
А публика — хоть расшибись в лепешку —
Не уважает гибель понарошку.
Ты можешь довести толпу до слез
Лишь в случае, когда умрешь всерьез.

* * *

Идеи стать артистом не было. Что артист? Режиссер! Конница в две тысячи человек, я — в кепочке, свитерке, темных очках как Кончаловский, Тарковский, Вайда — команду в рупор: «Мотор!»

Приехал в Москву. На дворе июнь, а экзамены во ВГИК только в августе. Денег ни шиша. Все потратил на билеты, в Москве тогда как раз проходил Международный кинофестиваль. Кто-то из новых знакомых посоветовал «поступить на артиста». Я в ужасе: «Какой из меня артист с таким лицом?» Меня урезонили: «Артисты разные бывают». Я подал документы в Шукинское. Поступил на курс совершенно небесной Веры Константиновны Львовой.

Не надо думать, что это была какая-то богемная жизнь. Скорее нищенская. Богемность предполагает хотя бы наличие ванной. А мы ходили летом и зимой в одних дырявых кедах.

* * *

Поскольку поступил в артисты, то им и остался. Сказать, что эта была мечта моей жизни — нельзя. И до последних лет у меня нет уверенности, что я занимался тем, чем должен был. Поэтому сейчас у меня нет сожаления о том, что я не могу выходить на сцену.

А к т е р

* * *

Я удачливый артист, возможно, даже приличный. Сказать, что один из лучших в стране, нельзя: у нас слишком много талантливых, на несколько голов выше меня. Но кокетничать и говорить, что к этой профессии я не имею никакого отношения, я не вправе. Я свою профессию наработал. Мне повезло на талантливых режиссеров. Повезло с Театром на Таганке. Но у меня есть ощущение, что я мог быть артистом, а мог быть еще кем-то.

1993 г.

* * *

Сначала я вообще не рассчитывал, что мне что-то обломится. Какой там успех! Я довольно скептически относился всегда к собственной физиономии. Но так случилось, что киношная судьба все-таки состоялась.

1996 г.

* * *

О том, что моя жизнь — явление ослепительной яркости, что все, что я сделал, сыграл — качественно, на всем знак искусства, я с уверенностью могу сказать: «Нет». Ничто из того, что я сделал,

не есть принадлежность бессмертия или вечности.
К сожалению, ничто.

1993 г.

* * *

Первая картина, о которой я даже вспоминать не хочу, случилась очень давно. И после просмотра я практически заболел. Такое часто бывает с артистами, потому что первый раз в жизни без содрогания смотреть на свое лицо, величиной с двухэтажный дом, могут только очень большие нахалы. Я был настолько убит этой картиной, что решил раз и навсегда, что кино не для меня. И даже когда раздавались какие-то звоночки со студий, я не откликнулся. И довольно долго. Потом случилось телевидение, я стал потихоньку привыкать к своей внешности, то есть, выражаясь языком профессиональным, «копил лицо», учился им манипулировать. И только после выступлений по телевидению, да и то не сразу, согласился сыграть в картине Константина Худякова «Иванцов, Петров, Сидоров», которую и считаю своей первой картиной. К счастью, этот фильм увидел Александр Митта и позвал меня к себе в «Экипаж». А уж после «Экипажа» я получил возможность выбирать роли сам.

1988 г.

А к т е р

* * *

«Экипаж» не вызывает у меня персонального уважения к самому себе, но уважение к Саше Митте, к команде.

* * *

Я в жизни не числил себя ничьей сексуальной грезой. Какой из меня супермен? До «Экипажа» я не на всяком пляже-то раздевался, а тут первый в нашем кино «голый» кадр, хоть и рыбка на первом плане. Первый постельный разговор.

Это сейчас мы уже рассмотрели, какие бывают голые женщины и даже мужчины, а тогда-то об этом никто не догадывался! Думаю, за то и полюбили, что первый.

* * *

Кино — это буквально опрокидывающее с копыт впечатление, когда видишь свое лицо два на три метра, ни в зеркале, ни на фото оно не кажется таким идиотским. Фальшивым.

Я все думал: неужели этот урод, и моральный тоже, может нравиться? Оказывается. Еще как!

Мало того, что все светофоры поразвинчивали на цветомузыку, письма шли потоком. Девушки слали фотографии усатых любимых и спрашивали: «Не правда ли, похож на вас?» Никого не хочу обидеть, но это действительно страна дураков.

1990 г.

* * *

Почувствовал ли я свой звездный час? Нет. Я всю жизнь мечтал сыграть Сирано де Бержерака, и трижды был в моей жизни случай, когда я мог бы это сделать. Но по разным причинам сорвалось. А сейчас перегорело.

* * *

Я старался никогда не хамить и не быть капризным. Надеюсь, что никто из тех, с кем мне довелось работать, не может пожаловаться на мой характер, на то, что я сходу говорил «нет», не выслушав резоны.

На мой взгляд, артист должен быть послушным. И, кроме того, ты видишь, к кому идешь сниматься и на какую роль. Либо не иди к откровенному дураку, чтобы потом не провоцировать его на скандал своим непослушанием, либо, если согласился,

неважно, по каким причинам — за деньги или из страха перед простым, терпи. Ты сам выбрал такое, ты читал сценарий, ты видел картины этого режиссера.

Мне, по счастью, везло. Меня привел в кино Костя Худяков, и первые пять картин я делал с ним. Он — человек мягкий, покладистый, талантливый, и вот на этом ощущении комфорта я и въехал в кинематограф.

Потом у меня был другой режиссер — Саша Митта — человек совершенно иного склада: взрывной, крикливый. Он иначе видит кино и совершенно по-другому снимает: выстраивает жесткую схему, расставляет людей. А заполнять оставленный вакуум ты должен сам. Репетиций у Митты почти нет, ему нужен результат: в конце концов, он пригласил профессионалов.

Сереза Соловьев, напротив, много ищет во время съемок, постоянно нащупывает какую-то мелодию. Он выстраивает свою киноживопись иначе. И если Митта работает такими грубыми, внятыми мазками — ему прежде всего важна история, очень точная, американская, то Соловьев как бы импрессионист от кинематографа.

Все разные, но, по счастью, со всеми этими людьми я нашел общий язык, наверное, потому, что относился к ним ко всем с доверием. Устраивает меня или нет, комфортно я себя чувствую или

неуютно — я не раздражался. Я понимал, что они мастера, я видел их картины.

1990 г.

* * *

Играть мерзавца явным мерзавцем легче, и сейчас вроде бы даже среди актеров непрестижно. По поводу моего Виктора в фильме «Грачи» раздавались голоса: как же можно делать негодя обаятельным? И в «Экипаже», как же мой герой мог совершить подвиг, когда он в первой серии такой легкомысленный? То есть мы вроде бы сбиваем аудиторию с толку. Но ведь люди понимают, что природа человеческая очень сложная, и чем сложнее, тем интереснее. И чем сложнее силы, которые сталкиваются на экране, чем сложнее жизнь, тем тоньше можно проследить движение души человека. А полагаться только лишь на впечатление от внешности... Ведь иногда с лицом херувима такой негодяй появляется среди нас, его никогда не распознаешь. Вот и путаем, подменяем визуальные понятия на внутренние.

1986 г.

А к т е р

* * *

Артиста всегда видно — кто есть кто. Если ни судьбы, ни личности, то он просто лицедей, шут гороховый.

* * *

Как удержаться на плаву? Как сделать так, чтобы не надоест, не сыграв своей главной роли? Вот шел актер к этому, снимался «лишь бы», а оказывается, за это время потерял репутацию приличного человека. Артисту нельзя играть кое-где и кое-как и при этом оставаться приличным артистом. Сниматься надо только в качественных вещах. Даже когда убеждаешь себя: «Ничего, сыграю, режиссер не понимает, но я-то не дурак, я тут паузу подержу» и так далее. Все равно у него в руках ножницы, все равно он хозяин ситуации. Он чисто сюжетно тебя выкроит, отрезав все от и до, оставив только слова, которые ты говоришь в кадре.

1986 г.

* * *

Я не поклонник заявлений вроде: «хотел бы сыграть такого-то» и называется роль мирового репертуара. Что ж, играй Гамлета, если готов к

этой роли по возрасту, по жизненному и актерскому опыту, кто откажется? Но когда говорят о мечте... Я за определенную структуру характера, она может встретиться и у Чехова, и у Шекспира, современную, жесткую, острую, драматичную, за которой судьба человека вплоть до самопожертвования в определенных обстоятельствах. Тогда и работается.

* * *

Меня часто спрашивают, почему я всегда снимаюсь «в усах». А почему я должен их брить? Разве это может что-нибудь поменять в человеке, которого я играю? Если мне докажут, что бритье особым образом воздействует на творческие способности, я перестану уважать свою профессию. Мне лично кажется, что актерское искусство в том и заключается, чтобы, пользуясь своими внешними данными в каждой роли, заставить зрителя верить, что всякий раз перед ним другой человек. Поэтому, даже играя историческое лицо или иностранца, я не пытаюсь как-то специально приспособиться к незнакомым жизненным обстоятельствам. Как только начинается «марсианская» жизнь, мне становится мучительно и неинтересно работать.

1985 г.

А к т е р

* * *

Я — человек, скорее, театральный. Театр — живое дело, там все как-то меняется, переделывается. А в кино режиссер единолично решил, рассчитал, снял — должно быть смешно, а... И не переделаешь. Уже на века. И потом: вот у Сокурова в «Московской элегии» камера 10 минут наезжает на Ельцина. Что я, должен на десятой минуте пустить слезу? Почему десять, почему не восемь с половиной? Чтобы на часть хватило, да? Нет, я театр люблю. И причем не за роли, не в них дело. Для меня театр — прежде всего Дом. Дружеский, благородный, где мне сделали первые прививки нетерпимости к дряни. На уровне рефлекса.

1990 г.

* * *

Негодяем я себя все-таки не считаю, хотя, наверное и во мне, как в любом человеке, есть что-то плохое. Просто очень люблю отрицательные роли. Помните, какими у нас были положительные герои? Этакие промокашки. Ни внутреннего конфликта, ни драмы, ни раскола. А в негодяе, даже если он выписан только черной краской, всегда можно найти что-то светлое, и эту внутреннюю борьбу продемонстрировать.

1990 г.

* * *

Роль, которая совпала с моим нутром? Частично такая роль была в фильме «Успех». Я создал как бы некое временное состояние души, но все равно было маловато пространства, ограниченного сюжетом. А на грани отчаяния, я, к сожалению, бываю постоянно.

* * *

Позволяя себе сниматься в дурном кино, нужно очень четко понимать — сделал лажу, тут же займись хорошей картиной. И картиной шумной, потому что неудача запоминается лучше, чем успех.

Артисты редко говорят — образ. Вы не услышите: «Я работаю над образом». Разве что в ироническом плане: «Здесь я от образа, а здесь — от себя». Такое впечатление, что технику работы актера кто-то за него выдумал. Может быть, классики... У каждого есть свои секреты. Высоцкий, например, приезжал на спектакль за пятнадцать минут до начала. И это не значит, что он играл плохо. Часто зрители спрашивают: «Как вы целуетесь на сцене? Как смеетесь, плачете?» Недавно по

телевизору Маргарита Терехова очень легко и грациозно показывала, как это делается. Просто взяла и расхохоталась, и хохотала до тех пор, пока за кулисой ей не сказали: «Стоп. А теперь заплачьте». Она села, вздохнула, и у нее покатались две слезы. Разумеется, это стоит и сил, и нервов. Но профессиональные приемы трудно объяснить. Спрашивают: «О чем вы думаете на сцене?» Чтобы не разочаровывать публику, что-нибудь придумываешь. На самом же деле, когда играешь, ни о чем не думаешь, только о роли. «Ах, я летел! Забыл себя!» Да летел, да забыл. Но все время отмечал в мозгу: сейчас вдохновлен, играю отлично. Артист всегда себя контролирует.

* * *

Есть картины, которые я уважаю и люблю целиком, независимо от того, сыграл ли я там хуже или лучше. Мне нравятся «Избранные» Сережи Соловьева, «Успех» Кости Худякова, «Забытая мелодия для флейты» Эльдара Рязанова, хотя к ней очень многие по-разному относятся. Нельзя сказать, что я там сыграл принципиально новую роль. Но мне было важно сняться в этой картине, потому что в Театре на Таганке, все мы натерпелись от этой породы чиновников, заведующих искусством.

* * *

Мой герой в «Забывтой мелодии...» — человек лишний в нашей жизни вообще, и не только лишний, но и страшный, потому что обладает реальной властью. Я бы, честно говоря, высылал бюрократов в специальные резервации — пусть недалеко от городов, пусть с семьями, чтобы они там занимались общественнополезным трудом. Именно полезным. Надеюсь, наш фильм дал кому-нибудь повод задуматься над природой бюрократизма.

* * *

Письма зрителей вызывают во мне, как правило, реакцию оборонительного свойства. Хочется защищаться, объясняться, оправдываться. Толковать, что есть профессия и есть имидж. Что актерам живется несладко. Что никаких особых благ они не имеют и никаких телохранителей, и что плюнуть в них можно так же, как в любого. И никакой это не особый круг. И никакая не блистательная жизнь. Все мы любим поговорить на эту тему, а в результате — ничтожная сумма прописью...

А к т е р

* * *

Природа зрительского внимания к актеру, в сущности, немилосердна, даже если тебя как будто бы любят. Я совершенно не в состоянии понять, что, скажем, движет неизвестным мне человеком из Омска, который садится за стол и пишет мне, незнакомому с ним человеку, мерзости. На том исключительно основании, что я, мол, тебя знаю, вчера по телевизору видел. Ну, что это? Есть в этом какой-то психологический резон, пафос, наконец? Письмо незнакомому человеку — ведь это поступок. Тут особая необходимость должна быть.

1987 г.

* * *

Если я скажу, что реализовался на десять процентов, то вы подумаете: «Ну и ну! Просниматься всю жизнь и так говорить. Сколь же, мол, у него несказанного». А если скажу, что реализован весь, это тоже будет неправильно. Вообще на эту тему очень трудно говорить. Ведь можно получить роль, о которой мечтал всю жизнь, и сыграть ее плохо. И, наоборот, в какой-нибудь маленькой неказистой пьеске вдруг проявиться и что-то сообщить человечеству. Все зависит от состояния

души в данный момент. Вот, например, сейчас я в совершенно бессильном состоянии, а у меня полно дел в кино и огромное количество забот, связанных с театром. И, кроме всего прочего, далеко не все в порядке со здоровьем, изношено сердце. Нет, я соберусь, конечно, хотя бы и «через не могу», как, собственно, уже привык работать последние годы.

1988 г.

* * *

Я уже не способен кому-либо беспрекословно подчиняться. Хочу работать, полагаясь, в большей степени, на самого себя. Мне не нравится роль марионетки в чьих-то, пусть даже очень талантливых, руках. Чаще, кстати, так бывает в кино, где после съемок видишь уже готовый результат, к которому актер не имеет иногда никакого отношения. Ему даже не объяснили, почему надо делать так, а не иначе: «Пошел! Остановился! Быстро повернулся! Изо всех сил ударил его кулаком!» В итоге на экране якобы самоуглубленные лица, а на самом деле актеры все время слушали чью-то подсказку, но никак не самих себя. А я хочу себе доверять. Возможно, потому никогда вслух не репетирую, только про себя. Нельзя же заранее вычислить,

А к т е р

на какой ноте ты объяснишься в любви, и отрепетировать перед зеркалом подходящее для такого случая выражение лица.

1985 г.

* * *

Надоело изображать эдаких супермужчин. Раньше это смущало, теперь ранит. Иногда меня не моим именем называют, а именем сыгранного героя... Продерусь ли сквозь эти наслоения?

* * *

Фанаты? Это безобидно, если проходит с возрастом. Но если это длится годы и годы, то может сбить с толку, если ты слабоват. Бывает — уж и актер обветшал, и у театра стены треснули, а поклонники все кликушествуют, все поют «осанну», не дают покоя, убивают в человеке последнюю честность, не дают взглянуть правде в глаза.

* * *

Конечно, мне хочется рассказать о себе языком профессии. Иногда кажется — разрушил бы все,

да снова все с нуля. А колесо крутится, а жизнь идет...

1989 г.

* * *

Сниматься я начал довольно поздно, уже тогда, когда много работал в театре и на телевидении. На телевидении я любил экспериментировать. Стремился сегодня сыграть рафинированного интеллигента, а завтра — прощелыгу, бандита. В кино все оказалось иначе. Когда снимали «Экипаж», этот фильм я считаю своим поздним дебютом, я уже был довольно «уставшим» актером, хотя еще и сохранившим интерес к профессии. «Экипаж» стал для меня началом кинобиографии. Меня стали приглашать. И я старался выбирать характеры драматические. Конфликтные, сложные.

1984 г.

* * *

Мучительнее всего — это плохой режиссер. Впрочем, мне везло на хороших. С моим крестным отцом в кино Константином Худяковым мы сняли пять картин. Сейчас замахиваемся на шестую — «Мать Иисуса» по пьесе Володина. Но, как и что там получится, говорить рано. Однажды мы уже

поторопились с объявлением о съемках совместной с американцами картины «Игрок» по Достоевскому. Мы-то думали, что они, как партнеры, люди прочные. И вдруг лопнули капиталы у одного из тамошних дистрибьюторов. А сами осилить картину, как она задумана, мы не сможем.

* * *

Сыграть нечто только ради того, чтобы явиться неизвестным... Сейчас такие времена, да и возраст у меня такой, что это доставило бы мне мало радости. Это задача узкопрофессиональная и на сегодняшний день не самая главная. Надо при этом еще о чем-то сообщить от себя человечеству. Без такой амбиции не имеет смысла существовать в искусстве.

1988 г.

* * *

Сейчас отчетливо понимаю: Чичерина мне надо было сыграть. Когда прикидываешь на себя человека иного масштаба, человека государственного, то здесь, с одной стороны, нужна особая точность, аккуратность, а с другой — надо обучаться какому-то иному масштабу мышления. Я понимал, что

Чичерин — пожилой человек, аристократ, единственный в своем роде в Совнарком. Замечательный музыковед, пианист. А еще графоманил — сочинял стихи. И рассылал их в газеты и журналы, но каждый раз под чужой фамилией, стеснялся подписи — нарком иностранных дел. Но всегда на свое имя получал отказ заведующего отделом: «Дорогой Георгий Васильевич, к сожалению, стихи Ваши в силу малой художественности для публикации в нашем журнале не подошли». Чичерин конфузился, некоторое время не писал, потом повторялась та же история. Член правительства считал невозможным волевым путем, как делали очень многие, напечатать свои сочинения. Вот так возник целый ряд деталей. Прочитанное мне мало помогло. В большинстве своем это парадномемуарная литература, которая только закрывала путь к Чичерину-человеку. Но есть книга, без которой трудно представить сущность характера наркома: это его собственная работа о Моцарте. Потрясающая книга! Она написана музыкантом, грандиозным маэстро, чувствующим музыку, и в то же время — чуть ли не ребенком, растерявшимся перед гением Моцарта. Эта книга — не учебник, не пособие, она эмоциональный ключ к раскрытию образа Чичерина.

В картине нет драмы, просто человеческой драмы. Без нее играть нельзя. А у Чичерина в жиз-

А к т е р

ни драм хватало. Но сценарий был написан еще в застойные времена. Так что, сам Чичерин меня привлекал, а материал не устраивал.

1988 г.

* * *

У меня практически нет свободного времени. Уже шесть лет работаю без перерыва и отпуска. Определенного режима дня нет, потому что снимаюсь то в одной, а иногда в двух-трех картинах одновременно. Плюс театр и житейские хлопоты. Домой прихожу за полночь. Семьи почти не вижу.

Но жаловаться грех. Я боюсь отдыха. Ну, высплусь, почитаю, потом начну прислушиваться: что-то телефон молчит...

1984 г.

* * *

Конечно, я снимаюсь и в дурном кино, где вообще ничего не удастся сделать. По причине того, что нужны деньги, и это не секрет. Ведь, если есть семья, ее надо кормить. В плохих картинах я стараюсь, конечно, сниматься пореже, ну, а если уж приходится, то пытаюсь выбрать что-то поинтереснее.

1988 г.

* * *

Всегда есть высота, которая не дает забытья, заставляет помнить, что надо сделать, что еще не сделал. Иногда, бывает, так жаль собственной жизни, иногда, кажется, все мы исполняем не свои, а чьи-то функции, бежим наперегонки с людьми, с которыми тебе и стыдно, и не нужно соревноваться. Не то, не мое, не удовлетворяет... А на другую дорожку не сойти, и не то, что сил нет, а зависим... Есть какие-то нормы моральные, житейские...

1987 г.

* * *

«Успех», наверное, лучшее из того, что у нас получилось с Костей Худяковым. Эту роль я выделяю из тех глупостей, пусть даже и приличных, что я наделал в кино. Не могу сказать, что я исповедовался, но роль была мне очень интересна, потому что я играл режиссера-самоубийцу. Говорят, что мой герой плохой. Я пытался одно время спорить с критикой: при чем тут плохой или хороший? Он — самоубийца и так к себе и относится. У него смертельная профессия — двадцать четыре часа в сутки думать о том, что он ставит. А как тогда быть с Мейерхольдом, который был очень нелегким человеком? Многие талантливые люди сложны и

не очень контактны. И если кто-то из них вдруг не поздоровался с вами, это вовсе не значит, что он плохой. Он просто погружен в себя, внутри него что-то происходит. И это надо понимать.

1991 г.

* * *

Я выступаю перед зрителями, хотя понимаю, что подобные выступления ущербны. Ясно, если артист едет на заработки и дает несколько концертов в день, то срабатывает некий механизм самосохранения. Он старается больше рассказывать, чем показывать. Ну, а зрители, как правило, не в обиде, актерские байки издавна пользовались успехом. Кроме того, будем откровенны, работает извечная жажда узнать что-нибудь пикантное из жизни артистической среды. Кто ты, женат или нет, кто твоя жена, бабник или нет? И такие вопросы бывают. Как будто если я действительно бабник, то тут же доложу им об этом.

Бывают записки откровенно оскорбительного свойства, эдакое желание анонима самоутвердиться за счет твоего унижения. В таких случаях я обычно приглашаю собеседника на сцену. Как правило, не выходят. Он может нападать на тебя только из стаи. Сразу оговорюсь, большинство из тех, кто

приходит на встречу, вполне порядочные и искренне заинтересованные люди, но, как говорится, ложка дегтя... Иной раз, читая записку, чувствуешь, как ты кому-то просто физически ненавистен. Тут и юмор вымученный, и озлобленность плохо скрытая. Странно, за собственные деньги сидеть в зале и ненавидеть меня. Зачем же мучаться? Встань и уйди. Просто видишь, как сидит этот жлоб в зале и пишет свои записки с жалкими потугами на остроумие, но с единственной мыслью: сейчас я посмотрю, как ты будешь вертеться.

Я бы к этому относился спокойно, если бы не знал, что такого рода интерес чреват смертельным исходом. Тот, кто стрелял в Леннона, боготворил своего кумира, он орал ему из толпы, увешал комнату фотографиями Джона, а Леннон никак его не выделял. И в результате — выстрел. Сейчас очень много нереализованных, не умеющих самовыразиться людей, а отсюда желание заполнить свое существование чужой жизнью. И в случае неудачи — мгновенная озлобленность. Я, конечно, не Леннон, но механика ненависти та же. Вот типичный диалог: «Вы знаете, я очень хотел бы с вами познакомиться». — «Извините, но я не хотел бы с вами знакомиться». И сразу же без перехода: «Дерьмо, ты что о себе думаешь?»... Эту ненависть человек носил в себе давно как свидетельство собственного ничтожества. А тут ничтожество это

лишний раз подтвердилось: знакомиться с ним не захотели.

А что стоят, эти постоянные предложения в ресторанах пересесть за их столик или навязчивые приглашения потанцевать? И как только ты объявляешь, что ты в кабаках не танцуешь и пришел сюда поесть (а где еще я могу поужинать на гастролках после вечернего спектакля), тут же возникает обида и озлобленность.

Этот феномен толпы страшен. Слухи о смерти того или иного известного человека разлетаются с невероятной скоростью. Еще до выхода газет с некрологом, все уже знают, все посвящены и причастны. Но, увы, причастность эта не задумавшегося и огорчившегося человека, а причастность обывателя, который, услышав информацию, хватается за телефонную трубку. Чтобы обзвонить знакомых.

1990 г.

* * *

Главное мое требование к режиссеру, чтобы был понятен процесс работы. Только тогда он может быть творческим. Даже самый блистательный результат не имеет смысла, если его достигают каким-нибудь странным, непонятным путем. Допускаю, что режиссеру это может быть интересно,

но мне как актеру — нет. Я взрослый человек и не хочу превращаться в лабораторную обезьяну.

* * *

Порой до смерти не хочется играть роль, которую тебе навязывают. Но подойдут и скажут: «Что же ты, Леня? И ты туда же?» Вывернут душу наизнанку. Я же знаю, что режиссеру год до пенсии, что надо собрать известных актеров, и тогда успех фильму обеспечен. Сжимаешь зубы и идешь. И оставляешь там сердце и репутацию. Режиссеру-то жить надо, а кому это потом объяснишь — зрителю, себе? Разве можно все разложить по полочкам, проанализировать?

1987 г.

* * *

Жестокость главного героя в «Успехе» — это полное поглощение искусством. Он святой сумасшедший. В это «болото» кинет камень, потом — в другое. И кончит свои дни где-нибудь на чемодане в гостинице. Он сам себя сжигает, а не только других. Разве он не отдает себя людям? Почему Высоцкий в «волчьих ямы» забирался подальше ото всех? Там нет этой неприязни, этих нелюдей. Нет этих «положительных» героев, скучных как промокашка.

А к т е р

* * *

Я бы выбрал ту роль, в которой я мог бы высказать свои соображения о жизни на уровне своего возраста со всеми синяками и шишками, со всем тем, что мне подарила жизнь к сорока двум годам. Менее интересно натягивать на себя чужую шкуру, менять маски, заталкивать себя в узкопрофессиональный интерес.

* * *

Во все времена главным было про что сказать, а не только как сказать.

* * *

Наша вечная несвобода: от отсутствия денег, от обилия начальства, от огромного количества всяких инстанций, «того не скажи, сего не сделай» — это ведь уже мировоззрение, это образ жизни, а стало быть, и образ мышления. Как при этом быть артистом, как выходить, лучезарно улыбаться, играть «свободных и богатых» героев?

«Ах, — спрашивают меня, — почему мы не «звезды»? Почему не несем за собой волшебное облако

тайны, уважения, почитания?» А у артиста зубы болят, а ему семью прокормить надо, а он стоит в очередях, в поликлинике, в магазине. У нас даже уважение, любовь народная — и та какого-то особого свойства. Где-нибудь в провинции, в гостиничном ресторане подходит незнакомый человек: «А, это ты в таком-то фильме играл?» И попробуй ему в чем-нибудь откажи. Мое нежелание потанцевать с его девушкой тут же рождает взрыв дикой ненависти: «Ты что о себе воображаешь? Мы, работяги! А ты рылом торгуешь!» Вот вам любовь публики. А потом меня упрекают, что я куда-то не поехал, потому что там мало платят. Я очень люблю встречаться с людьми, но я кручусь как белка в колесе, и труд мой все-таки стоит денег.

1988 г.

* * *

Артисты должны получать много. Потому что труд актера — это трата сердца, нервной системы. Актер «сгорает», работает на особом топливе, внутреннем горючем. Артисты быстро стареют. И когда он «набирает вес», когда он уже сам может выбирать, где и что ему играть, — он уже «самортизирован». Предложи ему Ричарда III,

А к т е р

предложи ему сняться у Феллини, ему уже все равно — жизнь прошла. После бесконечных халтур, концертов, поездок по провинции, скитаний по дурным гостиницам, приставаний каких-то странных людей — после всей этой жизни ты уже ничего не можешь людям подарить. Ты знаешь профессию, но душевно и физически ты уже очень болен.

1988 г.

* * *

У нас и брэнной славы актеру не удастся отведать, потому что настоящая слава — всемирна. Слава была у Чаплина, а у наших актеров, в лучшем случае — известность. И в этом опять-таки виноваты чиновники, потому что хорошие картины не экспортировались, а лежали на полках, а всякая дрянь посылалась в Канны и Венецию.

* * *

Что значит для артиста по-настоящему стать звездой? Это значит: запасть в душу. Звездой был Крючков. Он умер в больнице, когда и я там лежал. И могу засвидетельствовать: этот великий

артист остался до последней минуты достойным своей всенародной славы. Перед смертью он созвал нянечек, сестер, докторов, пел песни, рассказывал анекдоты, а потом попросил всех уйти. И тихо умер, никого не обременяя и не закатывая истерик. Так уходят настоящие звезды, которые и людьми бывают настоящими.

* * *

Закомплексованность нашего поколения... Похвалиться особо тут нечем. Сколько было замечательных, одаренных людей, которые из-за неумения противостоять каким-то элементарным помехам не сумели всплыть. Сгинули где-то в провинции, в тамошних театрах. Спились, потому что не было поддержки со стороны. В провинции надо все время иметь зубы, иметь силу физическую, тогда талантливый человек может уцелеть. Вначале хотя бы просто уцелеть — не спиться как минимум. Потом, караулить удачу.

* * *

Одаренные люди, как правило, независтливы. Полуодаренным уже знаком вкус зависти.

А к т е р

* * *

Артист не должен много мелькать, во всяком случае — сниматься в слабых фильмах у плохих режиссеров. Конечно, лучше бы уберечься, принципиально строить работу, но на деле... Все мы живем здесь, надо для семьи хоть какие-то деньги зарабатывать.

* * *

Без передышки нельзя сниматься даже в хороших фильмах. Обязательно надо остановиться, попытаться осознать, что ты делаешь и для чего, что-то почитать, что-то перепроверить. В новой картине ты все-таки должен хоть немного измениться. Нельзя с размаху выскочить из предыдущей и играть примерно то же самое. Перегруппировать силы нужно, привлечь какой-то другой кусочек опыта. Так бы надо... Только у меня, к сожалению, пауз не бывает.

* * *

В «Грачах» это не мое, это подсмотренное. Я вырос в Ашхабаде, теплый край, куда регулярно стекалось бандитье. Своей шпаны тоже хватало.

Я их наблюдал достаточно. Самые угрожающие вещи они говорили таким ленивым южным тоном, без единого резкого звука, без «р», «д», «г», на сплошном «ш» и «щ», почти нежно: «То шо! Шо ы тя-я-нешь! Ты шо!» Ну, и у меня были собственные понты, припарки, чтобы отбиваться. Там мне нос и «подправили». Он был довольно длинный, но прямой, а стал волнистый.

* * *

Мама считает, что ролью Филимонова в «Забытой мелодии для флейты» я накликнул себе беду. Говорит, что, когда доходит до последней части, где мой герой переживает клиническую смерть, сразу выключает телевизор. К этому моменту у нее уже слезы на глазах, и самочувствие становится плохим.

Но я считаю, что ничего не накликнул. Это моя судьба. Я убежден, что жизнь справедлива ко всему. Если Бог дает такие испытания, значит, так надо. А вообще у артистов есть такая байка, что когда много играешь собственную смерть, в особенности в кино, то все беды минуют. Я в кино умирал раз пятнадцать. А, снимая фильм «Свобода или смерть», просто расстрелял себя в Париже.

А к т е р

От того что я делаю, я должен получать максимум удовольствия. Эгоизм заложен в нашей профессии.

* * *

Нелюбимых ролей — сколько угодно! Обычно это роли из плохого сценария, победить который не в силах даже самый талантливый режиссер. Хотя, если быть откровенным, хороший режиссер плохой сценарий не возьмет. Часто просят выручить. И, что-то теряя в себе, выручаю неудачные и пустые сюжеты. Обычно долго уговариваю себя: «Все будет хорошо, как-нибудь выкручусь». Затем, уже в процессе работы, спорил с режиссером, что-то меняли, переделывали, но... всегда и актеры, и картина выглядели на экране, мягко говоря, неестественно. Во всяком случае, я еще долгое время испытывал угрызения совести. Как будто кого-то обманул, и сам в итоге оказался обманутым.

* * *

Всем может нравиться только доллар. Зритель — это же разные слои, разные интеллекты, просто

разные люди. Работая, я мысленно вижу лица людей, которым безоговорочно доверяю, к чьим вкусам отношусь с уважением.

* * *

Иногда актер неожиданно становится вдруг всеми признан и любим. Нет в нем ничего выдающегося, а зритель валом валит. Так продолжается год, другой, третий, и вдруг в один миг слава вдруг безжалостно уходит. Разгадка в том, что этот актер на какой-то период совершенно чудесным образом оказывается как бы символом своего поколения, настолько точно он соответствует времени. Внешностью ли, тембром голоса или еще чем-нибудь, разобрать крайне сложно. Все у зрителя происходит на уровне подсознания. А потом вдруг время уходит вперед...

* * *

С такими выдающимися актерами, как Олег Борисов или Евгений Леонов, уходит целая эпоха. На панихиде Евгения Павловича кто-то сказал: «Сиротеет театр», а кто-то добавил: «Сиротеет страна».

А к т е р

* * *

Кино научило меня максимально приближать к себе роль. Я всегда считал, что под роль не надо подминаться, наоборот, ее надо делать своею. Если приходится играть человека, адекватного мне по темпераменту, по возрасту, то, думаю, я должен наполнить его образ собой, своими сегодняшними проблемами, синяками и шишками. Все, что ты знаешь про эту жизнь, все, что волочишь за собой, надо впихивать в эту роль.

* * *

Сейчас экран очень проявляет людей. Видя человека на экране, многое можешь о нем узнать: глуп или умен, храбр или труслив, степень его образованности, какие книги любит и к какому политическому стану принадлежит. Люди проговариваются даже чужим текстом, от того и происходит разделение зрительских пристрастий: по твоей роли видно — стоящий ли ты человеческий тип или бросовый.

* * *

Настоящий актер может реализоваться только в одном. Ему даже необязательно, иногда вредно — быть

умным. Ведь он подменяет свою личность, отдает ее то одному, то другому. Своя ему только мешает. Подчеркиваю – не всегда. Но идеальный актер постепенно впускает в свою оболочку столько людей, что собственная природа со всеми тормозами, способностью нормально существовать – изживается, исчезает. Образуется жуткая пустота, с ней страшно жить. Счастье для артиста, если он может заниматься еще чем-то, режиссурой, например.

* * *

Я не стремлюсь лишь бы сыграть. Мне важна не пьеса, а то, что хочет сказать постановщик, насколько я могу выразить свое жизнепонимание и как смогу рассказать об этом посредством своего актерского опыта.

Я считаю необходимым менять не внешнюю, а внутреннюю характеристику образа. А посему предпочитаю далеко от себя не ходить, оставаться в своих героях со своей худобой и сутулостью, руками и ногами.

* * *

Когда читаешь сценарий, то предполагаешь, что из него получится некий предмет искусства,

А к т е р

начинаешь искать драму, сложность. Потому что как только возникает откровенный злодей или откровенно положительный герой, становится ясно: все, предмет искусства не получится. Невозможно играть картонные страсти. Люди расколоты на половины. Есть в каждом процент зла, есть процент добра. И когда в человеке происходит внутренний конфликт, когда он сложен, а не прост, тогда интересно наблюдать его движение, его соотношение с внешним миром.

* * *

Я могу отважно играть почти негодяя, все равно его будет жалко. Он будет бросаться на кого-то с кулаками, устраивать скандалы, мучить своих близких, а я буду жалеть его, понимать каково ему, откуда все эти выбросы. Я никогда не изображал ничего такого, что не находило бы ответа во мне самом.

* * *

Никогда ни о чем не мечтаю. Так я устроен. Когда-то отказался от роли Сирано де Бержерака. Я плохо себя чувствовал, был всеми обруган, да и не

очень светила еще одна костюмная история, мало чем отличающаяся от «Собаки на сене». В идее режиссера я не обнаружил трагедии человека, видящего чуть дальше других, чуть больше понимающего, но совсем не знающего, как себя спасти. Сирано — умница, философ, замечательный и изворотливый, который за весь мир подумал, а про себя забыл. Вот что я хотел бы сыграть.

1991 г.

* * *

Есть роли, к которым отношусь уважительно. Например, в фильмах «Успех», «Избранные», «С вечера до полудня». Но сказать, что есть роль, которую назвал бы программной, пока не могу. Меняюсь, старею. Чем больше синяков, тем больше жажда самовыражения. Человек всегда в гонке за идеалом, всегда хочет высказать больше, чем получается. Но от замысла до реализации путь огромный...

1989 г.

* * *

Сколько бы ни говорили: «Актер-соавтор», это — болтовня. Не актер заказывает музыку, выбирает

А к т е р

роль. Это делает режиссер, автор. Ты — избранник. Вот и гордись этим. А уж там, как он решит.

1989 г.

* * *

Пока не хотел бы пополнить ряды дилетантов, хотя понимаю, почему многие актеры перешли в режиссуру. Люди хотят иметь самостоятельную, авторскую профессию. Такие соблазны периодически возникают и у меня, есть даже предложение от одного из объединений «Мосфильма». Но я считаю, что в моем возрасте — сорок с хвостиком — если начать заниматься новой для себя профессией (писать сценарии, снимать кино), то только ради абсолютной идеи, так мною чувствуемой и понимаемой, как ее не чувствовал бы никто из рядом стоящих.

1989 г.

* * *

Моя профессия — неизмеримая. Я быстро начинаю соскучиваться и на каком-то этапе со своим интересом перестаю совпадать. Предложил Любимов играть Самозванца, а я взял и уехал в Колумбию сниматься у Соловьева в «Избранных». Тогда мне это казалось интереснее. После «Федота» от меня

ждут сказок. Ну, разве я Андерсен, чтобы писать сказки? Снял картину. Но какой я кинорежиссер? Я бы оскорбил этим огромное количество людей, которые занимаются этим профессионально: Михалкова, Абдрашитова, Соловьева, Худякова... Они потратили жизнь на это занятие. Завтра у меня, может, дар рисования откроется. Надо не насиловать себя и периодически делать только то, что тебе интересно, по возможности не повторяясь.

1991 г.

* * *

Я не был в кадре с американскими звездами, но играл с вполне приличными немцами, итальянцами... Их отличает, прежде всего, не нажитая, а врожденная свобода, которая зависит от массы факторов: среды обитания, чистого воздуха, еды и даже от сорочек, которые они носят. У них нет наших комплексов. Мы выбираемся из провинциального болота, делаем все возможное и невозможное, чтобы остаться в Москве, вечно доказываем, что мы артисты, и выслушиваем пакости в ответ. Когда ты, наконец, вскарабкался, освоил какие-то секреты мастерства, готов воспринимать и отдавать, уже самортизировано сердце, а у кого-то и душа. К сорока годам мы не можем сделать то, что Бельмондо делает в шестьдесят.

А к т е р

Кто-то справедливо посоветует меньше пить. Кто-то реже болеть и меньше умирать. А куда же деваться? Бедный Андрей Миронов был в форме, и насколько его хватило? Это был совершенно непригодный для смерти человек, но я знаю, сколько лишней энергии ему приходилось тратить на быт. Конечно, он очень любил работать, но ведь и просто о зароботке приходилось заботиться.

* * *

У западных звезд — замечательная техника. Но они эгоцентристы, в себя не впускают, а у наших все кровью и сердцем, и это, между прочим, ничем не заменишь. Высокая техника может расположить к себе зрителя, а потрясти его — нет. Симулянты более искусны, но про жизнь мы понимаем больше.

* * *

Я не универсальный актер. Я много чего не могу в профессии. И много есть ролей, которые не смог бы сыграть. Даже перечислять не хочется. Могу, конечно, быть нахалом и сказать: «Все могу, все

умею». Есть прекрасные актеры, которые могут сыграть действительно все: Смоктуновский, Борисов, Евстигнеев, Михалков... Есть еще много живых наших гениев. Я к ним не отношусь. Я нормальный трудовой человек. Просто много работаю, много соображаю, пытаюсь как-то трансформироваться, да и то не всегда получается. Это зависит от режиссера, от спектакля, от внутреннего состояния на данный момент, совпадаешь со временем или нет.

* * *

Принято считать, что артист должен сыграть Гамлета как некий экзамен. Ничего подобного! Это может получиться, а может стать твоей сотой ролью и не оставить никакого впечатления. Хотя роль будет называться «Гамлет», а писатель — Шекспир. Мы привыкли ориентироваться на эти роли, потому что когда-то их сыграли великие актеры. Сыграл на старости короля Лир, все, взял ноту, ты — великий. Ерунда все это. Есть великие актеры независимо от роли и пьесы. Нонна Мордюкова — много она классики играла? А что ни роль, то блистательная работа. Все зависит от актера. Дело не в ампула, а в готовности говорить на эту тему через себя.

А к т е р

* * *

Все понимают, что «пристойные» деньги — неправильный и несправедливый хлеб. Но никто всерьез этими проблемами не озаботился. А сейчас крик: «Мы — носители культуры и искусства, нас нельзя на улицу!» Тут ход рассуждений таков: бездельников полно, настоящей безработицы нет, почему же она должна быть только для артистов? Думаю, этот шок должен послужить на пользу актерской активности.

Среди актеров есть не только домкиношная богемка, но и множество серьезных творческих людей. Всем известны книги и песни Таганки и «Современника». Лучшие актеры имеют совершенно особый духовный мир, собственную точку зрения.

* * *

Сегодня киноактеров натаскивают как собак, учат немножко смотреть, немножко разговаривать. Такой актер не способен сыграть драму, прожить в роли жизнь. Лучший способ держать себя в форме — работать на сцене. У нас все пока прикованы к стойлам, к кормушкам. А на Западе актеры могут входить в любые спектакли по кон-

тракту. Думаю, и мы к этому придем. Штат — способ растления, капкан, отмирающий институт.

1988 г.

* * *

Кино — это грабитель, оно все отбирает, не давая взамен даже возможности спокойно поработать с партнером. Один не прилетел, другой улетает. Для того чтобы роль получилась, требуется высший пилотаж, а сцена — лучший способ воспитания ассов.

* * *

Алла Демидова хорошо ответила на вопрос: «Чего бы вы пожелали артисту?» — «Прежде всего — достоинства». Нельзя бегать собачонкой, куда позовут. В жизни много работающего артиста должен наступить момент, когда он говорит себе: «Все. Это я уже не делаю».

Часто спрашивают: «Какую бы роль вы хотели сыграть?» Наверное, ту, которая равна моему какому-никакому житейскому опыту, чтобы рассказать людям о том, что я понял в этой жизни.

А к т е р

* * *

Для меня всегда было важно настоять на том, чтобы остаться в кадре самим собой, пропускать все конфликты через себя. Я никогда не старался изменить свою внешность до неузнаваемости, мне гораздо интереснее внутренняя жизнь человека.

* * *

Актер исчисляется так: профессия плюс еще что-то. Если ты не владеешь основной профессией, это «что-то» никого интересовать не будет: как ты рисуешь, пишешь, на каких музыкальных инструментах играешь.

* * *

Однажды я решил устроить себе праздник жизни: посидеть пару лет дома и писать в свое удовольствие. К счастью, быстро одумался, потому что случись так, и все, профессии нет. Это набирать трудно, а растерять легче легкого, отучаешься работать моментально. Если актер год не работал в кино, он половину съемочного периода будет только осваиваться и приходить в себя.

То же самое и в театре, необходимо постоянно играть. При этом самый строгий судья — ты сам. Первая же фальшивая нота обожжет тебя и будет мучить, пока не найдешь то, единственно правильное. Такая у нас капризная, ускользающая профессия...

* * *

Недостаточно быть только актером, нужно еще иметь, что сказать. Я знал одного поразительного по мастерству артиста старшего поколения. Он мог сыграть все, что угодно — хоть воду, хоть телефонную книгу, но самому ему абсолютно нечего было сказать. Это был гениальный инструмент в руках других. Наверное, можно и так, но это не мой путь. Нужно нести свою боль, свою любовь и ненависть.

* * *

Всегда хочется вложить в роль все, что умеешь. И ни одна роль не может вместить в себя то, что пережил и узнал. Она не предполагает твоей реализации. И много ролей тоже не решают проблему. Попытка снимать самому — это от желания более полно самореализоваться.

А к т е р

* * *

Я ощущаю: уходит тот деятельный возраст, когда можно быть артистом и еще что-то созидать. Это не значит, что пожилым артистам некуда деваться в искусстве. Просто очень трудно привыкнуть, что переходишь в другой, неактивный лагерь людей, которые больше созерцатели, чем созидатели.

* * *

Артистов все знают, они всегда на виду. Ну, кому интересен конфликт между двумя РЭУ? Другое дело, что конфликт конфликту рознь, а у нас бывают даже не скандалы, а свары. Конечно, зритель воспринимает театр как обиталище истины, и ему тяжело видеть служителей театра участниками пошлой свары. Но артисты, как и представители других профессий, в первую очередь люди. Хотелось, конечно, чтобы артисты, если уж они себя считают пастырями, были повыше своей паствы.

1993 г.

* * *

В «Сукиных детях» я не героизирую актерскую профессию. Я показываю, как надо было бы поступить тогда. Такая романтическая плюха. Но и в этой сказке ясно, что все героическое и романтическое в этих сукиных детях — от человеческой природы. А весь цинизм — от профессии. Да, это очень циничная профессия, но и очень печальная. Я на этом настаиваю. Не будь профессия трагична, с чего бы спивались Гулая, Извицкая, Белов?..

* * *

Театр актеру необходим как дом, чтобы забежать передохнуть, поболтать, чтобы работать. В кино репетировать некогда. Ты прилетаешь в другой город на один съемочный день, у тебя еще две картины за тысячи километров, у партнеров тоже. Все делается быстро, на бегу, а театр предполагает раздумья, репетиции, рост роли. В театре идет накопление, а в кино ты полученное умение тратишь.

* * *

В принципе актер должен больше любить театр, потому что театр меньше его «грабит». Он отби-

А к т е р

рает больше сил, но и платит сторицей. Именно в театре можно учиться, что-то копить. В кино с этим труднее: быстро приехали, быстро отсняли. Кино «грабит», актер всегда должен быть готов выдать все, что умеет. В театре можно все откорректировать, отшлифовать. Театр, вообще-то, штука диалектическая. Насколько у тебя больше профессионализма, житейского и актерского опыта, настолько можно совершенствовать роль.

* * *

Уровень профессионализма во всем мире измеряется деньгами. С этой точки зрения мне профессия вообще ничего не принесла. Живу в однокомнатной квартире — это все, что я заработал у советской власти за свою жизнь. Сегодня я не в состоянии купить ни новую квартиру, ни дачу. Нет у меня таких денег, сколько бы я не напрягался — не заработать.

1993 г.

* * *

Артистов всегда обожали в России. И только недавно стало возможным, чтобы именитый человек подошел к такси по привычке с улыбкой:

— Не подвезете ли?

— Нет.

— Но послушайте...

— Да я понял, узнал тебя.

Шварк дверцей и уехал. Кто бы ты ни был — Крючков, Леонов, Смоктуновский. Это тоже показатель. Миша Казаков тоже, наверное, на себе это ощутил. Он мне жаловался: вдруг раз и умолк телефон. Никому в России не стал нужен Пушкин. И получается, с одной стороны, равнодушие властей абсолютно циничное, с другой — народа, которому тоже не до искусства. Вот тут и есть проверка, насколько кто нужен. Случись великая миграция, когда пойдут переполненные эшелоны, и цвет нации элементарно задавят просто башмаками, собьют с подножки: иди отсюда...

1994 г.

* * *

Российский актер погибает обычно от водяры, все остальное — производное. А отчего он пьет, от чего черная дыра так стремительно засасывает людей, еще вчера бывших любимцами нации, этого я объяснить не могу, это неистребимый трагизм актерства. На моих глазах уходили люди, которых я обожал и которых почти никто не вспоминает. Алексей Эйбоженко, умерший на съемках

«Выстрела». Вадим Спиридонов, известный в основном по роли Федора в «Вечном зове». Его не хотели хоронить на Ваганьковском, потому что он был только заслуженным, а там положено лежать народным... Боже, что за счеты? Вот и сегодня, когда я хотел сделать вторую программу о Спиридонове, в первую вошла лишь часть материалов, мне на ОРТ сказали: не та фигура. Такое определение масштабов, посмертная расстановка по росту, ничего, да? Гипертоник Богатырев, младше меня на год, рисовал, писал. Он был страшно одинок и пил поэтому, и работал как проклятый. После спектакля во МХАТе плохо себя почувствовал, приехала «скорая» и вколола что-то не то... Юрий Белов, умерший в неизвестности, подрабатывавший шофером, как его герой в «Королеве бензоколонки»...

1996 г.

* * *

В артисте, мне кажется, главное — чувство собственного достоинства. Наша профессия во многом зависимая и униженная. Стоишь, как девочка у стены на танцах, и ждешь, пока пригласят. И каждый второй может тебе сказать: «Эй, артист, прикинься!» Потому что ты — шут гороховый. И люди могут вторгаться в твою личную жизнь.

Это и есть обратная сторона народной любви. Я отношусь к этому очень неважно, но понимаю, что публичность входит в профессию. Хотя такая суета быстро проходит. У меня тоже был такой период, когда папарацци падали на голову. Тяжело, но это тоже форма общественного внимания. И сама профессия предполагает необходимость, чтобы тебя видели, слышали, знали. Чего же тут обижаться? Не могу сказать, что все, что относится к моей личной жизни, я держу в страшном секрете. Что считаю нужным — расскажу. А что не считаю — из меня клещами не вытянешь.

* * *

Такого понятия, как актерский характер, мне кажется, нет. Есть миф о том, что артисты избалованные, своенравные и очень амбициозные люди. Поэтому, когда показывают артиста — это зачастую придурак, который визжит, что все не то и не так. Но они, как и все люди, очень разные. Есть и ленивые, и лишенные честолюбия, и дико необразованные, но выходят на сцену — глаз не оторвешь. Господь Бог талант вложил. Этой профессии вообще научить нельзя. Можно дать какую-то первую грамоту, но научить играть, жить на сцене, заставить зрителей плакать и смеяться — нельзя.

А к т е р

* * *

Мне кажется, слепых людей нет. И даже простые люди понимают: Евстигнеев, что бы ни делал — это природа. Публика менялась, когда он выходил. Мы играли «Игроков» во МХАТе. Артисты будь здоров — Саша Калягин, Слава Невинный, Наташа Тенякова, но выходил Евстигнеев — и все. Никого нет.

* * *

Питаться сегодняшним днем, лукавить с самим собой, что не хотел больше, чем хотел, и что ты артист и только... Нет, нельзя. Актер, любая творческая личность должны находиться в оппозиции. В оппозиции здравому смыслу, тем мощным категориям, которые сминают сердце, душу, делают тебя иным, чем ты есть, был и будешь. Любой риск, но чтобы оставаться собой. Сомнения — да. Тревога — да. Неустроенность в роли, общении, жизни... Но предательство — нет! К какой бы стенке не поставили.

* * *

На предложение сниматься чаще всего отвечаю отказом. Как правило, никому неизвестный режис-

сер оказывается дебютантом в возрасте пятидесяти лет или около того. Нетрудно вычислить, что это или графоман или деньгодел, который может позволить себе поиграться в кинематограф. Ну, зачем же я буду унижать собственную профессию? Обойдусь без такого кино.

1992 г.

* * *

К числу близких друзей Высоцкого я себя причислить не могу, хотя много общались и были в равных товарищеских отношениях. Мы любили его, но, честно говоря, масштабов личности в полной мере не представляли. Высоцкий был человек сложный и довольно трудный в общении, но личность его непостижимо, просто магнетически завораживала, приковывала к нему окружающих людей. Он очень много успевал делать. Не мог не писать, не мог не играть. Кино, театр, концерты, к которым он относился очень серьезно. Много ездил по стране. А нагрузки все росли. А сколько времени он тратил на друзей! Бесконечная череда добрых дел — он много помогал людям. Зачем ему, например, нужно было возиться со мной, начинающим молодым человеком? А он все-таки и на это время нашел. Своим первым песенным опытом в кино я обязан ему. Володя предложил вместе с ним

А к т е р

написать песни к телефильму «Туфли с золотыми пряжками». И я старался вовсю. А когда я тяжело заболел, первым, кто пришел на помощь, был все тот же Высоцкий...

1984 г.

* * *

Актер только формально в театре главный. Сейчас положение несколько изменилось, но ведь до сих пор раздаются голоса: артистов надо унять, они слишком разгулялись, так они скоро сами себя будут назначать! А ведь единственное чего мы хотим — заниматься искусством. Вообще, актер существо обидчивое, уязвимое, но, как не парадоксально — и терпеливое донельзя. Все его сегодняшние обиды вызваны неправильно понятыми правилами демократического существования.

* * *

Объяснение актерскому пьянству есть: стрессовая профессия. Звон фанфар в театре, потом возвращаемся домой, в свою нору. Хочешь жить — умей вертеться. Работы много, денег с гулькин нос, жилья нет, здоровье уже ни к черту, а надо бежать, потому что тебя обгонят другие. Сегодня остано-

вишься — завтра забудут. И тут появляется такой дружок как водка. Но я не думаю, чтобы в нашей стране артисты пили больше, чем люди других профессий.

* * *

Пить я вынужденно бросил. Это мне сейчас совсем нельзя. Я и раньше никогда не пил по-настоящему, в российском смысле. Всего два раза в жизни напивался так, чтоб нетвердо стоять на ногах. Хотя для релаксации рюмочки две хлопнуть ежедневно — дело святое. А потом оказалось, что это не менее вредно, чем глушить горькую.

* * *

Я играю в первую очередь для самого себя. Мы привыкли к положению, когда искусство у нас — сервис. Сфера обслуживания. А Пушкин говорил:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?
Бог с ними, никому
Отчета не давать,

А к т е р

Себе лишь самому
Служить и угождать.

Только так и можно заниматься искусством.

* * *

Актеров у нас любили. И слагали мифы. Хотя уже тогда Володя Высоцкий мрачно шутил: «Свались я в метро замертво, человек десять побегут звонить в «Скорую помощь», остальные сто останутся глядеть на мертвого Высоцкого».

* * *

У меня есть тоска по многофункциональной жизни, по движениям быстрым, контактам, к которым я привык. А профессии не жалко. Не будь этой беды, что со мной приключилась, если б однажды я решил уходить, ушел бы не раздумывая.

КИНО

Жизнь у акробата трудновата,
На трико заплата – вся зарплата,
Каждый день на брата – стершийся пятак.
И грохочут будни, будто бубны,
На афишной будке – в метр буквы,
Пощеднее будьте – выньте кошельки.
Соленый пот – не для господ,
Моя галерка в ладоши бьет.

* * *

Провалы были. И в кино, и в театре. Оглушительных было два. Не хочется сейчас называть эти фильмы, так как в них вложен не только мой труд. Конечно, искусство — всегда риск. И когда этот риск заканчивается неудачей, обидно, но не страшно. А вот когда ты идешь сниматься в заведомо плохой фильм из соображений, далеких от искусства, тогда винить можно только себя. Именно такими были две мои неудачи. Нужно четко уяснить, на что ты имеешь право, а на что — нет.

1984 г.

* * *

У меня не было каких-то особенных рефлексий. Может быть, только в первой картине «Экипаж», где приходилось сниматься голым. Как только я понял, что и не сильно атлетические люди тоже могут кому-то нравиться, для меня эта проблема перестала существовать. Честно говоря, я со своей внешностью никогда не ощущал себя суперменом. Я все время даже шутил: несчастна та страна, у которой такие герои-любовники. Я знаю, как выглядят супермены, например тот же Делон в своем как бы пожилом возрасте.

* * *

Для меня было просто неожиданностью, что я стал чьей-то сексуальной грезой. Я пытался всячески свой имидж развеять и относиться ко всему с юмором: смешно ведь в жизни ходить таким вот фанфароном. Я писал стихи, которых никто не знал, чего-то еще сочинял, много читал, и мне казалось, что мой интеллектуальный потенциал входит в некоторое противоречие с образом ловеласа, к которому меня приспособили. Если я выражал сексуальную грезу страны на определенном этапе, то это не лучшим образом характеризует страну. Я нормальный, характерный актер, никакой не герой.

1991 г.

* * *

«Избранные» — очень тяжелая, изнурительная работа, хотя мы жили в Колумбии, и нас окружал теплый океан. Мы были настолько загружены на съемках, что к концу дня вся кричащая экзотика становилась для нас безразличной. Из газет мы знали, что в Колумбии постреливают, но особенно об этом не задумывались. Когда же нам пришлось прекратить съемку из-за начавшейся перестрелки, стало как-то неуютно. Это были месяцы адской пахоты, и приятно, что картина получилась стоящая.

1985 г.

* * *

Пожалуй, «Избранные» — единственная картина, в которой мне пришлось несколько изменить свои внешние данные, например, отказаться от присущей мне энергии речи. Вообще, мне с этой ролью повезло, хотя работать на «чужом» материале невероятно трудно. Преодолеть чужеродное удалось только благодаря тому, что Сергей Соловьев снимал фильм об общечеловеческих проблемах.

Мне надо было сыграть плохого — хорошего человека так, чтобы его любили и ненавидели. Я стремился к тому, чтобы в каждый конкретный момент мой герой выглядел вроде бы порядочным человеком, но на самом-то деле обнаруживал свою моральную нестойкость, а в итоге несостоятельность. Он поразительно научился ладить с самим собой, постоянно подыскивая самооправдания. В момент возмездия такой человек искренне удивляется: «За что? Ведь я же ничего ужасного не сделал! А то, что сделал — это пустяки! Зато как сам страдал!» Он величайший обманщик, потому что ему удается обмануть самого себя. Он плачет, рассчитывая ни на чье-нибудь восхищение, а лишь на самоуспокоение.

1985 г.

К и н о

* * *

Поначалу я мечтал стать знаменитым. Думал, когда же и у меня будут просить автографы, когда меня станут снимать в главных ролях? После «Экипажа» все, о чем мечтал раньше, сбылось и... надоело через полгода.

1983 г.

* * *

О песнях, вернее о своих текстах к ним, я никогда не думал всерьез. Если бы не моя заботливая мама, собравшая все «музыкальное наследие» сына, я бы даже не представлял, что написал уже почти 80 песен в разное время и по разным поводам. Приходилось делать немало песен специально для теле- и кинофильмов: «Театр Клары Гасуль», «Мартин Иден», «Когда-то в Калифорнии», «Туфли с золотыми пряжками», «Трест, который лопнул».

В свое время выдумал спектакль «Подвески королевы» (по «Трем мушкетерам»), в котором должно было быть много музыки и песен. Этот мюзикл я готовил с Соловьевым-Седым. Но то было время какого-то бурного интереса к роману Дюма. Одновременно были поставлены телефильм, комическая опера, спектакли, и наша идея смогла воплотиться только в Театре мимики и жеста.

Написал 15 песен к «Острову сокровищ», хотел сделать пластинку, где не только сыграл бы сам все роли, но и исполнил бы песни, потому что запись задумывалась, как дневник рассказчика. Однако и эта моя идея оказалась неоригинальной, и пластинка не вышла. В общем, мои песни вряд ли могут существовать самостоятельно, они очень привязаны сюжетно к пьесам, к фильмам, тематически узки, и лишь некоторые из них могут идти дальше спектакля или литературного сценария.

Тематические песни к спектаклям, с одной стороны, писать интересно, с другой — меня всегда сковывают и затрудняют рамки сюжета. А сделать песню просто способом существования, способом выражения своих мыслей, эмоций у меня как-то не получилось...

1985 г.

* * *

На днях беседовал с дамой, представившейся кинокритиком: «Зачем вы снимаетесь в дурном кино?» Говорю: «Ну, понимаете, условия жизни артистов... приходится...» И долго ей объясняю, как будто она из Чикаго. В конце концов, мне стало скучно. Я не могу разговаривать с такими людьми. Они не видят, что есть законный

пейзаж. «Что-то не очень у нас идет». Да откуда «ему» идти, если рубль не адекватен ничему на свете?

Зачем нам Кафка? Нам нужна «Маленькая Вера». И молодой Пичул понимает это так пронзительно, так тонко. В последнее время я лучше работ, чем у Юрия Назарова и Людмилы Зайцевой, не видел. Пусть Пичул вложил эпатажные куски: лишь бы пришли, лишь бы увидели, а уж потом поговорим.

1989 г.

* * *

Я стопроцентно отдаю предпочтение «надбывтовому» кино. Нельзя произведение искусства проверять на истинность при помощи элементарного сравнения с жизнью. В художественном фильме быт должен быть доведен до такой степени концентрации, что даст представление и о бытие. Для меня важно, чтобы художник обладал своим мировидением и оригинальным киномышлением, способным наиболее глубоко выразить тенденции времени. Сейчас, увы, многие научились делать бойкие фильмы, точно так же, как многие рифмуют слова. Но ведь это же еще не поэзия...

1985 г.

* * *

Сейчас в моде непристойный юмор. Но все-таки народ у нас в старом бульоне воспитывался: с одной стороны, он крайне целомудренный, особенно в провинции, с другой — невероятно распушен. В России, если уж говорить на такие темы, то обязательно надо, чтобы было смешно. Чтобы не возникло ощущения отторжения, нужно делать легче, не грязно, не нагружать свинцом. Тогда непристойность, которая потребовалась как некая стилистическая задача, как компонент обозначения эпохи и способа разговора, будет находиться в области искусства.

1988 г.

* * *

Авторское кино, кассовый фильм... Это высшая из пальца альтернатива. Кино все-таки рассчитано на зрителя. Не так просто сейчас снимать, особенно европейцам. Ну, может Феллини существует спокойно, немножко Бертолуччи, а у остальных трудности. Никто не дает денег, только под коммерческую выгоду, чтобы получить прибыль с проката.

Все ищут способы завлечь зрителя. А заявления вроде: «Я снимаю кино для себя» звучат, по мень-

шей мере, глупо. Если тебе не нужен зритель, то ты-то ему тем более не нужен, и снимать тебе не надо, и нечего на тебя деньги переводить. Сиди дома, крути проектор, наслаждайся в одиночку собственным творчеством.

1990 г.

* * *

Не думаю, что сегодняшнее положение кинематографа хуже, чем было. Хороших картин всегда мало. И нельзя же поштучно: «Вот какую картину я сделал в эпоху перестройки». Ну, а до перестройки он, может, сделал картину лучше. А послезавтра сделает гениальную. Кому-то нравится, кому-то нет.

1989 г.

* * *

Искусство не может впрямую сразу же воздействовать на жизнь, перевернуть существующие аномалии. Оно как капля, которая точит камень, может и изменить образ мышления в сторону нравственности, которую почему-то часто путают с морализаторством.

* * *

Нас никто практически не знает за пределами Бреста. Будем смотреть горькой правде в глаза: коммерческое наше кино никуда не попадает. Я воспитан на поколении делоновском, на европейском кино. Сорвались два проекта: «Игрок» по Достоевскому, где моей партнершей должна была быть Настасья Кински, и «Палата № 6» с Марчелло Маджорани. Сорвались еще на уровне продюсеров. И все из-за того, что мы, советские актеры, ничего не стоим. И труд наш ничего не стоит, а там имидж, фамилия, даже ноготь звезды, как раз и приносят главные деньги.

1990 г.

* * *

В целом, кино, конечно, гибнет. Почему? Ну, во-первых, как любят сейчас говорить: прокат «американизирован». Какое роскошное слово! Ах ты, Бог ты мой! Как будто в Америке это говно кто-то смотрит. Американизированы они. Это вы себе льстите. Никакой американизации, просто идет поток дешевой пошлятины, которая к настоящему американскому кино абсолютно никакого отношения не имеет.

А, во-вторых, кто у нас снимает фильмы? Сейчас только, пожалуй, Сережа Соловьев. Хорошо, оставим это поколение. Найдем молодых, много ли они делают? Сережа Ливнев сделал «Кикс». Молодой Тодоровский — два фильма, замечательных, Месхиев. Все? И как мучительно каждому это дается! А мастера почти не работают. Денег не дают. Даже им. Зато сегодня в кинематографе царит некий Тютюкин, вчерашний осветитель или завмаг. И все говорят: нормально. Не знаю, может, это для кого-то нормально, но для меня кино все-таки вещь более сложная, чем даже то, чем я себе позволяю заниматься. Я не могу себя ставить в один ряд с людьми, которые тонко ощущают, что такое кино, за которыми кинематографическая культура, а не три отсмотренных картины Сабо, для которых кино — это жизнь, без этого они просто умирают. Но сегодня этого мало, надо, оказывается, на склоне лет приобретать еще и другие таланты: хватать, уговаривать, быть самоменеджером. У меня это не получается. Я не умею кланяться денежным мешкам. Я не знаю их, а мне для самоуважения надо знать, кому я предлагаю. Не прошу. А идеальная ситуация, если бы пришли и спросили: «Есть у вас проект?» — «Есть, пожалуйста». Но ведь так не происходит. Ни с кем.

1992 г.

* * *

Мне часто звонят с просьбой: «Приезжает звезда такая-то. Не возьмете ли на три дня?» — «Нет, — отвечаю, — не возьму». Причина лишь одна: я звезду знаю, а она меня — нет. Кто я для нее в таком случае буду? Официант? Развлекатель? Просто нормальный человек? Ну, поговорю с ней о перестройке, выпьем, покуражмся, но ведь хочется объяснить: я тоже актер. Хотя, конечно, можно поутру с легкого обоюдного похмелья завести звезду куда-нибудь, показать свое кино и услышать в ответ вежливое: «Здорово!».

Я вовсе не склонен комплексовать, не в нашей советской убогости дело. Драма в другом: мы слишком разные с миром. Не про уровень благополучия речь, не про количество вечерних туалетов. Менталитет у России особый во все времена. И кино, поэтому особое. Сегодня все время спрашивают: «Можно ли проникнуть на европейский рынок со своими фильмами?» С одной картиной можно, с двумя, десятью. (Причем я не уверен, что это будут лучшие картины!) А вообще — навряд ли. Киномир сам может поставить Солженицына. Но постановка — это не просто попытка камеры оживить сюжет. Солженицын — это наши недуги, наша боль, и мы его должны рассказывать на его, то есть на своем, русском языке. У нас и лица другие, и монологи.

Только за чертой нашей границы это оказывается малоинтересным. Не интересно миру и польское кино, и венгерское, и болгарское. Все понятно: Восточная Европа слишком долго находилась в изоляции. Слишком долго оставалась непознанной драгоценная кладовая ее культуры для Западной Европы и всех остальных. Поэтому никакая коммерция, никакой рынок нас «не поженят».

1992 г.

* * *

Мне стыдно за наш секс на экране. Если покажут голую ногу на экране чуть выше пятки, — это уже считается сексом. Начинаются дебаты: можно или нельзя? Во всем цивилизованном мире давно уже ушли от этого вопроса. Можно и нужно показывать жизнь во всех ее проявлениях. Нельзя лицемерить. Обидно, что в фильме «Маленькая Вера» Василия Пичула некоторые зрители увидели только интимные сцены и не заметили главного: какой это горький и правдивый фильм.

* * *

По существу — что такое голый человек? Это данность, это то, что каждый из нас про себя

понимает. И мы примерно догадываемся, как человек выглядит под одеждой. Не уподобляться же героини Ильфа и Петрова, которая заливалась краской, даже если перед ней был одетый мужчина, потому что знала, что под одеждой он все равно голый.

Надо все-таки научиться понимать, что есть эротика, что эротическое начало присутствует во всей мировой культуре: живописи, скульптуре. Ренессанс, во всяком случае, весь построен на культуре обнаженного тела. Мы должны просто подтянуться до определенной эстетики, до определенных периодов того или иного народа. Это пока еще не наша эстетика, и будет ли она когда-нибудь нашей, не знаю... Поэтому возникают смешные крайности вроде «У нас секса нет» или «Нам не нужно эротическое кино».

Я сам, когда делаю кино, а у меня и в первой картине немножко есть «голового» и в этой предполагается, стараюсь преподнести эти сцены обязательно в некоем ироническом контексте. Это освобождает многих в зрительном зале от необходимости стыдливо отводить глаза от каких-то комплексов, тяжесть которых я ощущаю на себе и сам, потому что я тоже дитя этой страны. Эротическое в кино должно быть сделано не грязно, как минимум сильно запряжено в сюжет, чтобы можно было объяснить зрителям: «Это необходимо,

К и н о

по-другому нельзя было». И обязательно должно быть смешно, юмор должен расслаблять людей. Далеко не все умеют сделать так, чтобы люди не стеснялись смотреть на экран.

* * *

Искусство может смягчить нравы, но я не верю, что искусство влияет на реальную жизнь.

* * *

Сейчас очень много жалоб, претензий к театру и кинематографу: «чернуха» идет. И можно понять людей в зале, ибо искусство — это милосердие и здоровье нации. Но в творчестве нельзя действовать только утешительными средствами. Порою необходимы и жестокие способы воздействия на человека.

Сейчас все ранее запрещенные плоды хлынули сразу. Их и пугаются пожилые люди, жившие и воспитанные по иным понятиям. И тут есть чего пугаться. В кинематографе немало кокетничающих «чернухой». Так и тянет их спросить: «Если, по-твоему, все так плохо, ну прямо конец света, и будто бы жить совсем незачем, чего же долдонить

об этом бесконечно, да еще за государственный счет? Да еще малохудожественными средствами? Зачем? Чтобы денег заработать? Тогда лучше снимай фильмы ужасов».

1990 г.

* * *

Чтобы избежать намека на таганскую ситуацию, я в «Сукиных детей» никого с Таганки не пригласил, кроме себя и жены. Потому что мне, как автору, можно не платить. Смету берег. А фильм о том, как актеры забаррикадировались в театре в знак протеста. Утопия такая, как, по-моему, нам всем следовало бы в некоторый момент себя вести.

1990 г.

* * *

В кино сейчас довольно печальная картина. Фильмы определяются двумя категориями: «Гениально! Весь мир обсмотрится!» или «за гранью». Мы постепенно забываем понятие «хороший фильм». Картина, прежде всего, должна быть добротной, тогда перестанут жонглировать определением «шедевр».

* * *

О, эта русская тусовка — суть причудливого русского характера. О, это полузабытое, исконно российское понятие «богема», где актеры общались, обсуждали, боготворили друг друга. Богемных тусовок у нас сегодня пруд пруди. Помянем в связи с этим русский менталитет, намекнем вскользь: начинается возрождение России. И все же внутреннее чувство подсказывает мне: Россия тут не при чем. В той салонной, блоковской России и говорили не о том, и пили медленнее, и держались достойней.

* * *

Ни в чем, безусловно, не виноваты наши конкурсы красоты, ни в чем не хочу винить фестивальные празднества, но опять чудится: идем мы в них не своим путем, идем следом за ними, и не возрождение это, скорее, нечто сродни аляповатому плагиату. Бесспорно, тезис «гуляй, мужик, снова живем» из области российских заповедей, но и достоинство — черта россиян. Предложение «гуляй, снова живем» без достоинства — лозунг уже другой формации. Вот снаряжается с пышностью великой фестивальный корабль — 600 прокатчиков едут за

границу. Ничего дурного в этом факте я не вижу, и все же, по-моему, люди интеллектуального труда должны понимать: это не есть норма. Допускаю, что мне, занудно поучающему, возразят: давно у нас не было праздников! И тут же все свалят на Пушкина. Но Пушкин не про это говорил, у него все герои во время чумы находились в совершенно равных условиях. У нас же сегодня не столько «Пир во время чумы» Александра Пушкина, сколько «Большая жратва» Марко Феррери. Одни едят досыта и пьют с криками: «Однаво живем, и смерть уже близка», другим, кажется, вскоре совсем нечего будет есть. У умирающих от голода и погибающих от переедания условия разные, не так ли?

Тем не менее как жить — не знаю. Дальше невеселых рассуждений дело не идет. Хотелось бы держаться потише и подостойнее. Чтобы побольше искусства и поменьше шума: кино мы снимаем все больше про свои беды и горести. Они, конечно, надоедают. Вокруг все только и кричат: «Хватит чернухи, светлуху хотим!» Только как ее снимать светлуху, если ты голоден, или, наоборот, наелся до отвала, если ты зол, и в воздухе висит ненависть, и тянет всех разоблачать? А веселиться, конечно, можно. Но тихонечко. Скорее для того, чтобы не падать духом и обязательно с оглядкой на унылый пейзаж за окном, на наше законное бытие.

1991 г.

* * *

Каким будет кинематограф 2000 года? Безумно сложный вопрос. Десять лет — это колоссальный срок! Это сопряжено со многим. Во-первых, какими будем мы? Не победит ли агрессия? Не победит ли эта чернуха, которая скопилась в атмосфере над нами? Говорят, что дьявольское начало сейчас сильно разгулялось. И многие серьезные люди, в том числе и от науки, ставят это состояние черноты в зависимость от катаклизмов, землетрясений, массовых несчастий. Видимо, когда-то выпущенное нами зло вернулось и повисло над нами же...

1990 г.

* * *

«Чтобы помнили» — истории, которые не претендуют на окончательную истину. Это как бы сколок судеб. Почему эти актеры, знаменитые, знавшие вкус славы, умерли в забвении? Почему они так рано ушли из жизни? Ведь никто из них не умер просто от болезни. Водка, одиночество, нищета.

Недавно показали картину «Сорок первый». Чухраю пришло огромное количество писем от зрителей: «Почему не снимается Изольда Извицкая?» И никто не знает, что она уже восемнадцать

лет в могиле, что она умерла красивой, молодой, женщиной...

Вот это мы. В нашей сегодняшней жизни. Что же в этом хорошего? Это же путь в никуда.

Я начал делать «Чтобы помнили» не потому что мне нравится разрывать могилы. Исповедовать чужих вдов и выслушивать истории чужой гибели отнюдь не способствует здоровью. Я просто чувствовал: отходит, отсекается огромный пласт жизни. Мы этим дышали, и я не хотел тот воздух отпускать. Сегодня даже имя Шукшина, не говоря уже о Трифонове, мало кому и мало что говорит...

* * *

«Чтобы помнили»... На фоне того, что все полетело вверх тормашками и в искусстве, и в жизни, стал искать какую-то иную идею, но нельзя сказать, что я нашел ее путем долгих раздумий. Она на земле лежала. Раз в сегодняшнем дне плохо, надо поискать, что было вчера. А единственное, что вчера было хорошо, — это люди, которых мы помним. Ну и потом, я к этому времени был уже, в общем, больным. Я начал делать передачу еще здоровым, но прошло совсем немного времени, и случился инсульт. А больные люди часто размышляют о

смерти. Для меня это тоже был вполне естественный круг забот.

Меня предупреждали, что не надо заглядывать в могилы, своим интересом ты выстраиваешь вокруг себя как бы климат смерти. И в долгожительстве твоём это тебе не поможет. Как говорил Ницше: «Если долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя».

* * *

Я уже вроде брэнда, мне деться некуда, а список ушедших артистов — большой. И потом, у нас все изменилось. Если раньше «Чтобы помнили» — это было целое кино телевизионное, то сегодня урезали до тридцати минут. А за полчаса показать судьбу невозможно. Передача стала более информативная, менее эмоциональная. Раньше был час, а первая передача про Инну Гулаю вообще шла полтора. Меня тогда вызвали в «Останкино» и поправили.

* * *

Неординарность, талант, я уж не говорю о гениальности, всегда считались некоей аномалией.

В общем, так оно и есть. И поэтому интерес кино к таким людям закономерен. Что такое святая норма? Жующий, пьющий, заботится о семье, но нет у него задачи — осчастливить мир. Так чего его изучать? Он без неожиданностей. Маленький человек в русской литературе, Акакий Акакиевич, например, тоже не норма. Это другой организм, сильно нежный. И у Достоевского все униженные и оскорбленные, которым он сочувствовал, тоже ненормальные. Так что ничего удивительного в этом нет. И нынешний бум в кино, он кажущийся, он был всегда. Вот появился «Телец» Александра Сокурова. Для чего это сделано? Мы Ленина считали великим, а у него, оказывается, пломбы во рту и естественные потребности он отправляет как простой смертный. Так мы об этом и без Сокурова догадывались. Обыкновенный был человек, только с извращенным сознанием. Умирал страшно. Но что нам доказывает это копание в физиологии полумертвого, ничего не соображающего человека? Что таков закат всех диктаторов? Что всех их ждет Божья кара? Но нам есть, с чем сравнивать. Например, «Осень патриарха» Маркеса. Как бы про то же, да не про то. Так что все зависит от твоего взгляда, твоего воспитания и с какой целью ты это делаешь. Отразить, отобразить — бросьте! Можно отражать и общественные туалеты. Задача искусства не

К и н о

кого-то чему-то научить, открыть истину человечеству, но хотя бы смягчить нравы. И если не дал Бог таланта подняться до откровения, занимайся хотя бы этим.

2002 г.

* * *

Итальянский неореализм просуществовал очень недолго. Как некий момент, сопряженный с новизной, с рассматриванием в микроскоп штукатушки, выщербленных зубов. И Пазолини, и Висконти довольно быстро ушли от неореализма. Ну, а наши фильмы... Чего уж так умиляться доброте советского кино? Оно было лживое. Там было девяносто процентов дерьма. И были художники, которые стояли особняком. Если брать последние годы, это Данелия, Тодоровский, Рязанов, если брать второй возрастной эшелон — Митта, Михалков, Кончаловский. Были и в республиках талантливые люди. Хотя появлялись в тех фильмах незамысловатые люди, которые говорили очень непростые, непростонародные слова, что делало их любопытными. Это была некая греза. Желание вырваться из обыденности.

2002 г.

* * *

Нет сегодня героя. Мелькают маленькие параметры благородства. Чуть человеческого в нечеловечке, как поступил хорошо! Ух, снимите шляпу! Это случайное совпадение. Герой — это кто? Христос, Че Гевара, если хотите. Где они, люди, способные за идею пойти на костер? Уголовник — вот герой нашего времени. Уголовник, ублюдок. Ну, так чего о нем рассуждать?

2002 г.

* * *

Телевизионный поток есть в любой стране. И в Америке, и в Китае. Это не называется кинематографом. Это дерьмо, потребность, которой всегда было в мире девяносто процентов. Но поток никогда ничего не определял: ни культурные процессы, ни общественные.

Конечно, это ужасно, это формирует вкус нации, но я уверен, что это результат объективных процессов истории. И они не чреватые окончательной гибелью нации и ее духа. Все проходит, и это пройдет. Талантливые люди рождались всегда. Они сейчас в тени. Их не очень видать. Но кончится время дураков. Оно уже потихоньку проходит, несколько десятков лет пройдет, и талантливые

К и н о

люди будут делать кино, писать книги. Бездарные бесславно отойдут и будут забыты.

2001 г.

* * *

Никто не считает себя бездарем. Они видят, что живут не среди гениев. Они видят, какие выходят книги, какое снимают кино и считают: сейчас можно. Да и глупо – поперек потока.

* * *

Внутренний самоограничитель – это привилегия людей талантливых. А человек, который делает сериал, такого рода сомнений лишен.

* * *

На телевидении, с одной стороны – сияющий мир «Баунти», с другой – каждое утро начинается с новостей: «В Москве убит...»

Тут не от чего сходить с ума. То, что убит – страшно. Нельзя приучать мозги к тому, что это норма. Лучше этому сострадать. Это полезнее для организма. Это реальная жизнь. А весь этот вирту-

Леонид Филатов

альный мир с «Баунти» и прочей чушью никакого отношения к живому человеку не имеет. Нигде. Ни в Америке, ни в Париже.

А смута в голове... Что же вы даете им так легко себя обдурить? Они рассчитывают на совсем уж плохие мозги, которых тоже достаточно. Женя Стеблов недавно сказал: «В мире всегда существовал соблазн. Были слабые, которые поддавались, но главный грех будет лежать на носителях соблазна. С них будет спрашивать Бог».

ЛИТЕРАТУРА

В пятнадцать лет, продутый на ветру
Газетных и товарищеских мнений,
Я думал: окажись, что я не гений, —
Я в тот же миг от ужаса умру!..
Когда судьба пробила тридцать семь,
И брезжило бесславных тридцать восемь,
Мне чудилось — трагическая осень
Мне на чело накладывает сень.
Но точно вызов в суд или в собес,
К стеклу прижался желтый лист осенний,
И я прочел на бланке: ты не гений! —
Коротенькую весточку с небес...

* * *

В юности я писал много и незатейливо, как и все дети. Складывалось же удачно, потому что всегда был кто-то из старших рядом, было внимание к тому, что я делаю. У меня не отбили, как говорится, охоту и печень с самого начала, а, наоборот, всячески поддерживали. Поэтому я стал серьезно заниматься переводами, что продолжаю делать и сейчас. Переводил туркменских поэтов, потом французов, венгров. Но должен сказать, что, читая переводы выше классом, чувствовал себя несколько поработанно, что ли. Там такие вершины! Ведь перевод требует дисциплины, умения не разбрасываться словами, а ограничивать себя в возможностях и средствах. На каком-то этапе я понял, что нужно попробовать работать самостоятельно.

1986 г.

* * *

Иногда пишу по десять вариантов одного и того же стихотворения. Не люблю дилетантов. В России писали все... И все же, стол есть стол. Люблю делать все серьезно, скажем так: лучше всех.

1987 г.

Л и т е р а т у р а

* * *

Что за жар-птица — вдохновение? Когда она прилетает? По какому графику? Я не ведаю. Просто заставить себя работать — писать сценарий, стихи — я не могу, хотя много трудился и через «не могу». Но стараюсь держать себя в рабочем режиме.

* * *

Ревнивая штука — письменный стол.

* * *

Жутко мучаюсь. Пишу медленно. Мараю уйму бумаги. Черновики уничтожаю. Мне могут простить написанное как баловство, но если дознаются, что я над этим еще и корплю ночами!..

* * *

Пример абсолютной органики актера и поэта — Володя Высоцкий. И Гамлета он умудрялся играть таким образом, что было понятно: это играет поэт.

Шукшин? Для меня он в первую очередь — писатель, потом уже — актер блистательный, а на

третьем месте — режиссер, ибо эта профессия зависела от двух первых.

У Феллини режиссерское мышление подавляет писательское. Пазолини — един во множестве лиц.

Метрик, археолог, писатель — знаменитый когда-то в России, — он и художник, но в нашей памяти остался, по существу, как режиссер.

Думаю, в первую очередь, я артист. Будь это иначе, наверное, перестроил свою жизнь в пользу литературы, отказываясь от чего-то в театре, кино. Но я этого не делаю.

1989 г.

* * *

У меня, как правило, лежит несколько параллельно начатых работ, а поскольку я в этом деле любитель, а не профессионал, то стараюсь извлечь определенные выгоды из этого положения: работаю, как работается. Хотя к работе за столом отношусь серьезно, потому что с детства привита вера в силу печатного слова и любовь к нему.

1989 г.

* * *

Хотелось бы, конечно, чтобы кто-нибудь прочитал мои книги, но я трезво смотрю на вещи. В се-

Л и т е р а т у р а

годняшнем мире Блока никто не читает, мне ли обижаться? Кто-то прочитает и слава Богу. Хотя бы товарищи.

2001 г.

* * *

В России всегда талантливые, прозренческие произведения рождались на сопротивлении как бы низов верхам. И вдруг ситуация: верхи ничему по сути, не сопротивляются. И низы ринулись против... друг друга. Возникла, например, литературная полемика, которая никакого отношения ни к литературе, ни к истории не имеет, а имеет отношение к личным амбициям и жажде власти. Уже добрались до всех фигур, перетрясли всю нашу семидесятидвухлетнюю историю. И даже в этом успели соскучиться. Так вновь проявила себя истина: посмеявшись, ты погасил в себе желание изучать, ты якобы все знаешь. А надо оставить душу и уши открытыми, чтобы ты мог еще и плакать.

1992 г.

* * *

Казалось бы, шлюзы открыты, и вдруг выяснилось: так мало оттуда потекло воды, что даже странно. Что все эти годы собирала плотина? Злобу?

* * *

Публикуются некогда ненапечатанные произведения авторов, которые уже тогда думали гораздо глубже, видели острее, точнее, а иные просто отдали жизнь, чтобы изменить нашу систему. Сравниваешь себя с ними и выясняется: мы были не самые передовые, не самые-самые... Те люди поотважнее. Они шли на риск, лишались не только работы, но и попадали за решетку. Благодаря им, тогда известным, всегда была и есть надежда, что страна вылезет из грязи. Хотя мы и одичали изрядно, обозлены, все равно, я думаю, что при такой истории, при таком количестве от природы благородных людей, не может быть, чтобы мы не вытащили самих себя из рутины.

1990 г.

* * *

Мне кажется, надо ощущать культурный контекст страны, где ты живешь, и тогда сразу понимаешь свое место. Спокойно. Не самоунижаясь. В стране Блока, Тютчева, Маяковского, Ахматовой, Цветаевой как же можно уж так заноситься? Не могу же я как девица, которая сидит в трусах и на всю страну по телевизору рассуждает: «Я в моем творчестве...» Не помню точно, Рассадин или Аннинский в ответ на вопрос о творчестве замечательно сказал:

Л и т е р а т у р а

«О творчестве не надо. Творчество у Алены Апиной, а у нас работа».

2001 г.

* * *

Радость от сочинительства связана с процессом. С результатом редко. Мне кажется диким человек-индюк, который от себя в восторге. Пишешь — и хорошо. Но не говори, что мастер. Подмастерий. Даже подмастерий подмастерья.

2002 г.

* * *

Я не графоман, не высвобождаю для сочинительства время, не сижу по ночам. Возникает замысел, сажусь и делаю. Бывает и забрасываю. Бываю разочарован написанным, заталкиваю куда подальше, чтобы никогда больше не возвращаться, у меня много таких начатых и брошенных вещей. Бывает, по году не сажусь за письменный стол. Иногда начинаешь стихотворением, а заканчиваешь сценарием. Садисься строчку записать, а потом это вдруг вырастает в подмалевок стихотворной пьесы. В общем, методологии никакой, но это как раз свидетельствует, что я не запойный графоман.

1994 г.

* * *

«Федота-стрельца» писал много лет. Началось это где-то в конце 70-х. Пришел один режиссер и предложил подготовить текст для детской пластинки. Я достал сказки Афанасьева и попробовал переложить сюжеты на стихи. Подражал немного, как мог, жанру частушки. Детские воспоминания (с ужасно бессистемным чтением), любовь к сказке — все всплыло. Рождались диалоги, сюжетные элементы. От идеи детской пластинки пришлось отказаться. В течение шести-семи лет раз за разом бросал, по году не прикасался, писал опять, так набрался приличный объем.

Тогда я стал думать, как сложить сюжетики, сценки, строчки в единый сюжет. И это было самое трудное, требовало дисциплины. Пошел скрип, но я стиснул зубы, чувствуя, что конец близок. Я никак не думал, что это будет иметь какое-то хождение, что кому-то понадобится, понравится. И не приди ко мне люди из «Юности», я бы палец о палец не ударил, чтобы сказка была где-то напечатана. А потом вдруг пошли издания, переиздания, спектакли, фольк-оперы. Но возник перекосяк. Эта сказка превратилась в танк, автономно существующий вне меня. На каком-то этапе я испугался, что уйду как автор одной-единственной сказки, и когда из зала в ответ на мои попытки

Л и т е р а т у р а

прочешь что-нибудь другое, кричат: «Давай сказку!», я понимаю, что даже лишен роскоши задать вопрос: «А какую?»

1995 г.

* * *

Нынешнюю популярность «Стрельца» оцениваю, как случайность, может быть, и неоправданную. Был такой писатель Булгарин, наипопулярнейший в XIX веке. Только ценители понимали, что в сравнении с тем же Пушкиным, он просто способный беллетрист. Он имел такую славу, которую, как мы понимаем сегодня, не заслуживал. Поэтому замечу, что суд современников, это неблагодарный суд.

* * *

Кропаю стишки с детства. Я люблю, когда информации много, она сюжетна и еще несет культурологический смысл. Иногда долго сидишь, пытаешься, максимум информации уложить в строфу, но получается громоздко. Думаешь: «Нет, придется восемь строчек вместо четырех делать». А вот когда мало слов и при этом довольно плотно написано — тогда хорошо получается.

* * *

В «Щуке» писал песенки. Сознательно разгружал строку от излишней информации, делал легкой, простой на слух. В общем, занимался обратной грамотой. Если раньше меня тянуло к классикам, то теперь вслушивался в Галича, Визбора, Клячкина, Кукина... А потом бросил писать и песенки.

* * *

Однажды написал для капустника пародии. Володе Высоцкому мои пародии нравились. Кое-что он читал Марине. «Марин, Марин, послушай!» Ну, что Марине Влади наши поэты, кого она знает? Ну, что делать? Читаю... Марина реагирует замечательно, смеется там, где надо. И я сразу проникаюсь к ней огромным уважением. Не только обожанием со стороны, как все школьники в России в то время, а именно уважением, как к человеку, который знает предмет.

Именно Высоцкий и заставил меня выйти с пародиями на сцену. Мне это и в голову не приходило, такие претензии казались смешными. Тут с известными вещами выходишь, а зал не реагирует. Чувствуешь себя сразу как бы обгаженным. А уж свои собственные сочинения...

Л и т е р а т у р а

Выступали мы в Питере, в каком-то дворце искусств вроде нашего ВТО. Зал полный. Володя вдруг говорит:

— Сейчас ты пойдешь.

— Да ты что?! Меня знать никто не знает сто лет!

А до этого я читал сочинения только своим.

— Пойдешь! — И Высоцкий вытолкнул меня на сцену.

Я прочитал и... успех! С тех пор я осмелел. Рано или поздно я и сам бы вышел, но когда бы это случилось...

* * *

Прежде чем сесть записать, я сто раз пройду, как это примерно в диалоге будет, и, когда понимаю, что интонация точная, — начинаю писать.

* * *

На определенном этапе, занимаясь стихотворчеством, я понял, что поэтом мне, видимо, не быть. Надо пробовать что-то другое. И поскольку уже тогда я работал на телевидении, начал писать пьесы, пытаюсь, все это сочетать с актерской игрой.

Тогда и появилась моя страсть к пародии. Я их писал, и сам исполнял, что немаловажно. Многие из них были напечатаны. Но тратить жизнь на это нельзя. К тому же пародировать можно тогда, когда есть достаточное количество поэтов, имеющих собственное лицо. Разве можно пародировать графомана? Пародия — это знак уважения. И тогда потихонечку из пародий, из моего актерского желания все время кем-то притворяться, появилось желание говорить иной интонацией, не своей, но всем знакомой. Так родился замысел моей «Сказки».

1987 г.

* * *

В юности любил Вознесенского и Евтушенко. Позднее к ним присоединилась Ахмадулина. Ее интонацию я стал постигать, когда сам уже начал немножко писать. Чуть позже узнал Пастернака. И если говорить о степени потрясения, то и на сегодняшний день — это Пастернак. Но вот любил же я Вознесенского больше, чем Пушкина, когда гонялся за формой. А потом понял, что высшая форма — спрятанная, такое течение стиха, когда не замечаешь, как лихо сделано. И для меня есть два совершенно разных поэта: Пушкин и Пастер-

нак, они сегодня тревожат мою душу больше, чем все остальные. Хотя люблю Чухонцева, Кушнера, позднего Слуцкого, Юнну Мориц, Самойлова. И Окуджаву!

1987 г.

* * *

Я долгое время не понимал, что Пушкин — гений. Вот Пастернак — гений. А почему Пушкин? Я все мог разложить по полочкам: в стихах Пушкина гармонический строй, легкость необыкновенная и т. д.

Когда-то я пытался сделать «Декамерон» в стихах. Это, как известно, истории нескольких людей, которые собираются во время чумы и, естественно, разговаривают о чуме, о смерти, и кто как этот уход принимает. Сколько я записывал разных тезисов, соображений: хорошо бы вот это сказать, вот это... Обольщался: может, впервые в мире думаю о жизни и смерти так свежо, по-новому. А потом, что-то меня потянуло, погляжу-ка «Пир во время чумы». Сколько там — девять страничек? Обо всем сказано. Все мои записи, а у меня был уже целый толмуд — строчкой, двумя. Все у Пушкина есть, все. Климат чумы, размышление о том, что есть смерть на миру, что такое катаклизм, и как себя ведет человек в экстремальной ситуации, все это

есть у Пушкина. Он так, между прочим, словом или строчкой — все обозначил. Сидел в Болдино, попивая винишко, никуда не выйдешь, разве что на крыльцо. Кругом слякоть, холера. Гений. И выяснилось, что весь мой колоссальный труд, набитый в две огромные папки, был напрасным. Но сравнивать с Пушкиным то, что делаешь, необходимо. Интересно узнать: насколько мы тянем?

* * *

На стихотворения нет сил и времени. Кроме того, в большой форме я знаю примерно, о чем писать. Это потом возникает тысяча конкретных «о чем». А в стихах я не знаю, о чем писать.

* * *

Графоман — это человек, который не может не писать, грубо говоря. Это слово и комплиментарное, и уничижительное одновременно. Оно всякое. Как хочешь, так и трактуешь. Обычно, по молодости, все чего-то пишут, но в определенном возрасте прекращают этим заниматься. А графоман не может остановиться. Главное для него — выявление своей природы. Графоман ценит богатство своего

Л и т е р а т у р а

внутреннего мира, считает его интересным для окружающих. Поэтому спешит излить на бумаге то, что в нем горит, кипит. Впервые что-то почувствовал, и ему кажется, что мир этого еще не слышал, не переживал.

* * *

Стихи воспитывают в людях вкус к абсолюту. К тому, к чему человек тянется подсознательно. Ведь поражают даже две строчки Пастернака. У него поэма целая, а ты уже от двух строчек плачешь! Вот почему я и защищаю графоманство. Это, конечно, бич России, но не самый страшный. В любом случае – это форма творчества. Пусть форма творчества маленького паучка, который ничего не может связать путного. Это неважно. Важно, чтобы было стремление. А мы уже близки к тому, что наш народ не хочет ничего, разве что куснуть, ударить, отнять.

* * *

Все называют себя писателями и режиссерами, если имеют хотя бы одну-две вещи. По-моему, даже Твардовский и то не называл себя поэтом, а только

литератором. А у нас поэт — профессия. И начинаются торжища и шабаш: быть Союзу писателей, не быть Союзу писателей... Как же бедный Толстой обходился? Как выкручивался Достоевский?

Мои индивидуальные письменные работы пока не имеют очертаний. Я не знаю, во что это вылетит, захочется мне этим заниматься дальше или нет. А потом захочется ли кому-то это печатать. Я ведь всегда относился ко всему, кроме основной своей актерской профессии, как к развлечению, которым можно поделиться, если окружающие проявляют интерес. Мне и в голову не придет заваливать редакции рукописями. Что я, Тютчев, что ли? В общем, пока я со своим будущим не определился. Понимаю, что этот период скоро должен закончиться, но пока ничего не предпринимаю, существую довольно праздно. Пережидаю, болею, ленюсь.

2000 г.

* * *

Писать «по мотивам» — такой идеи, как таковой, вначале не было. А вот книжку, которая появилась под нескромным названием «Театр Леонида Филатова», я хотел назвать «Чужие сюжеты». Какой в этом смысл? Кто-то сказал, что вообще все миро-

вые сюжеты исчерпаны, то есть чтобы исчерпать все житейские ситуации, которые только могут возникнуть на земле, по одной версии требуется пять, по другой — тридцать с чем-то сюжетов. Поэтому зачем эти сюжеты сочинять? Они уже давным-давно кем-то придуманы в том или ином варианте, а есть сюжеты, которые у всех на слуху. Из них можно делать не некий повтор, не римейки, а, как бы сказать? Ну, некий другой цветок. Именно отталкивание от того, что ты знаешь, что было в этом сюжете, высекает новую искру. Тебе уже многое не приходится объяснять. Это дает по искусству маленькие сдвиги и по артистике передвижки. Вот поэтому мне казалось, что это дело довольно плодотворное. За позапрошрое лето я налудил две большие пьесы — «Возмутитель спокойствия» и «Опасный, опасный, очень опасный».

* * *

Когда Галина Борисовна Волчек меня спросила: «А нельзя ли сделать какую-нибудь проказу с пьесой Шварца: «Голый король?», я ответил: «Нет, переписывать Шварца я не возьмусь. У меня нет и отваги такой. Это мог бы замечательно сделать Гриша Горин. А я этого не умею. Поэтому сочиню фарсовую, балаганную историю на тему черного

пиара, на тему, как умеют воспалять народ. Это будет сознательное, хулиганское, пародийное переложение того жуткого времени, в котором жил Шварц, того эопова языка, на котором все вынуждены были разговаривать. Поэтому у меня язык, как бы очень форсированный, эмоция прямая и интриги незамысловатые».

* * *

Раньше был мучительный процесс построчного сочинения за письменным столом. Сейчас чаще хожу, наговариваю, иногда выдерживаю текст дней пять, и потом уж записываю.

2001 г.

* * *

Я бы себя презирал, если бы издал свою книгу за свой счет. Правда, у меня нет таких денег. Но если бы были, не тратил бы их на собственное творчество. Книги издают за счет спонсоров, которые сами приходят и предлагают свои услуги. Хотя я при этом испытываю некоторую угнетенность и застенчивость. На Бунина, Лескова и Достоевского никто денег не хочет тратить, а нас, графоманов, издают. Но, с другой стороны — не нахожу в себе сил отказаться.

* * *

Название «Сукины дети» следует понимать более широко. На эту тему существует много легенд, одна из которых связана с Фаиной Георгиевной Раневской. Вот говорят: артисты простодушны как дети. Если ты не веришь как ребенок, то ты не можешь сыграть. Это все так. Хорошие артисты должны быть простодушны, хотя скептические времена показывают, что простодушие тоже имеет разные формы. Оно необязательно детское, оно может быть отравлено запасом знания про жизнь. Так вот, Раневская сказала, что артисты — это сукины дети, в таком широком ласковом понимании. Они — дети, но дети испорченные. Ввиду того, что эта книжка носит пестро-театральный характер и написана артистом, я счел возможным вынести такой заголовок, относя это ко всем артистам с нежностью, а к себе — в более жестоких смыслах.

1993 г.

* * *

«Опасные связи» — слишком сюжетный роман, слишком авантюрный. Он, грубо говоря, почти предполагает пьесу. Хотя написан в письмах, дочитать до конца это трудно, но сюжет выловить

нетрудно. Потом выяснилось, что мне и сюжет-то не очень нужен, просто как бы толчок от эпохи, как бы от стилизации, а потом уже не важно. Как только окунаешься во взаимоотношения разных персонажей, уже начинаешь думать сам. Какое-то время мне было интересно, чисто литературно. Я никогда не помышляю о какой-то сценической реализации, но, поскольку я когда-то был артистом, то чего-то сочиняя, я, естественно, проигрываю на интонацию. Видимо, поэтому, как сказал мне мой друг Володя Качан, очень легко играть, если следовать за текстом, потому что он железно заintonирован. Но, с другой стороны, артистам не хватает воздуха, попытка сымпровизировать, нагрузить чем-то иным кончается плачевно.

Роман Шодерло де Лакло в свое время, в XVIII веке, произвел фурор. Делал его артиллерийский офицер, никакой не писатель, и книга считалась по изложению фактов почти аморальной, но вместе с тем там была заложена некая мораль, некое отвращение к происходящему. И я понимал, что эта мораль, применительно к сегодняшнему дню, у де Лакло слабовата. Потом, к давно написанному на чужом языке я отношусь, как к некой наскальной клинописи, это уже знаки, которые нужно расшифровывать.

Мне показалось, что убивать Вальмона не нужно. Что во времена, когда вообще утрачено

понятие греха, это чрезвычайно важно. И дело не в огромном количестве женщин, которые поддавались на его оболстительные уловки, хотя это грех, а в том, каким путем осуществлялась атака, и что было потом с жизнью этих женщин. Поэтому я поменял гривуазное название «Опасные связи» на три раза ударенное слово «Опасный, опасный, очень опасный». Мне кажется, это лучше, может, это не принципиально, может, я и заблуждаюсь, может, для кассы было бы выгоднее «Опасные связи», но я как-то мало заботился о кассе.

Мне кажется, это важнее: Вальмон опасен как носитель этой чумы. Чумы того, что все можно, что можно переступить через людей, в данном случае, женщин, переступая через любовь их оскорбленную. Но вообще, если это можно перенести на кальку жизни, тогда это касается всего. Просто история любовных взаимоотношений она как бы ближе, понятней всем. Поэтому появилась такая версия романа. Не первая и не последняя. У одних французов только шесть экранизаций, две знаменитые картины Фриерса «Опасные связи» и Милоша Формана «Вальмон». Каждый выискивает то, что ему кажется важнее.

Но, естественно, увлечение эстетикой — оно почти неизбежно у любого постановщика. Но мне кажется, что важнее не демонстрация костюмов и эпохи, а того, что происходит. Я допускаю,

есть тому примеры, как очень малословная пьеса может сообщить очень много. Я, к сожалению, сам человек многословный, поэтому управиться со словами не могу. Мне казалось, что нужно дать артистам проявиться каждому, поэтому пьеса довольно большая по словам. Но, с другой стороны она не самая большая. Это в наше клиповое время кажется, что слова — это уж чересчур. Применительно к Мольеру я очень умеренный писатель, очень умеренный.

* * *

Сюжет сказки Шарля Перро «Золушка». Первая часть традиционная, а во второй — милая Золушка, попав во дворец, превращается в настоящую стерву. Власть, деньги, роскошь сделали из нее отвратительную падаль. Финал будет примерно такой:

Мир движется тихонечко по фазе,
Ступеньки перепрыгивать нельзя.
Из тех же, кто из грязи сразу в князи,
Плохие получают князья!

Вообще к любой мечте необходимо долго готовиться, что ли. И воспринимать ее, как некое

продолжение трудов. Иначе — плохо дело. Вот превратилась замарашка в принцессу. А что дальше? Счастье? Но разве счастье в этой мишуре, в деньгах? Нет, конечно. Оно в гармонии с самим собой, в любви. Только в сказке счастье может быть в деньгах, а в жизни так не бывает.

* * *

Книга вышла. Красивая. Тираж 50 тысяч. Но то ли от того, что время изменилось, и мы стали другими, особой радости я не испытал. Сказать, что я мог бы спастись в писательстве, не будет правдой. Я — человек аудиторный, мне нужен зал, зрители, их реакция. Я не могу работать впрок. Я, конечно, что-то делаю и в кино, и в театре. Работаю у Сережи Юрского в спектакле «Игроки». Это очень интересно, хотя и не дает ощущения собственного дома. Ниша перемогнуться, сохраниться — она есть. Но это, как пережидание зубной боли. А вот как употребить себя во что-то полезное, и если не прозвенеть, то хотя бы согдиться? Оказывается, человек без этого не может, а жизнь летит, и все так стремительно заканчивается. Если бы можно было сообразить, я бы жизнь свою устроил иначе, придумал бы, но не придумывается...

1992 г.

* * *

Сейчас отдаю литературе все свое время. Это — часть моего заработка. В общем-то в наше время можно жить литературным трудом, хотя многие и жалуются на то, что их забыли. Хотя бывает, что кому-то и не везет. Я не бегаю за издателями. Они сами приходят.

* * *

Сказать, что мы зачитываемся книжками друг друга? Нет. Никто не замечает. Выходит книжка Золотухина, я примерно знаю, что он может написать. Кое к чему отношусь вполне лояльно, кое-что считаю полной белибердой.

«Записки заключенного» Смехова — беллетризованные воспоминания. Там есть с чем спорить. Фактологически или по взгляду. Но сколько людей, столько и мнений, и у каждого своя память. Может быть, нельзя назвать это литературой, но это принадлежность некоего романтического времени. Мне кажется, греха большого в этом нет. Не думаю, что кого-то из соотечественников они должны оскорблять и обижать.

1993 г.

Л и т е р а т у р а

* * *

Все пишут по-разному. Пушкин писал лежа, у него доска специальная была. Я по-другому устроен. Если раньше я садился за стол и выдумывал, то с годами — нахаживаю, надумываю, а когда все сложилось в башке, — сажусь и записываю. И, когда в письме читаешь, уже видно: здесь слишком жидко. Тезис, может быть, хороший, а подготовка к нему жидковата. И стараешься сделать поострее, поэнергичней. Понять-то можно только по тому, что буквами написано, словами. Я пишу почти печатными буквами. Компьютер есть, но я им не пользуюсь, это меня убивает. Когда не мог держать ручку, диктовал жене. А потом пошло потихоньку, учился заново писать.

* * *

Я впервые в жизни ленюсь. Занятия за письменным столом не требуют такого напряжения, как сцена. Хотя, возможно, мне сейчас и нужно расслабление. Я слишком долго жил в напряжении. Вообще я не могу без какой-либо деятельности. Литературной деятельностью я вынужден заниматься, поскольку нет сил на актерскую. Комедию

Леонид Филатов

«Лизистрата» я написал в ожидании операции, когда лежал с искусственной почкой. «Сказ про Федота-стрельца» — в ожидании интересной роли.

РЕЖИССУРА

Когда, обвенчанный с Удачей,
Я гордо шел от алтаря,
Народ сочувственно судачил:
Зазря, мол, все это, зазря...
Не верят!.. Так или иначе,
Но я на свадебном пиру
«Удачи, родненький, удачи!» —
Себе отчаянно ору.

* * *

Упущено то время, когда можно всерьез прийти в режиссуру. Быть режиссером — не значит сделать одну картину и случайно «попасть». Это нужно превратить в систему, разработать некую эстетику, художественную идею. Но для этого нужна была бы другая жизнь. Так поздно в режиссуру не приходят. Это труд, производство, два-три года на картину, на замысел, на его реализацию, огромное количество задействованных людей, своя команда.

* * *

Я никогда не говорю о себе: «Я режиссер». Ну, реализовал одну идею, которая пришла мне в голову, и в которой я понимаю, как мне кажется, лучше других. Появится другая идея, возможно, будет второй фильм. Увы, у нас страна дилетантов, и уровень планки очень занижен.

* * *

Был период, когда абсолютно все кинулись снимать кино: и артисты, и операторы, и гримеры. И только один я занимался своим делом. И вдрут

позвонил Данелия и предложил снять «что-нибудь»... Нет, если бы лет семь тому назад мне предложили вообще что-нибудь снять, то я бы кинулся с головой в это предприятие. А полтора года назад я о кино не думал. Зачем снимать дилетантские фильмы? Кругом и так много «никчемушек», сбаванных таким примитивным способом, которому можно обучить и зайца. И я неопределенно ответил Гие: «Надо подумать». И отложил это дело в долгий ящик. Для меня важна была идея, что-то такое, о чем я знаю лучше других. И еще, это непременно должно быть что-то личное.

Потом как-то сама собой возникла такая идея, которая постепенно стала обрастать другими, и, наконец, вылилась во что-то целое. И однажды, сев за стол, я за две недели написал сценарий фильма. И, успокоившись, отложил его.

Через год после первого разговора опять позвонил Данелия и спросил: «Ну как? Ты что-нибудь надумал?» — «Да, у меня уже и сценарий в столе лежит». Без излишних проволочек почти сразу же мы запустили картину.

1990 г.

* * *

«Сукины дети» — это киносказка про то, как из сора возникают стихи, и как несчастье делает людей

тоньше, лучше, внимательнее, доброжелательнее, просто выше. Фильм нельзя отождествлять с тем, что происходило в Театре на Таганке. В жизни все было гораздо драматичнее...

1991 г.

* * *

Довольно долго я считал картину прошлогодним снегом. Сам сюжет — чиновники, партократия, где все они сейчас? Все попрятались по углам. Но у меня была уверенность, что мы слишком торопимся со всем этим распрощаться. И в итоге она оправдалась: картина вписалась в трагический контекст событий в Литве.

* * *

«Сукины дети»... Это фильм о том, что каждый из нас носит в себе человека. Есть минуты, есть верховные часы, когда человек обязан стать человеком, и в нем проявляется ощущение достоинства: «Я живу один раз, и что мне все начальники на свете, плевать я на них хотел. Я умру с легкими, полными воздуха, а не так, как они предлагают: сползти к безымянной могиле. Жизнь уникальна. Она все-таки подарок Божий, а не советской влас-

Режиссура

ти или правящей партии. И подчиняюсь я только Господу Богу, а не им, с их идеями, доктринами и всем прочим».

1991 г.

* * *

Чиновник, которого я сыграл в «Сукиных детях» — самая плохая роль в сценарии. Там же ни биографии, ничего. Типаж. Просил Олега Янковского. Товарищей просил. Никто моим просьбам не внял. Амбиции были большие, компания звездная. И в последнюю секунду сыграл сам.

* * *

Картину «Сукины дети» многие проецируют на Таганку. К сожалению, я не мог придумать ничего более удачного, чем отъезд режиссера из страны и лишение его гражданства. Если бы я придумал какую-нибудь другую идею, ради которой артисты могли бы пойти на то, на что они пошли в моем фильме, никакой бы связи не угадывалось. Но пришлось использовать реальную ситуацию, придумывая по ее канве фантастическую ситуацию, которой, к сожалению, в жизни никогда и быть не могло. Кроме того, без конкретных

людей и собственного жизненного опыта я бы не обошелся. Счастливых и Несчастливых — это не более чем маски. Но у меня среди артистов нет плохих людей. В жизни они могут быть разными, но театр обязывает видеть, а значит, и вести себя — иначе.

* * *

Сегодня в стране практически невозможно снимать кино. В условиях инфляции, когда собственную жизнь можно планировать только на два-три вперед не более, это сложно. Начинаешь с энного количества миллионов, а заканчиваешь уже миллиардами. Лопается одна картина за другой, даже не успев начаться.

1993 г.

* * *

Я работал без перерывов, без отпусков до 90-го года. Снимал кино, хотя режиссура всегда была для меня баловством. Может, поэтому моя вторая картина «Свобода или смерть» и осталась незаконченной. Я снял в Париже практически две трети фильма, а потом кончились деньги. Я, идиот,

решил сэкономить на себе и был не только режиссером и сценаристом, но и сам сыграл главную роль, думал: себе-то могу не платить. Оказалось, гонорарные деньги — капля в море. А, в результате, картину нельзя закончить. Сам я играть не могу, кого-то уже нет в живых, кто-то уехал за границу, кто-то просто состарился.

Кино — скоропортящийся продукт. Это не спектакль, который можно отложить, перенести. Наши продюсеры этого не понимают. «Ну, что ты горячишься?» — спрашивают. «Время, время уходит», — отвечаю.

Потом раз — insult. А через полтора года звонит продюсер: «Деньги нужны?» — «Да нет, — говорю, — никому они теперь не нужны».

* * *

Герой в «Свободе» — Толик Парамонов — это даже не диссидент. Это такая пенка, которая бегала им за водкой. Он — мыльный пузырь, но тщеславие — без берегов. Я таких тоже знал и знаю, но называть не буду, люди известные, которые на всем этом хотели сделать себе имя. Толик — писатель, которого не издают. По причине, конечно, что «нельзя, потому что он такой опасный»... Дерьмо потому что. А дерьмо не

издают нигде — ни там ни здесь. Правда, здесь сейчас издают.

Когда Толик приезжает на Запад, куда он как бы стремился, он не может поверить и примириться с тем, что он никто. Ему свобода как раз не нужна. Он — подпасок, холуй. Он всегда должен быть при ком-то, при чьем-то колене. Тогда у него есть шанс выиграть. А в таком пространстве, в котором, действительно, свобода неуправляемая, управляемая, но не на его уровне — он никто. Поэтому понятно было, что эти ребята — мыльные пузыри.

* * *

На телевидении за программу «Чтобы помнили» никто не заплатил ни копейки. Я снял шесть серий, которые не могу смонтировать, потому что за монтажную надо платить телевидению, чтобы потом эти шесть серий ему же и подарить.

* * *

Мне много чего не нравится: плохая музыка, плохие тексты, но никто же из них не уверяет, что он Тютчев. Время такое — потребление глупости.

Режиссура

Это пройдет. Неминуемо. Уже пришли новые артисты. Ни в одном поколении не было такой мощи. Сережа Безруков, Женя Миронов, Володя Машков, Владик Галкин – столько талантливых людей, и судьба такая стремительная. В нашем поколении не было таких. Судеб таких не было, а не талантов.

O BEPE

Не оставляй нас, Господи, в живых,
А то мы светлый замысел Господень,
Опять переиначим и испортим,
Не оставляй нас, Господи, в живых...

* * *

Я стараюсь быть верующим, пытаюсь совершенствоваться. Я крещеный человек. Крещеный сознательно, в зрелом возрасте. Но я еще многого не имею в душе, чтобы совершить, если можно так сказать, прорыв к Богу, когда вера становится необходимостью, когда ты начинаешь соответственно жить и вести себя. Я человек суетный и грешный. Я еще не тот верующий, который общается с Богом каждую секунду.

А если человек суесловит, прыгает, балбесничает, дурака валяет, а потом вдруг делает серьезную морду перед телекамерой и говорит: «Я верующий», — то это какая-то декоративная вера.

* * *

Мы пытаемся приспособить церковь под себя как институт, который нас облагораживает. Как бы говорим: «Облагораживайте меня». А церковь не должна облагораживать. Облагораживайся сам. Святые тяготились содеянным больше нас. Тяготились, как кажется нам, пустяками. Грешники не тяготятся ничем. А талант — он и есть приближение к Богу.

1991 г.

О в е р е

* * *

Я был бы вруном и кокеткой, если бы сказал: мои собственные заповеди — библейские. Пытаюсь, как могу, быть лучше, но не всегда это выходит. И даже чаще не выходит. Я вообще самоед ужасный. Моей агрессии хватает на пять минут, а потом начинаются терзания, что все можно было бы сделать не так резко. С годами я стал терпимее, потому что понял: жизнь умнее и многообразнее, чем я себе представлял.

* * *

В молодости верил, что ТАМ что-то есть. Крестился взрослым человеком в тридцать три года, за долго до болезни. Тогда я уже видел близко смерть Высоцкого. Стоял за кулисами и долго смотрел на него, хотя понимал, что это не он. А где же он-то? Где-то рядом здесь, будто прячется и смотрит. Всякого рода размышления без чьей-либо помощи привели меня к мысли креститься.

Однажды я пришел в церковь Болгарского подворья на Таганке. Попик был молодой и, совершая обряд, попутно меня интервьюировал: где вы сейчас снимаетесь? И так далее. Ну, окрестился и окрестился, вроде ничего в жизни не изменилось,

но внутренне что-то все-таки происходит. Мне стало казаться, что слушают меня внимательнее, хотя говорю тише, внутреннее состояние какое-то возвышенное, что ли. Потом потекли будни... А когда обрушилась болезнь, тогда уж особенно приходишь к вере, потому что общаться не с кем и незачем. Общаться надо только с НИМ.

* * *

Я бы все-таки разделял понятия «религия» и «Бог». Я не церковный человек, боюсь на эту тему рассуждать, так как довольно мало знаю. Есть много вопросов, ответы на которые я найти не могу: почему так, а не эдак, почему одно можно, а другое нельзя. В храме бываю редко. Но у меня есть духовник, который приезжает ко мне, исповедует. Нельзя сказать, что мы с ним приятели: все-таки у него совсем другое мироощущение. Я человек светский, грешный. Например, духовник ругает мои далекие от цензуры пьесы. Хотя они не столько матерщинные, сколько несколько похабные. Но пишу я их не от стариковского баловства. Некоторые могут это назвать пошлятиной, но, на мой взгляд, скорее можно назвать похабщиной выступления отдельных звезд шоу-бизнеса. Иногда они произносят вроде невинные речи, но с точки зрения русского

языка и здравого смысла получается кошмар, лингвистическая порнография.

* * *

Мне кажется, я стал мягче. Хотя бывает по-всякому: вот недавно сорвался. Жена сказала, что я в жизни ни с кем так не разговаривал. Ужасная была сцена, ужасная, хотя я и чувствовал свою правоту. Но правота правотой, но и о форме думать надо. Потому что иначе это — распущенность. Когда человек хочет почувствовать себя на коне, он распускается и ведет себя так, как хочет. А потом говорит: «Прости, я очень горячий, не сдержался».

* * *

В церковь часто не хожу. Меня туда должны специально отвезти, а чтобы просить об этом, нужно испытывать крайнюю необходимость. Церковь и Бог — не одно и то же. Храм Господень — это все-таки нечто земное, и попытки священнослужителей устроить там богову приемную — полный бред. Среди попов очень много умных и толковых людей, но есть и темные, и даже дураки.

2001 г.

* * *

Дело в порочной логике. Коли уж грешишь — греши, но ощущай каждый раз грех, а, сколько их будет, все и отмаливай. Раз уж случилось, изволь принять кое-что на себя, себе на душу, хоть перед собой, но повинись. Прежде рефлексия на тему: нельзя, нехорошо, стыдно была активнее. Теперь среднестатистический уровень цинизма гораздо выше.

1986 г.

* * *

К сожалению, безбожие довело нас до многого. Все позволено, все могу — никто же не видит. Видит. Оттуда ОН все видит. На многие десятилетия люди забыли, что их видят каждый день, каждую секунду.

Только в какие-то критические моменты вспоминают. «Есть Божий суд!» Когда аргументов не хватает, тогда они к Богу кидаются. Когда плохо — к Богу. Но заблуждаются те, кто думает, что все содеянное им не аукнется. Мы все получаем то, что заслужили: возмездие или награду. Иногда на земле. Чаще — ТАМ.

1993 г.

О в е р е

* * *

Я недавно был у старца и спросил его: «Скажите, сейчас много говорят о конце света. Если не ссылаться на Нострадамуса, есть ли в священных книгах какие-то, хотя бы примерные, церковные даты?» Он на меня посмотрел и сказал: «Так он уже идет. Давно идет».

О СВОБОДЕ

Свобода вам, я вижу, слаще меда —
У вас о ней повсюду говорят!..
Но ведь свобода — это тоже мода,
И всяк ее на свой трактует лад!..

* * *

Я вообще не понимаю этого слова в контексте нынешней болтовни. Есть, конечно, внешние параметры свободы. Они изложены в Декларации прав и свобод человека: свобода слова, совести, вероисповедания, перемещения и т. д. Но само по себе это слово еще ничего не означает. Варлам Шаламов говорил: «Свободным можно быть и в тюрьме». Он имел в виду свободу внутреннюю, а она от внешних причин мало зависит. А мы и сегодня ведем себя как дети. И понятие свободы воспринимаем на детском, инфантильном уровне. Разрешили, значит, можно. Руки развязаны — свободен. Мы опять снимаем пенку, верхний слой. До сути далеко.

Я сделал пьесу на основе произведений Салтыкова-Щедрина «Пестрые люди», «Губернские очерки», «Дневник провинциала в Петербурге». Параллели удивительные. Все катастрофически совпадает. Речь там идет о пореформенной России XIX века. Только-только обозначаются позиции русских либералов, демократов, консерваторов. Я уже не говорю о том, что встретил там слова «гласность», «перестройка». Но там все ясно обозначено: и какие возникают тональности, какие типы, как ведет себя пресса, наконец. Потрясающе все повторяется!

* * *

Я продолжаю исповедывать те же демократические идеи, что и прежде, но очень многое из того, что происходит сейчас в лагере демократов, не признаю. Кликуши — не демократы... Когда я слышу их речи, мне хочется крикнуть: «Да включите наконец самоиронию, чувство юмора по отношению к самим себе!» Растрачивать такой ресурс доверия, так стремительно и бездарно его прожигать, не знаю каким нужно быть талантищем со знаком минус...

Цинизм чиновников, открыто обходящих законы, стремительно дискредитирует идею демократической России, убийственно действует на общественные настроения. Многие уже считают, что Россия в принципе не приемлет демократии.

1985 г.

* * *

Журналисты владеют суперопасным оружием, способным привести нормальных людей к инфарктам и инсультам. И никто из пишущих не кается за содеянное. Продолжают резвиться, скакать, изображая, что борются за правду. За какую? Заискивания, выпендривания и вранья в

средствах массовой информации стало чересчур много. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Но мерзко наблюдать победу серости, падение нравов, разгул бесстыдства. Когда ничтожные люди, облепляя со всех сторон, побеждают, человек валится. Это в свое время киносьезд проделал с Сергеем Федоровичем Бондарчуком. Где результат? «Войну и мир» помню. «Покаяние» помню. А кто сейчас снимает в основном? Вчерашние осветители, ассистенты, директора картин – черте кто! Можно не соглашаться с Никитой Михалковым, не любить его, но сделанное этим режиссером требует анализа, а не ерничества. Михалков привлек к себе внимания огромного количества людей. А ты, Тютюкин, пишущий о нем пасквили, нет! И уже поэтому не имеешь права на оскорбительные ухмылки в его адрес. Человек, который вешает ярлыки направо-налево, делает вид, что демократ, а ухватки при этом старого энкавэдешника.

* * *

Ничего не изменилось в России. Опять разрастается бюрократическая машина, и появляются прохвосты, неизвестно откуда вылезшие и легко привыкающие к власти. Необязательно знать их

О свободе

лично, достаточно видеть на экране, слышать их выступления. Я все-таки актер, мне это заметно.

1991 г.

* * *

Это было наше обольщение в ту пору, что слово «свобода» — заветное, случись она, и все встанет на свои места. Не произошло.

Ничего не может быть, грубо говоря, без вещей моральных. Ни свободы, ни несвободы. Вполне возможно, это христианские постулаты, но нужны и их носители. И я уверен: это не священники. Должны быть люди, которые живут в миру, во грехе и здесь противостоят мерзости.

* * *

Я боюсь опять впасть в глобализмы, но мне кажется, что, иногда так внятно, так ошугимо, не хватает лидера. Я не имею в виду того, кто куда-то поведет. Нет духовных лидеров. Их не может быть много, всего несколько человек, больше не бывает даже у огромной страны. Людей, которые могли бы жертвовать собой во имя чего-то. Только они могут изменить мир. Прошу прощения за пафос.

2002 г.

* * *

Сегодня не лгать, как не есть. Кланяешься кому-то, а потом думаешь: «Господи, что это»? И не должен, и прежде вроде бы не водилось этого рабского за тобой, а, поди ж ты... Но какой-то черты переступать нельзя.

1986 г.

* * *

Все время крайности: «Путин, что-то с ним неладно»... Дождись, пока поймешь — что? Чего ж гнать волну-то? А то, что возникает много туманных движений в государстве, — так оно и есть, невнятность всегда пугает. Я сейчас сделал по мотивам Шварца пьесу «Еще раз о голом короле», примерно про наше время. Там ткачи-мошенники, вытащив к толпе голого короля, надеются устроить переворот: вот, смотрите, каков он есть на самом деле ваш король. Но переворот не удастся, потому что среди общего замешательства раздается голос: «Такая мода». И все с удовольствием раздеваются, и стоит голая толпа. Миша Ефремов предлагал мне назвать спектакль «Правда о голом короле», убеждая, что в этой прямолинейности есть некая сегодняшняя достигаемость слуха. Вроде как «Из

О свободе

наших архивов». Все наврали, оболгали хорошего человека, а дело-то не в короле, а в народе.

* * *

Кричат: «Я за Союз! Это моя Родина!» Хочется спросить: «Ну скажи, ты можешь уложить в свою башку понятие «Родина» размером от Камчатки до Бреста? Тебе четырех жизней не хватит ее объехать». Человек склонен говорить о своей малой родине, как, например, Есенин — о Рязани. Будь ты нормальным человеком, а не придурком, перед которым все семьдесят лет столько махали красным флагом, что он уже не в состоянии ничего понять. Это, конечно, не значит, что Союз надо разваливать. Нужно что-то делать ненасильственным путем.

1991 г.

* * *

Мы не умеем рассуждать по-людски: я, моя семья, моя жизнь, которая, кстати, одна. И не может быть идеи, в жертву которой нужно эту жизнь принести. А если она требует таких жертв, то это плохая идея. Бесчеловечная.

1991 г.

* * *

Глубинно — ситуация все та же. Россия всегда ныла. И, слава Богу, вечно будет ныть. В нас потрясающе сильна потребность идеала. Мы ноем, что идеал отсутствует, и отчаянно ищем нового. При этом идеалы общечеловеческие, цивилизованные, такие, как свобода, демократия — сами по себе еще никак не исчерпывают наших чаяний. Помножьте их на российский «пейзаж», и вы получите такой клубок! Национальная идея, патриотические судороги, желание всем добра и всем поровну, всепрощение, нетерпимость, объятья, кровопролития...

1992 г.

* * *

У нас любят топтать поверженных. Так было, кстати, всегда. А сейчас очень даже прилично забрасывать камнями и стоящих у власти. Можно. Разрешено. Многие я объясняю именно этим, нашей общей невоспитанностью.

* * *

Мы замечательно научились манипулировать словами. В одном случае говорят с придыхани-

ем — «народ». В другом — уничижительно: «власть толпы», «охлократия», «быдло». Зависит от политического контекста.

У всех один и тот же джентльменский набор: Булгаков, Цветаева, Ахматова, эдакий переносный чемоданчик. У всех одни кумиры, только выясняется, что все хотят разного. Одни — свободы. Другие — кресла. Третьи — воровать. А что касается «совков», то все мы несем в себе эти гены. А те, кто всякий раз сообщает нам, что мы живем в «клоаке и дерьме», счастливо глядя при этом нам в глаза, потому что вроде бы он уже выбрался из клоаки, несут их в себе не менее, чем мы.

1993 г.

* * *

На что мы только не шли за все прошедшие годы: на голосование «против», на откровенное предательство... Не будем сейчас никого судить. Мы уже выведены такими, как порода людей. А ведь за отказ подыгрывать властям в наши времена не убивали, не сажали. Но ты мог чего-то лишиться: квартиры, путевки, мог стать невыездным. Казальсь бы — пустяк. Живи себе и живи, но...

Слава Богу, были люди, которые шли против любой ценой, в лагеря шли, это уже героическая позиция. По ним нельзя равнять всех людей. Но

равнять хотя бы на уровне умения сказать: нет, извините, не могу, — надо. Даже это требовало невероятного благородства. Один человек, не желавший присутствовать на собрании, когда Солженицына исключали из Союза писателей, взял и заболел. По нашим понятиям: он честный человек, чуть ли не Данко. Вот ведь, какое помельчание личности...

1991 г.

* * *

Я думаю, что по существу, ничего не изменилось. Просто происходит массовая истерия. Какой-то тотальный страх и паника охватили людей. Сейчас на Тверской в девять вечера никого не встретишь. Да что такое происходит в самом деле? Ограбят тебя, убьют? А если дома отсидишься, живой останешься? Кирпич, как известно, никому на голову ни с того ни с сего не сваливается. Все в руках Божьих. А страх — от потери собственного достоинства. Но утративший его человек боится всего на свете. Правда, тут есть и частичная «заслуга» наших средств массовой информации. Я никого не осуждаю и в злых намерениях не подозреваю, но нельзя же так сосредоточиваться лишь на дурном, как будто в стране ничего хорошего не осталось. Неправда все это! Солнце было и осталось! Женщина

была и осталась! Если уж на то пошло, давайте перейдем на категории вечные.

Я не поверю, что мы уж такие государственники, что от беды Отечества у всех исчезли нормальные человеческие желания. Чушь! Еще кое-где есть и трава, и люди улыбаются. Нельзя же в самом деле собственную жизнь ставить в прямую зависимость от режима или перемены власти. Был Горбачев — шесть лет попеременной радости и уныния. Теперь Ельцин, то ли радость, то ли уныние. Верой, надеждой, любовью всегда жил человек. Это только в нашей извращенной стране можно заразиться общим недомоганием и умереть. Это только ненормальный мыслит глобализмами.

Я вовсе не за то, чтобы быть равнодушным к судьбе страны. Сопереживать надо. Страшные вещи происходят на всей земле. Но все равно остается надежда. Есть какие-то вечные приоритеты. И они за жизнью, а не за политикой.

* * *

Нормальной жизни никогда не было. Раньше люди ходили в кино, писали письма артистам, занимались чем угодно, восполняя недостающее. Создавали собственную фабрику грез. Теперь же

все кинулись в политику. Но нельзя же впадать в глупость — она без берегов, она смертельна.

Когда Пушкин умирал, ему говорили: «Ты кричи, кричи, легче будет». Он отвечал: «Не буду. Там Наташа, ей и так плохо». Ему: «Ты с ума сошел? О чем ты сейчас думаешь?» И Пушкин ответил: «Что за глупости? Что, я не сумею победить этого вздора?»

Вот позиция! Конечно, есть много поводов для печалей, но нельзя забывать, что «уныние есть смертный грех». Слишком дорогой подарок — жизнь, чтобы тратить ее на вздор.

Не было такого, чтобы небеса дарили нашей грешной земле безоблачную жизнь. В этом ключ к пониманию бытия. Абсурд — втащить ушедшее в сегодняшний день. Учиться у прошлого надо, а реанимировать его нельзя.

1992 г.

* * *

Нам все время что-то мешает жить. Мы все ищем виноватых, но...

Не переменится мир к тебе, если ты сам качественно не поменяешься. Скажи себе, что ты плохой. Нет, это святой может сказать, а средний никогда не признается, что он свинья. Как он завистлив, как пуглив, как требователен к другим и невзыска-

телен к себе. А ведь это единственно возможный путь — к себе и миру через себя. Да, он трудный, мучительный, порой, ох какой горький и неприятный. Но единственно возможный. Уж если мы все такие эгоисты, то обожай себя и в этом, в муках душевных. Пойми, что и в этом ты корыстен.

В конечном счете обеспечить бессмертие души — это тоже корысть. Но лучше будь корыстен так, это все-таки поступательное движение, если не к полному совершенству, то хотя бы к очищению. И у меня, как у всякого человека, есть грехи. Я пытаюсь быть лучше, но не всегда это выходит. Даже чаще не выходит. Но только это может помочь облегчить душу.

1992 г.

* * *

Дух разрушительства имеет свое объяснение. Разобрал же народ по кирпичику Бастилию. В символах тоталитаризма заключена большая отрицательная энергия. Хочется ее сбросить. Только как сбросить то, что является твоей историей? Наивна вера, что, разрушая идола, мы освобождаемся от самого явления. Оно было. Оно есть. Оно впиталось в наши поры. И вот орава взрослых людей наваливается на памятник. Сбрасывает с души тяжкий камень. Понимаю. Но хочу спросить: «Полегчало?»

И еще. Ломать мы умеем, делаем это быстро. А построить? Причем за столь же короткий срок и что-нибудь стоящее? Свобода рушить... Как все просто и доступно!

* * *

Мы живем сегодня в безвекторном пространстве. То, что вчера выглядело романтично, сегодня — смешно. То, что вчера было хорошо, сегодня — отвратительно. Нельзя долго играть в игры неплодоносные, не дающие результата. Так можно выйти в круг и зайти к себе в тыл. Для меня становится все очевиднее, что страна расслаивается на два края: на людей, у которых существует чувство Родины, я не имею в виду кликуш из числа национал-патриотов, и временщиков, тех, кто живет по принципу «гуляй, рванина», хватай, беги и пропади все пропадом.

В чем ужас сегодняшнего дня? Да в том, что народ склоняют или склонили к мысли, что демократия в России невозможна. И виноваты мы. Так ликовали, так радовались, что вора-то и не заметили.

Наверное, единственный выход — тихо делать свое дело. Видоизмениться, сменить шкуру, делать что-то сверх, хотя душу, конечно, не поменяешь. И от сознания, что ты сегодня неинтересен, что

пришли другие, избавиться трудно. С таким ощущением сегодня живут многие. Да, было плохо. Но ведь люди жили, и им не вычеркнуть свое прошлое. И Булгаков жил, и Домбровский, и Шаламов. Вот, вычеркни. Не получится.

1993 г.

* * *

Климат бездарных людей сегодня. Все поменялось, причем по строго обратному принципу — чем бездарнее, тем закономернее, что он окажется поющим или пишущим, или начальником большим. Чем глупее, невежественнее, тем будет выше.

Люди свободы — шиши в кармане держали. Говорили: если бы дали развернуться. Ну, дали вам свободу, вытаскивайте, что у кого есть. Все ящички пустые. Ни у кого ничего нет. Булгаков. Платонов... Им-то режим не помешал состояться. Жить мешал, а писать — нет. Поэтому все эти всхлипы: «В то время...» Оставьте, вы этим покрываете, что вы все пожиже, поглупее, понеобразованнее. «А сейчас нам вот эти мешают». Всю жизнь вам будет кто-то мешать. Таланта нет, ума и таланта.

2002 г.

* * *

Грубо говоря, сегодняшний период — проверка на шивовость. Когда разговоры о том, что не пускают, не дают — кончились. И возникает вопрос: а что ты можешь? И выясняется, что не больно густо. И начинаются, как говорит Никита Михалков, интеллектуальные мастурбации. Но когда за этим нет живой жизни никакой... Преломлять можно, что угодно. Надо понять, что есть основа. От чего танцуешь.

2002 г.

* * *

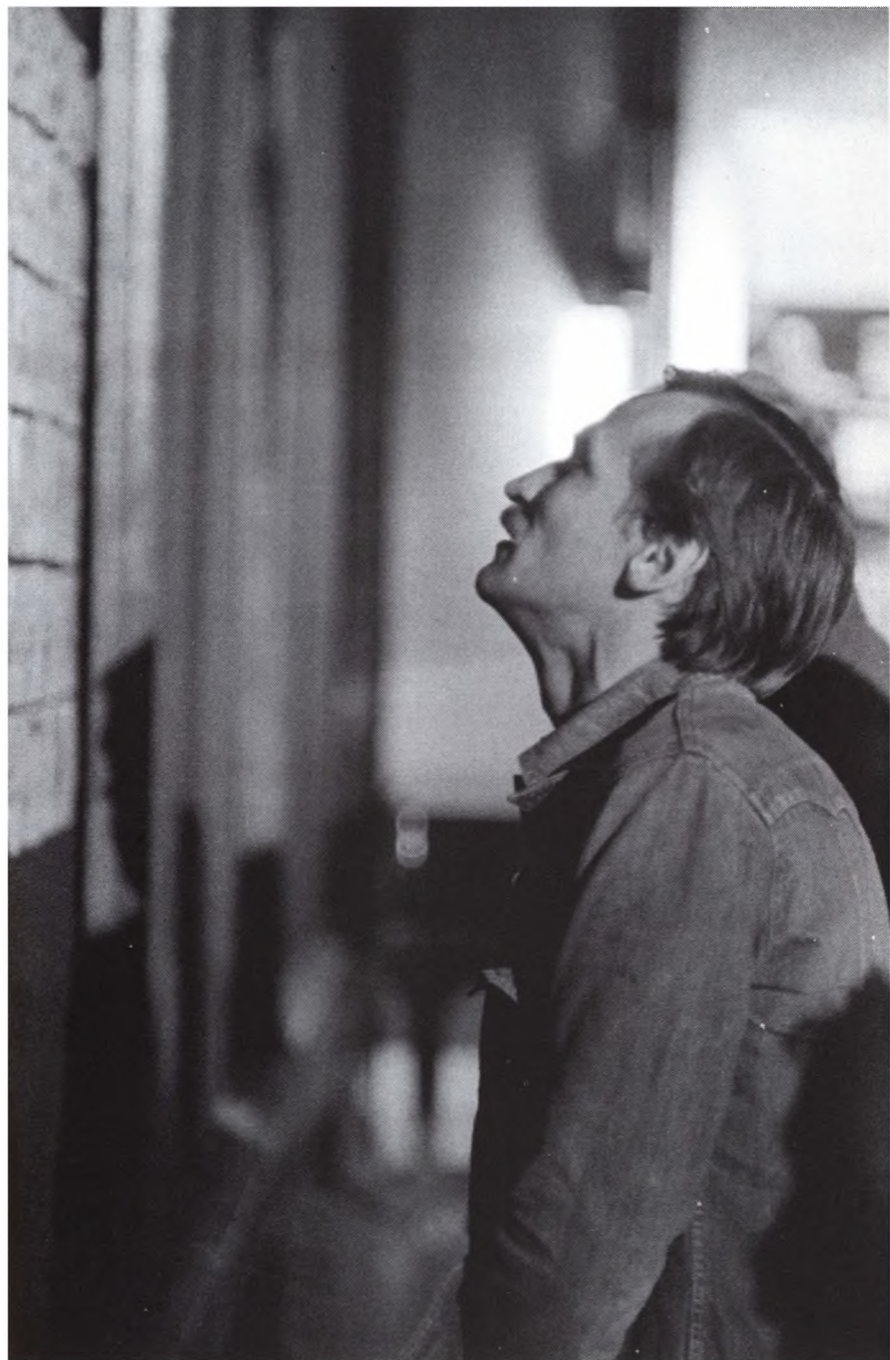
Нельзя вставать в потребительскую позу. Люди неленивые, знающие грамоту, не разучившиеся читать, найдут путь борьбы с телевизором, с шоу-бизнесом, с огромным количеством дураков-пророков, которые каждый день выступают по «ящику» и по радио. А кто их спасет? У стада есть пастухи. Пастухи ведут к пропасти. Только если у кого-то проклюнется сомнение: «А может туда не надо?» — и он не пойдет, то сможет спасти самого себя.

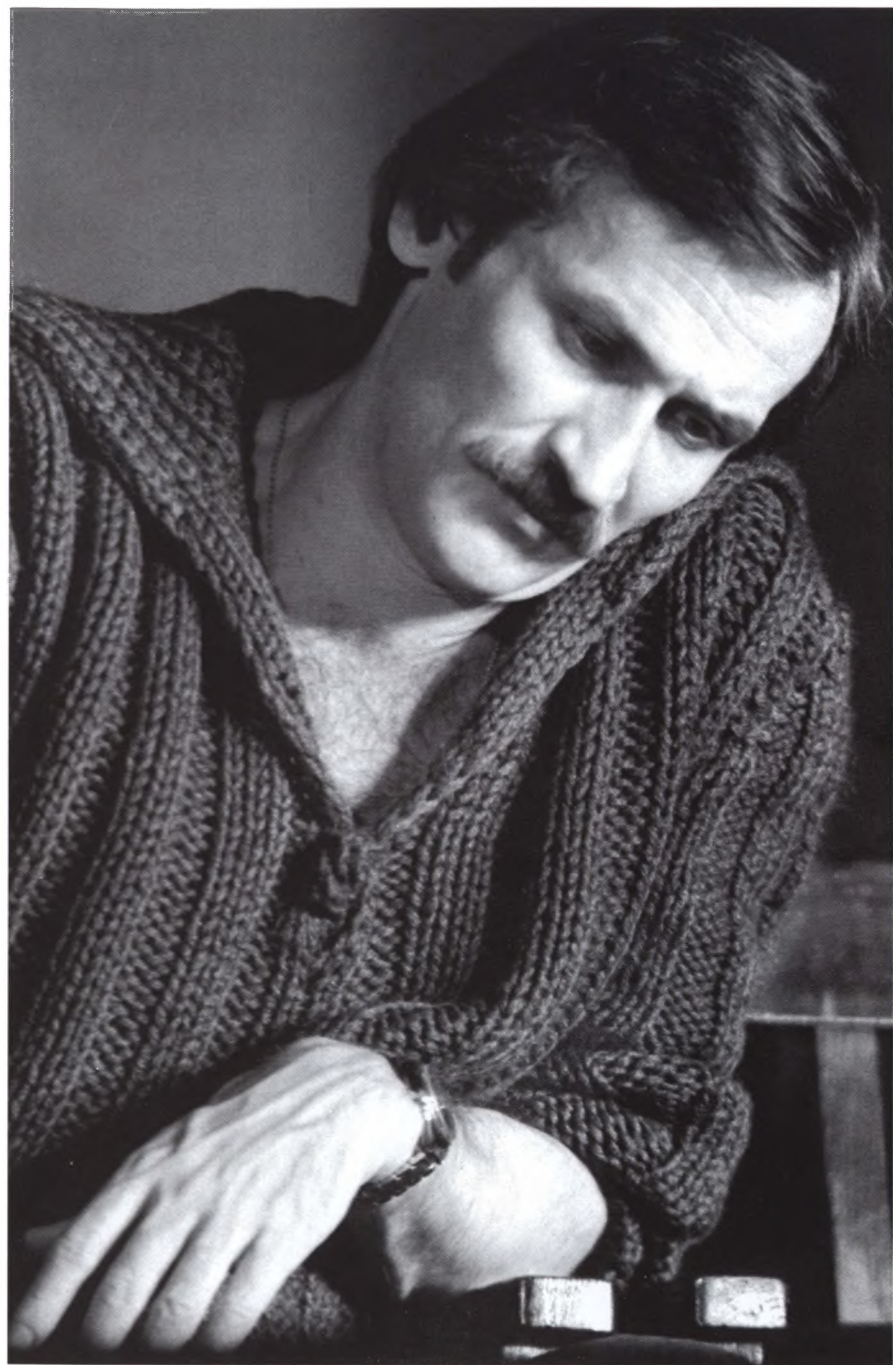
2001 г.

*На похоронах
Владимира Высоцкого*

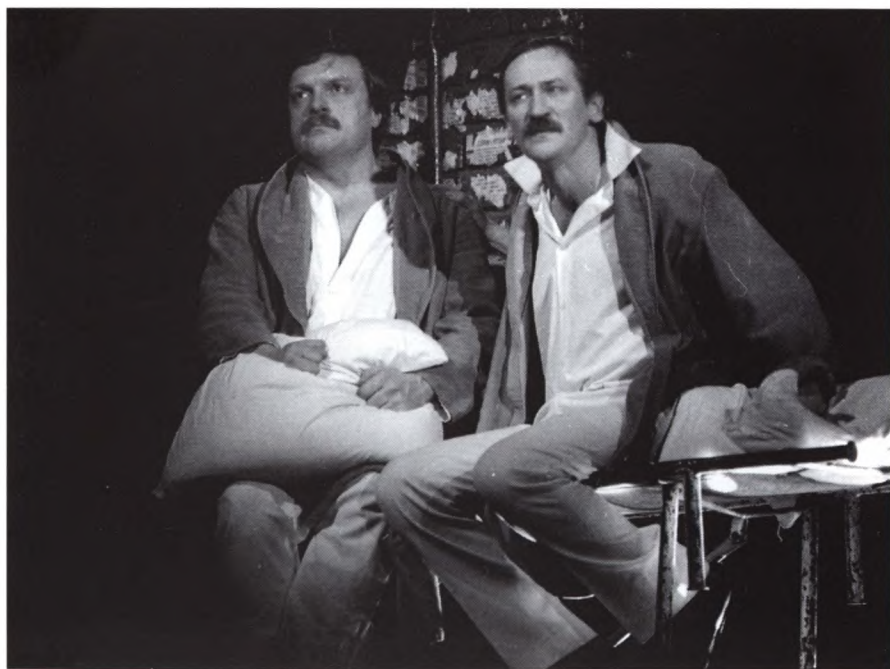
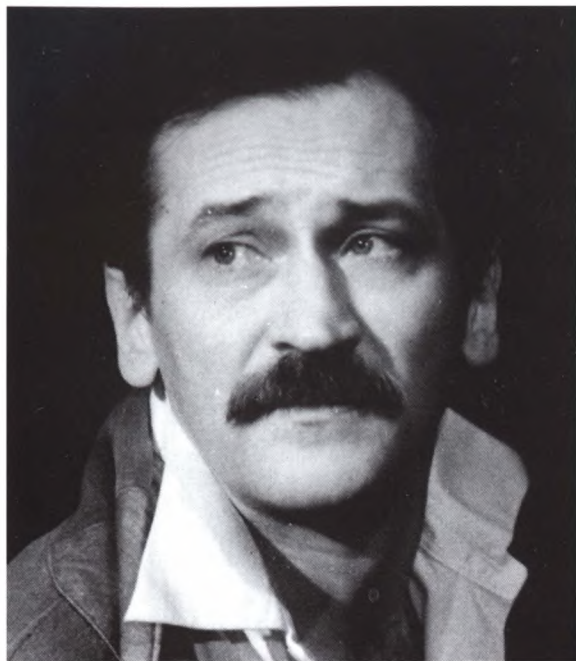

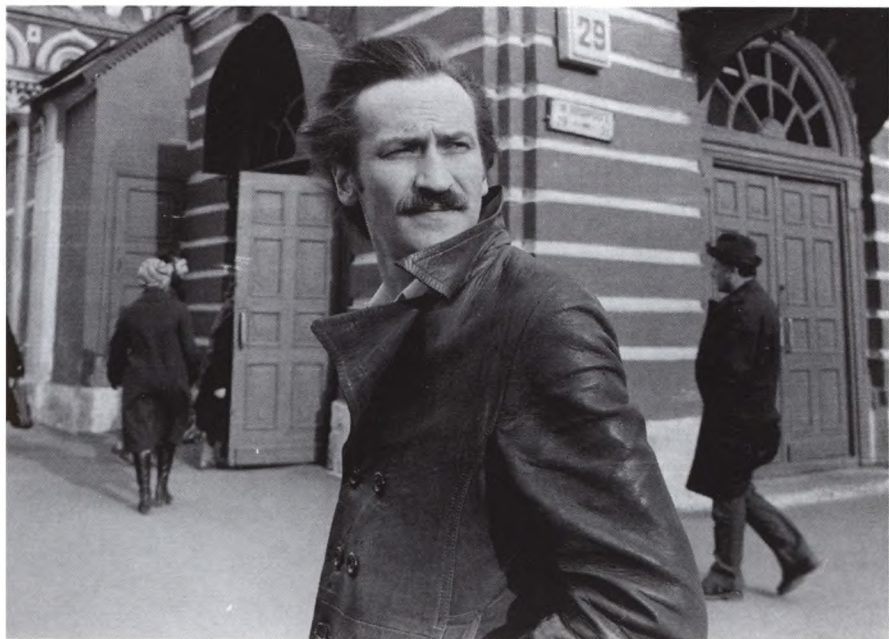
*В спектакле
«Владимир Высоцкий»*

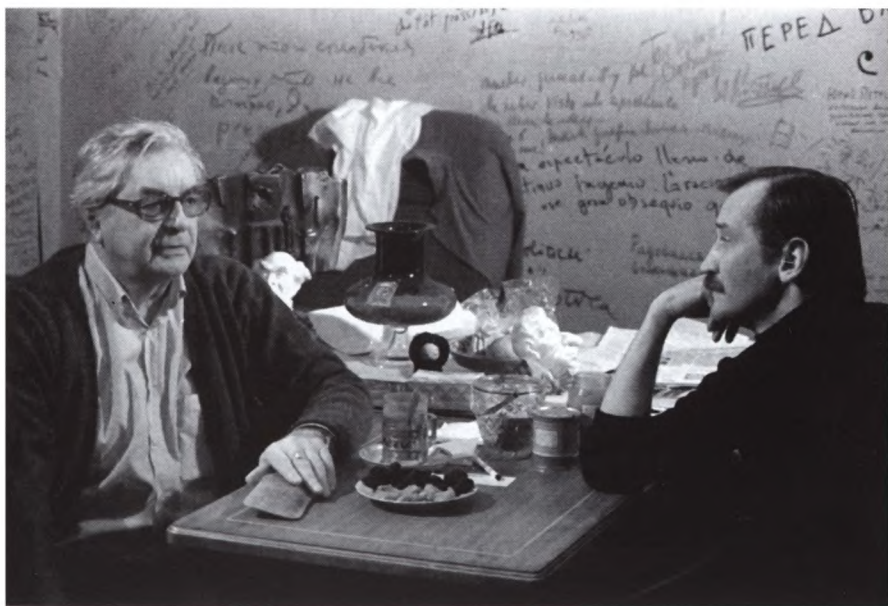
*В спектакле
«Мастер и Маргарита»*

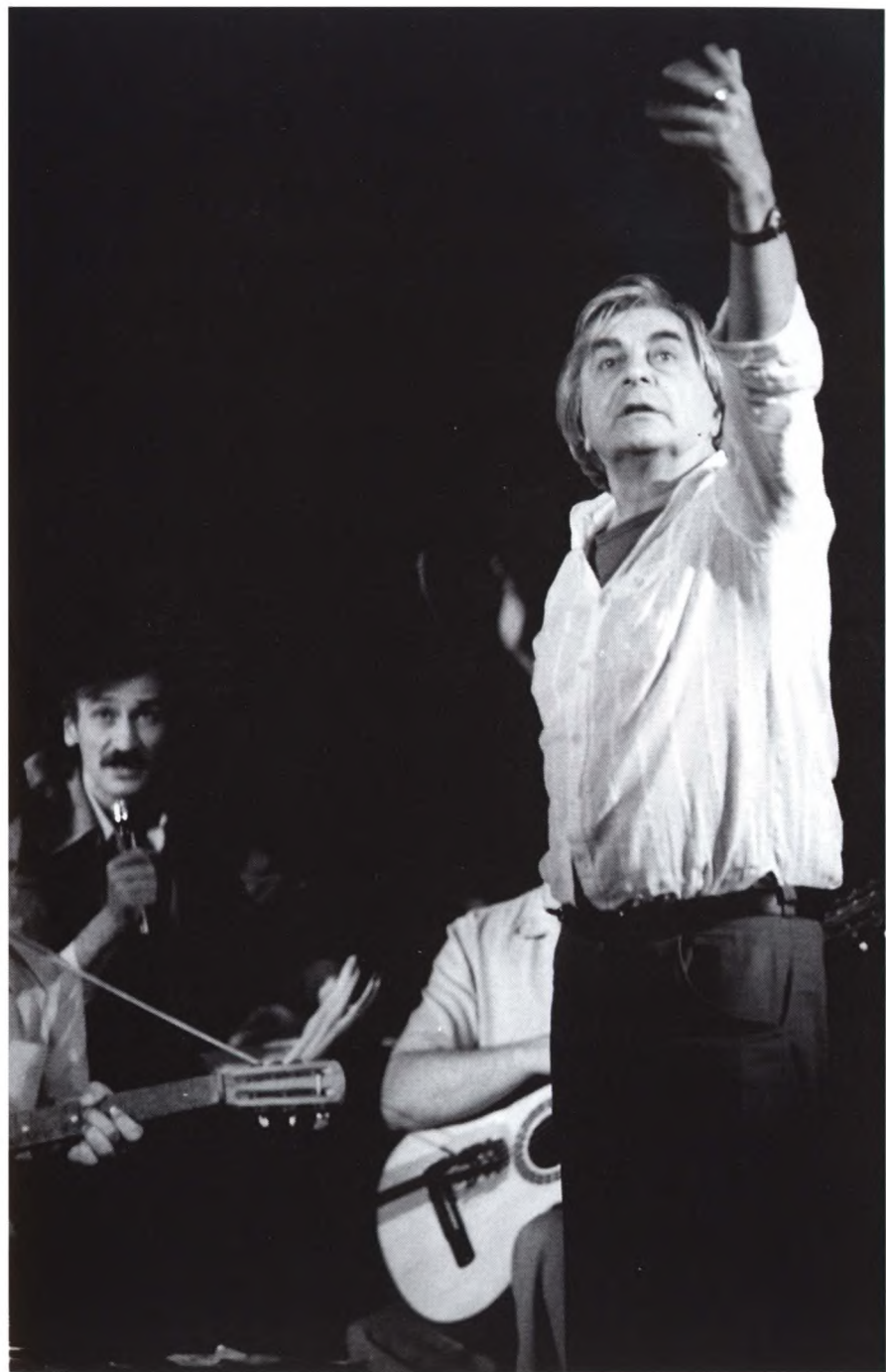

На пенемциу

С Юрием Любимовым

С Владимиром Цветовым, Комаки Курихара и Ниной Шацкой

С Александром Стерниным и Юнной Мориц

С Александром Розенбаумом

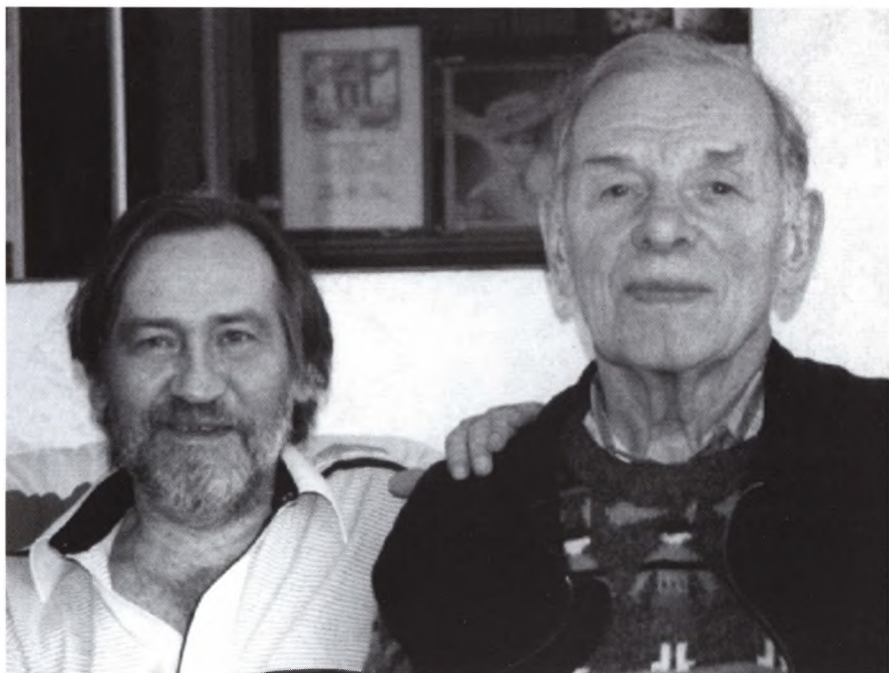
С Павлом Лебешевым и Владимиром Ильиным на съемках фильма «Сукины дети»

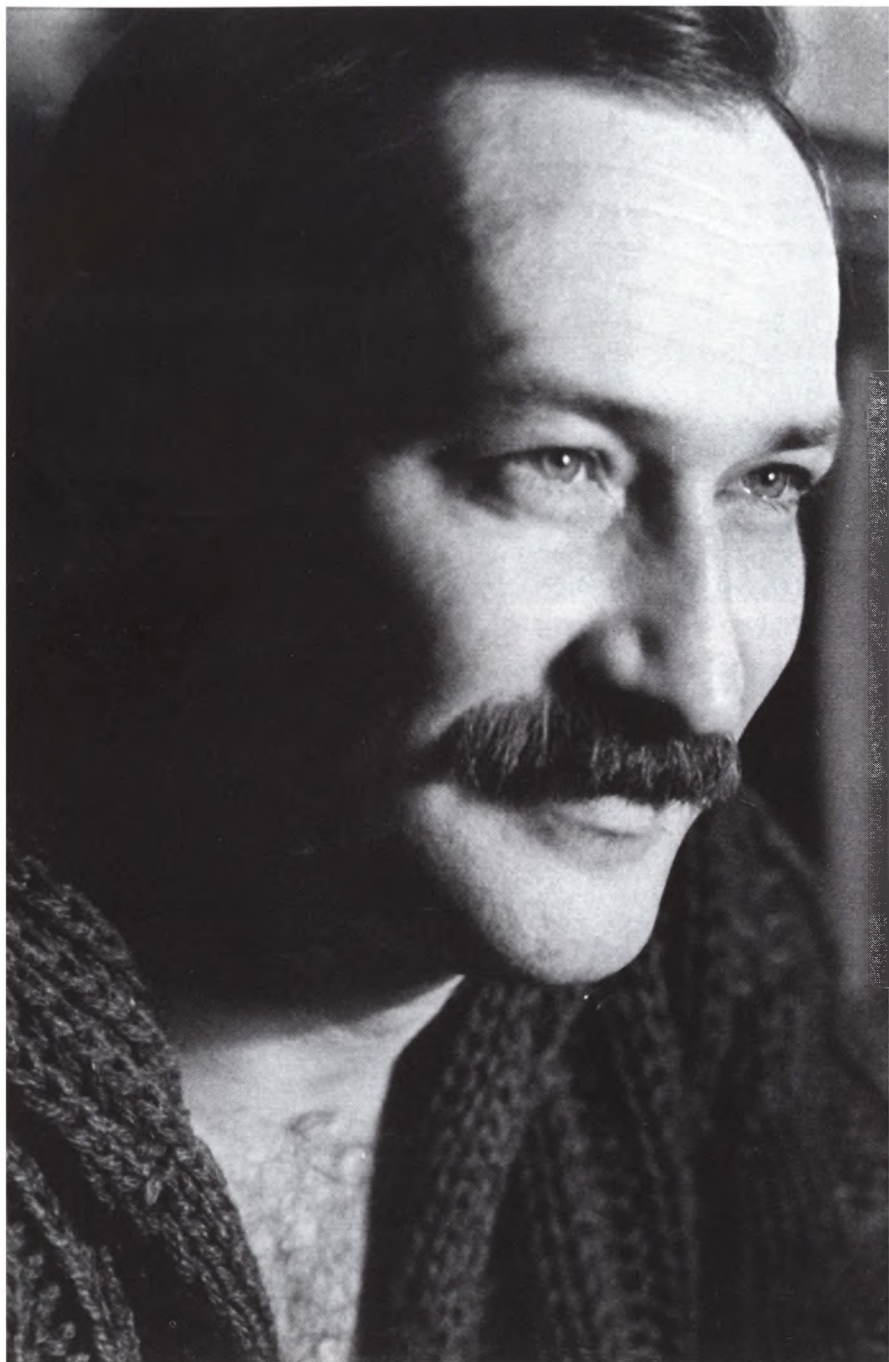
С Вениамином Смаховым

С Владимиром Качаном и Михаилом Задорновым

С Георгием Жженовым

* * *

Это не сегодня началось. Давно известно, что деньги — зло. Объективное зло. Они растлевают душу, развращают человека, делают его дураком, негодяем. Но деньги были всегда, и при этом рождались гении и жили хорошие люди в большом количестве. Нельзя применить такую простую формулу: отключим телевизор, радио, уничтожим газеты и сразу станем чище. Ничего подобного. Это всегда индивидуальный труд. Не массовый. Массы можно только научить читать, буквы выучить. А заставить массово думать нельзя.

Другой вопрос — направление. Но везде есть ЛЮДИ, везде. Еще живы советские ортодоксальные учителя, которые с некоторой примесью ханжества все-таки сообщают детям нечто важное. Хотя бы про того же Пушкина...

2001 г.

* * *

Телевизор у нас унижающий. Не потому что он такой-сякой, аморальный. А потому что пошлый безумно. Пошлый не на уровне голых задниц, а на уровне всех этих улыбающихся пошляков. Меня оскорбляет, что я его наблюдаю. Один сам себе так

нравится, особенно когда нападает на знаменитых соотечественников. Но надо же, чтобы кто-то сказал: «Так нельзя, понимаешь? Нельзя!» Ему, поди, и в голову не приходит, что он пошляк. Ведь ежу понятно, зачем нападает. Хочет быть значительным, замеченным...

2002 г.

* * *

Печально, умные люди, а занимаются ерундой собачьей. Тревожатся, как бы их не забыли. Зачем? Это все советская демагогия: надо принести пользу. Не делай вреда, народ тебе скажет спасибо.

* * *

Разве это лозунг умного человека: «Хотите жить, как в Париже?» А как в Париже? Как живут в Париже? Кто как. Полно клошаров. В связи с африканизацией Европы там на улицах черт-те что творится. Не пройти из-за говна, прошу прощения. На полном серьезе такие лозунги не вывешивают. Это говорит об истинном отношении демократов к народу.

* * *

Я не принимал новую постгорбачевскую власть. А люди не понимали, как это можно не любить демократов? Можно. И это совсем не означает, что я разделяю большевистские взгляды. Просто демократы — это не те люди, которых я могу уважать, оценивая их поступки на уровне «хорошо — плохо».

Плохо, что страна обнищала? Плохо. И никакие обоснования тут неуместны. Цель не может оправдывать средства, все это демагогия. Беспризорники — это плохо? Плохо. Проститутки — тринадцатилетние девочки — хорошо или плохо? Плохо. А раз плохо, то, значит, все, что связано с этими людьми, именуящими себя демократами — плохо. Значит, они не просто где-то ошиблись, а запальчиво кинули народ, огромную нацию в бездну, пропасть. Не надо было бежать впереди прогресса и кричать: «Мы знаем, куда идем!» Не знаете! Весь мир живет так, а в России надо было по-другому. Как по-другому, не знаю. Я не звал никого в новую жизнь, хотя понимал, что старая остро нуждается в корректировке.

* * *

Конечно, как сказал недавно Вадим Непомнящий про все эти знаменитые гайдаровские «будем, как они, научимся...» Не научимся никогда! Вот в чем дело: другая, как это не пошло звучит, ментальность, другое геополитическое нахождение. Миссия и задача России были в том, что она служила буфером между развивающимся Западом и крайне агрессивным Востоком. И на такой огромной территории Восток просто «заблудился». Это, конечно, было неосознанной миссией, но так получилось. И так будет всегда. Потому что, если эта территория станет такой же, как Запад, или такой, как Восток, образуется некая «черная дыра», которая вообще взорвет мир.

* * *

Хочешь, не хочешь, но я никогда не ощущал себя «гражданином Советского Союза». Как-то прожил себе и жил. Не было у меня такого ощущения, что я в какой-то семье. А с годами оно появилось. Можно объяснять это постарением, осентиментализацией, но я думаю, что в свое время это происходит у многих. Виной этому, в первую очередь, конечно, разобщенность. Это и на культуре сказывается, и

на качестве языка — на всем. И самое главное — это, конечно, наши бедные русские люди, которые остались там, за пределами нынешней России. Там другое, неблагодарное отношение к своим согражданам.

Как ни печально, но все объяснимо. Диалектика, сколь ни банально это звучит. И хаять при этом кого-то — довольно глупое занятие. Узбеки, к примеру, вдруг очнулись: самосознание у них национальное проснулось и все такое, этот момент неизбежен. Или киргизы — так много у них в республике было сделано, так хорошо они говорили по-русски — и вдруг такое отторжение. Пусть не враждебное, но национальное, оно все равно сидит в человеке. И хотя желание как-то воспрянуть самому за счет других — это, конечно, недальновидно и глупо, но это происходит естественно, как бы само собой. Поэтому не укоришь, такого следовало ожидать.

* * *

Не хочется говорить о вещах, которые без конца можно обсуждать — об ущемлении людей не только в национальном плане, но и вообще о бедности, о нищете. Все это общие места. Но в первую очередь это сказалось на состоянии культуры. Мне

кажется, что сегодня культурный уровень падает, и не только в бывших республиках, но и в России тоже. Говорят: вот будет экономика, будет и культура... Чушь! С чего это она вдруг возьмется? От нищеты? Бедность, бывает, рождает гениев, нищета — никогда.

* * *

У меня в спектакле «Еще раз о голом короле», который идет в «Современнике», есть такой диалог:

- Не учинили мы переворота.
- К победе нас не вывела стезя.
- Мы не учли специфику народа.
- Такой народ планировать нельзя.

Так что в своих прогнозах обломилась все глыбы павловские и иже с ними — политехнологи всех мастей. Русский народ нельзя прогнозировать. Так же, впрочем, как и осколки советского народа, то же самое можно сказать и о киргизах, и о белорусах — обо всех.

В Белоруссии, конечно, будет по-другому, там другой народ. Или возьмем Украину. Ее геополитическое положение рождает такие амбиции! И вроде бы возможности большие, а умения ими распорядиться нет. Кто виноват? У нас всегда — евреи, а там, конечно, москали. Кто же еще? И на этой

О свободе

почве возникает национализм. И в национальные герои выходят Бандера, Мазепа... А Богдан Хмельницкий, конечно, предатель. Вот оно, это самое великодержавие при отсутствии реальной основы. Ну, хорошо, раньше вам москали мешали, но сейчас-то уж никто не мешает, даже русский язык упразднили, а умения как не было, так и нет.

* * *

Новое поколение уже не назовешь «другой Россией». Скорее, они будут тем, чем мы хотим называть себя сейчас: граждане мира. Они не будут бояться ассимиляции. Правда, обидно, если забудется русский язык. В нем слишком много русской культуры. Слишком много.

ТАҒАҢҒА

Еще студентом вместе с одним из педагогов пришел к Любимову. Этот театр уже был успешным, уже были там свои имена, в общем, считался очень интересным. Я показался, понравился. Хотя некоторые мои педагоги говорили: «Ну, зачем ты туда идешь? Пойми, Таганка — это индустриальный театр, там органично разговаривающему артисту делать нечего. Там все орут, перекрикивая вращающиеся балки, скрипы, шумы, падения». Но я остался на Таганке и работал до тех пор, пока не произошло это несчастье с Любимовым, когда мы, несколько человек, покинули в знак протеста Таганку и ушли в «Современник». Вместо того чтобы сделать это тихо,

мы еще устроили в «Современнике» довольно громкое выступление. Тогда это было нашим театральным стилем. Но мы не учли контекста времени. Любимов остался за рубежом, и все это превратилось в политику.

* * *

Поступление в Театр на Таганке сильно повлияло на меня, заставило думать определенным образом, что-то любить, что-то ненавидеть, дало основу всему дальнейшему мировоззрению. Я не говорю о профессиональных навыках, их можно было получить и в других театрах. Но самое главное, что Таганка свела меня с большим количеством замечательных людей, не говоря уж о товарищах по сцене.

Юрий Любимов собрал в театре цвет творческой интеллигенции – писателей, композиторов, ученых, которые, собственно, и занимались воспитанием нас, молодых актеров. Это был так называемый расширенный художественный совет, задача которого была служить советниками и защитниками от внешних врагов, то бишь, чиновников от культуры. Там были такие мощные личности, как Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава, Самойлов, Абрамов, Можаяев,

Таганка

Трифонов, Шнитке и Денисов. Общение с такими людьми не может пройти бесследно.

1992 г.

* * *

Я очень любил шефа. Я ни с кем, кроме него, не мог репетировать. Может быть, и от Эфроса, который взял Таганку после отъезда Любимова, ушел отчасти поэтому, а не только из-за принципов...

Своей вины перед Эфросом я, кстати, не отрицаю, да и как я могу ее отрицать? Смерть — категория абсолютная. Но и после его смерти, сознавая свою вину, я говорю: он мог по-другому прийти в театр. Мог. Нужно было начать с переговоров с труппой, заручиться ее согласием, проявить уважение к людям. В своем первом обращении к актерам он мог бы сказать: «У меня в театре нелады, у вас драма, давайте попытаемся вместе что-то сделать. Юрий Петрович вернется и нас поймет». Он не сказал этого. Он пришел, как поставленный свыше начальник к холуям, которые будут делать то, что он скажет. Я защищал мир, который не был таким, этот мир был моим. Приходить в него нужно было по-людски. И поэтому первая речь Эфроса в труппе была встречена такой гробовой, такой могильной тишиной.

* * *

Эфроса уже нет, я очень надеюсь, что это произошло не из-за тех наших боев. Он не ожидал, что Таганка примет его приход как оскорбление, и я до сих пор считаю, что он был обязан подумать, прежде чем соглашаться. Эфрос, человек редкого душевного чутья, не сообразил, что это социально, да и морально, некрасиво.

* * *

Отношения с Юрием Петровичем Любимовым всегда были с моей стороны пиететные — отношения ученика к Учителю. Я совершенно бессилен перед талантливыми людьми и не желаю вступать с ними в оппозицию, но из-за моего характера у меня были с Юрием Петровичем и конфликты. Он считал, что я безумно экстремален, а я считал и считаю, что он безумно экстремален.

Одна из наших первых размолвок произошла, когда он назначил меня на роль Мастера. Я доказывал, что Мастера сыграть нельзя — это облако духовности. У него, как у персонажа, нет пространства драмы. В инсценировке Мастер появляется лишь в двух сценах. Мне казалось, что если кто и сможет сыграть Мастера, то человек с

биографией, например, сам Юрий Петрович, седой, измученный человек, смертельно уставший, со своей судьбой. Или – Смоктуновский.

А если появлюсь я, молодой человек, без авторитета, с быстрыми руками и ногами, то кто же поверит, что это Мастер? Кто его измучил? Где, почему? Все это будет неправдой. Любимова я так и не убедил тогда, и он на меня очень обиделся. Несколько сезонов я все-таки играл Мастера, а потом отказался.

* * *

Сказать, что я был любимым актером, не могу. Хотя в течение многих лет Юрий Петрович назначал меня на главные роли. В «Преступлении и наказании» я должен был играть Раскольникова, в «Борисе Годунове» – Самозванца. Но всякий раз это совпадало с моими делами в кино, и я, по молодости лет, очень спокойно променивал театральные репетиции на съемки и считал, что это правильно.

* * *

Надо отдать должное благородству Любимова. Степень моей дерзости могла, наверное, произ-

вести удручающее впечатление. Он мало, что мне прощал, но и я давал ему много поводов к неудовольствию. Однако творчески я никогда не был обижен. Выходит, что это я его обижал, я вел себя неправильно.

* * *

Но вообще работать с Любимовым всегда было счастьем. Иногда он, конечно, немного подрезал актеру крылья... Но уж если не подрезал, если позволял все — это был праздник несравненный.

1996 г.

* * *

Истоки разрушения в общем-то ясны. Театр существовал на сопротивлении, контекст времени изменился, нужна новая идея. На судьбе театра не могло не сказаться долгое отсутствие Любимова. Его нынешние приезды, отъезды. Но как бы ни был наш театр политизирован, он был замешан, создан и всегда существовал на любви. А сейчас любовь внутри кончилась — в этом все дело. И зритель это почувствовал и оттолкнулся от нашего театра. На Таганку уже можно купить билет, а в «Современник», например, нет. Потому что там

не только замечательные артисты и своя школа, но потому что там любовь! Никакие финансовые вливания никакой театр не спасут — только любовь и идея. А тут еще это ускорение смерти и желание доказать (я имею в виду историю с приватизацией этого дома), что сие есть, наоборот, его реанимация. И слова звучат высокие: в защиту учителя, в защиту искусства.

Что изменится от того, что будет введена контрактная система и часть людей выкинут на улицу? Появятся шедевры? Лучше будут играть артисты? Чаше в театре станет бывать Любимов? Или с притоком долларов театр обретет нечто... Неправда, не сработает. Сработает, где угодно: на биржах, предприятиях, но не в искусстве и тем более в театре. Это же русский театр. Только любовь и идея.

* * *

Мы все говорим: «Таганка», «Таганка»... Но мы же не стали артистами на Таганке от этого коллективизма. Командой высыпали на сцену. Командой проорали. Командой взяли друг друга на плечи и унесли. Но тогда мы это любили. Это был как бы наш дом, нас здесь собрали. Но мы там были не сами собой — всеми. Не по отдельности. И даже

Вова покойный... Высоцкий. Он был большой индивидуалист, но даже он в рамках театра держался очень умеренно. Как все. Таков был закон кадетского корпуса. Он как бы не афишировался, не декларировался, но это было всем понятно: здесь все ведут себя так.

* * *

На Таганке было много индивидуальностей, которые приняли правила такой игры. На какой-то срок. Это не могло длиться всю жизнь. Люди стареют. Люди устают, и у каждого просится наружу нечто. И тот, кто в состоянии исторгнуть это нечто из себя, тот, конечно, уходит.

И распад театра — дело не случайное. Есть там и некие этические причины, но, мне кажется, в этом есть и более глубокий, мистический смысл.

Стало уходить поколение, а театр делает одно поколение. Второе уже не продолжит никогда, это уже что-то другое. Может делать вид, что он продолжатель — ерунда собачья! Другое поколение, другие люди, все другое. Поэтому попытка задержаться на этом свете — она нормальна и у тех, и у других. У обеих половинок театра.

Я не могу говорить, что они уж совсем ничего не видят, это было бы неправильно, потому что

Таганка

жизнь преподносит какие-то сюрпризы. Иногда даже против очевидного закона. Порой дело решает один успешный спектакль. Он, конечно, не порождает перспективу, но дает время еще немного пожить. Говорить: все равно все будет плохо — нельзя. Никто ничего не знает.

2000 г.

* * *

Происходящее — это расплата за то, что мы дольше времени поддерживали несколько полинявшую легенду и ощеривались на любого, кто пытался что-то сказать о Таганке. Надо было вовремя понять, что мы уже не такие, что полиняли шерстки, что трачены молью, а мы все выгибали грудки и кричали: «Нет, мы такие, мы такие!!!» и продолжали обманывать друг друга.

* * *

Я не сторонник всяких разделов. Опыт других театров убедил, что это совсем не плодоносный путь. Но я отчетливо понимаю, что раздел — единственная возможность сохранить этот дом. Я бы никак не высказывал свою точку зрения, если бы знал, что Юрий Петрович гарантирует людям

работу по профессии в собственном доме и собственной стране, а не начнет их гнать на улицу. Но гнать людей на улицу, лишать их работы сегодня во время этой чумы...

Пять лет и еще полтора года Любимова не было в стране, а люди продолжали держать этот дом и сохранили его. В своем интервью Любимов сказал, что страна должна пройти безработицу. Должна и все. Она, может, и пройдет. Но почему именно Любимов, живущий сейчас за рубежом, должен стимулировать этот процесс?

Юрий Петрович вернулся, побыл немного и уехал: у него контракты. Но здесь он подписал контракт, обещая, что его контракты за рубежом окончатся, и он начнет работать в стране. Никто не собирается его силком затаскивать на эту территорию. Человек вправе решать, где ему жить. В конце концов, можно приезжать ставить спектакли и отбывать за рубеж. Но должна быть определенность. Люди хотят работать, а не бесконечно играть ставшие уже допотопными спектакли. Вместо этого, за спиной всех, втайне рождается проект приватизации театра. Вот это и стало основой конфликта, который продолжается при попустительстве властей, более того, подогревается ими. А всего-то и надо — исполнить закон, тем более есть резолюция президента. Исполнить, а не рассуждать о «неделимости театра», это в адрес чиновников.

Таганка

* * *

Когда стараниями Губенко, который был во власти, в страну вернулся Барин (так называли Любимова) все были счастливы и не понимали, что долгое пребывание вне Отечества накладывает на человека определенный отпечаток. До его отъезда все эмоции были замешаны на любви и преданности. Но после возвращения Любимова, люди отвернулись, заметив в нем сильные перемены.

* * *

История его выдворения, на самом деле, непростая. И его пребывание за рубежом, и его возвращение имеет демократически бойкое объяснение. Но есть и другая. Не такая красивая версия, о которой мне бы не хотелось говорить.

* * *

Впрочем, дело было не только в Любимове. Мы все старели, а театр — дело одного поколения, и продлить его жизнь нельзя, сколько новых сил не вливай. Внутренний кризис Таганки начался, когда наше поколение устало. Сил на общественные

эскапады уже не хватало, да и на спектаклях было тяжело. Одно дело, когда «Пугачева» играют молодые мальчишки, другое — те, кому под сорок — пятьдесят. И сердце не то, и дышалка сдает, все в поту, и большинство уже не держит дистанцию.

Кроме того, актерская профессия предполагает честолюбие, а одни из нас снимались очень часто. Другие же вовсе не появлялись на экранах. Но артиста для кино подает театр. На сцене я должен стоять там, где меня видно. Раздражение вырывалось на поверхность: кто-то обижался, кто-то отказывался играть...

* * *

Таганка сыграла свою роль и реанимации не подлежит. И сам Юрий Петрович не подлежит реставрации. Любимов — гений. Не особо образован, но зато он как зверь чувствовал, что носится в воздухе. Но с годами это чутье исчезает. Тем более что сейчас в стране происходит такое, что не могут сформулировать и молодые люди.

Среза сегодняшней жизни нет в прозе, никто не может понять, в каком, собственно, мире мы живем. Такое у нас сейчас время-безвременье. Чтобы его увидеть, надо от него отойти.

2001 г.

* * *

Никаких личных обид на Любимова у меня нет. Он достаточно долго и убедительно удерживал меня от ухода в «Содружество». Он не обделял меня ролями. Я сам отказался от Раскольникова из-за больного горла, часто уезжал на съемки. Сразу по возвращении он занял меня в «Маленьких трагедиях».

* * *

Конфликт Губенко и Любимова был не социальный, а личный. Любимов не пустил его на спектакль, вызвал ОМОН. Это серьезное оскорбление. И одновременно за спиной актеров начал решать — с кем он заключает контракты, а с кем — нет. Тогда люди стали примыкать к Губенко: «Коля спасай!» Он чувствовал свою ответственность и пошел до конца. Мне показалось, что в этой ситуации надо быть с ним. Невзирая на то что мы в глазах большинства оказались врагами мэтра и чуть ли не предателями. История рассудила так, что победа осталась за Любимовым. Но и сегодня я поступил бы так же. Даже несмотря на мой уход от Эфроса и возвращение «под Любимова».

* * *

Заслуги и славу, сделанное и возведенное никто у Любимова не отнимает. Но нельзя же считать людей за плесень на стенах: они служили ему и театру без славы, без званий, безденежно, как гребцы на галере. Ни квартир, ни зарплаты — ничего... Из всей старой Таганки в лицо можно узнать лишь несколько человек.

* * *

Таганка мне репутации не делает. Она меня не возвышает, не опускает, и существование театра я никогда не определял. Безусловно, у меня есть какая-то репутация, но в этом заслуга кино.

* * *

Совершенно ясно, что история склонит голову на плечо Любимову, но ведь это же не упраздняет морали.

* * *

В первый приезд Любимова мы устроили ему грандиозный прием. Достали все, чего в Москве

тогда было не достать, из кожи вон лезли. Входит Любимов, крайне скептически осматривает все это натужное великолепие. Мы просим что-нибудь написать по случаю возвращения. Он пишет на карточке: «Хорошо живете». Такой был подход.

* * *

Когда люди приняли условия игры и вспомнили о законе, в ход тут же пошли все те же совковые понятия — «долг», «учитель», «честь», и Юрий Петрович встал в позу короля Лира. Хотя все наоборот: ты замахнулся, а не на тебя замахнулись. Ты хочешь убивать, а не тебя хотят убивать.

* * *

Я не состоял в оппозиции к Любимову и не состою. Речь идет о том, что Юрий Петрович собирается реорганизовать труппу, а значит, сократить ее состав. Иными словами, увеличить количество безработных в этой стране. Я не считаю правильным, с его стороны, на закате нашей общей биографии, ему сейчас 75 лет, а также учитывая, что театр переживает не лучшее время, проводить реорганизацию. Как будто она чем-то поможет. Нет, она

призвана помочь только личному благосостоянию семьи Любимова, не более.

Некоторые, как, например, Ростропович, стараются помочь стране, а другие, наоборот — что-то оторвать от нищей страны. При этом им плевать на собственную репутацию, на репутацию других людей. Разумеется, театр не богадельня. Всех не согреешь, безработица неминуема. Но почему ее должен инспирировать человек, живущий за рубежом, понять не могу.

* * *

Театра нет. Есть номинация. Иллюзия существования. В зале пустые места. Билеты на Таганку давно уже можно купить. Юрий Петрович это понял, может быть, раньше других. И сегодня идет спор за здание. Он хочет распоряжаться и торговать только коробкой, а другие пытаются сохранить этот дом. Если не театром, то хотя бы домом для искусства, чтобы в нем не открылся стриптиз-бар или бордель.

* * *

Театр погиб. Сегодня Любимов заставляет принимать крещение через выгребную яму. Недавно

был жуткий случай. Любимов решил заменить исполнителя роли Коровьева в «Мастере и Маргарите» и ввести на эту роль своего актера. Назначенный на ввод артист прямо на спектакле ходил за человеком, играющим Коровьева, повторяя мизансцены, заглядывая, высматривая и все это на глазах Любимова и ничего не понимающей публики. После спектакля у исполнителя роли Коровьева прямо в гримуборной случился сердечный приступ...

А ситуация изгнания Губенко! Стоит белый Николай, он пришел играть спектакль «Владимир Высоцкий», а его не пускают в театр. И безусый омоновец поучает Губенко: «А не надо было плевать в лицо учителю». Щенок! Что ты понимаешь про учителя? И что понимаешь под «плевать в лицо»? И все это снимается, а потом показывается по телевизору строго наоборот. Я-то понимаю, что это была заказная пресса, заказное обслуживание, как и интервью, в котором Юрий Петрович называет меня «Соловьем-разбойником», а Губенко — «верным Русланом». В нем все шито белыми нитками. Каждый вопрос составлен так, что услужливо содержит вариант ответа.

* * *

Фактически театр разделился на два, один из которых возглавляет Любимов, другой — Губенко. Вообще я против всякого раздела, но ситуация стала невыносимой. Я на стороне людей, которых возглавляет Губенко. Я бы просто ушел, но это было бы не совсем хорошо по отношению к части труппы, которую я взял на себя труд опекать. Этих людей просто вышвырнут из театра.

* * *

Я поддерживал Губенко, мне было очевидно, что правда, пусть временная, здесь.

* * *

Интеллигентская болтовня, слюнявая модель: Губенко-сын, отсуживающий полхаты у отца. Губенко не нужно было вообще ничего. Он просто ушел из театра, когда вернулся Любимов, и все. Артисты просили Колю вернуться и защитить их. Так что творимая некоторыми благородная модель: сын супротив отца — ерунда собачья. Во всем виноват, я так уже считаю много лет, Юрий

Петрович Любимов. Хотя он — гений чистой воды, и мы все ему обязаны. Но истина — такова. Сейчас ни к чему это ворошить, камни в кого-то бросать.

2001 г.

* * *

Я уходил из Таганки уже взрослым человеком. И решение принималось мною на уровне осознанного понимания, что хорошо, что плохо. Но понимания эгоистического. Я знал, что если сейчас не уйду, то потом мне будет плохо, я себя просто сожру. На этом пути были, конечно, и ошибки. Такое мощное противостояние Эфросу, и вдруг смерть. Стопроцентное банкротство идеи, которая казалась такой правильной. Человек умер, и ты теряешься, уже не знаешь, кто прав, кто виноват. Права жизнь, а жизнь ушла. Значит, эта борьба ничего не стоила.

* * *

Я остался не по причине личных симпатий к Губенко или антипатии к Любимову. Просто мне казалось, что правда на стороне Губенко. Я и до сих пор так считаю, поэтому и не ностальгирую: «Ах,

какой был театр! Какой театр разрушили!» Ничего подобного — он умер от естественной старости. Наше поколение изнашивалось, а новое не пришло. Диффузии не произошло.

* * *

Для меня счастливое время затерялось где-то между 75–80-ми годами. Это была золотая пора Таганки. Мне нравился Любимов, мои товарищи, мне нравилось все: способ жизни, образ жизни, наши споры, ночные бдения. Я уезжал на съемку и возвращался домой. И дом этот я обожал. Так продолжалось до смерти Володи Высоцкого, которая каким-то мистическим образом изменила все. Не стало Любимова. Мы ушли в эмиграцию, потом вернулись, и вот сегодняшний разлад, когда на многих своих товарищей я не могу смотреть, как на людей, которым доверяю.

* * *

На всякую правду есть контрправда. Правда Любимова — заслуги и годы. Как правильно сказал Леня Ярмольник в одном из интервью:

«Дай Бог нам прожить столько лет и не путать унитаза с рукомойником». А Юрий Петрович при этом еще и спектакли делает. Хорошие они или плохие — это уже другой разговор. Сам факт, что человек в восемьдесят пять лет продолжает заниматься искусством, читает, ищет, вслушивается — уже благородно, уже заслуживает уважения. Поэтому довольно жестоко говорить: «Нет Таганка». Как она может быть «той?» Вы с ума сошли? Жизнь прошла, поколение артистов уже совсем другое. Они не привыкли ждать чего-то, проявлять терпение, совесть, им «дамки» сразу подавай.

Им не объяснишь: вы попали на территорию, где стареющий человек пытается бороться за жизнь, а тут вы со своими проблемами. Молодой эгоизм сейчас активнее пробивается, чем раньше. Хотя, конечно, не бывает плохих поколений. Просто команды новой не получилось, а горы сворачиваются только командой. Командой, которая умеет подчиняться дисциплине, умеет жертвовать.

* * *

Обижаться, что Любимов не сидел рядом с моей койкой в больнице, было бы глупо. Я знаю, что он

Леонид Филатов

с сочувствием отнесся к ситуации, мне передавали. И это был чисто человеческий жест. А требовать глубокого огорчения и сопереживаний от человека очень пожилого нельзя. Это неправильный подход.

О ВРЕМЕНИ

У всех проблемы! Всем сегодня плохо!
Такое государство и эпоха!
Но что же будет, если от тоски
Мы все начнем отбрасывать коньки?

* * *

Эпоха самозванцев по всем параметрам. Так много амбиций! Этому способствует то, что человека загнали в состояние, когда он ежечасно вынужден думать, чем набить свой желудок. Это ненормальное состояние, тем более для творческой личности. Когда большинство живет по принципу — где бы чего достать, чтобы в себя впихнуть. Поэтому будет плодиться количество чертей, экстрасенсов, колдунов... Как уже народилось огромное количество экономистов и политиков, которые все знают и знают, как надо. Замечательно написал об этом Галич: «Не бойтесь чумы, не бойтесь суммы, не бойтесь рая и ада, а бойтесь единственно того, кто скажет: «Я знаю, как надо». Меня эти мессии, их обилие пугают.

1993 г.

* * *

Страна очень неоднородна. Но если, даст Бог, ничего не случится впереди совсем уж неприятного, ужасного, разрушительного, то это правильно, что многие сравнивают происходящее сейчас с историей Моисея. Пророка, который мотал свой народ по пескам, чтобы поумирили, наконец, те,

кто жил в рабстве. Ах, как жестоко? Надо, дорогие, надо. И я тоже, и я...

Хочешь не хочешь, мы плоть от плоти, кровь от крови... Нам вроде кажется, что это не так, но все равно мы — «хомо советикус». Нужно, так сказать, освобождать от себя планету, нескромно ее собой обременять. Я говорю не в буквальном смысле: не надо плодить себе подобных, но дай следующим поколениям прожить полный срок, как они хотят.

1991 г.

* * *

Мне кажется, что бешеные ритмы и усиливающийся поток информации вынуждают современного человека все чаще проскакивать мимо важных вещей, не замечать рядом стоящих, отмахиваться от чужого горя. Любопытство, к сожалению, порой берет в нем верх над милосердием. Современный человек постоянно стремится к самоутверждению. Но при этом в нем еще сильна потребность в идеале. Среди моих современников меня восхищают люди, не стремящиеся, во что бы то ни стало использовать выгодную ситуацию, неспособные на компромисс с самим собой.

1985 г.

* * *

Есть аксиома, справедливая, как ни относиться к фамилии ее автора: «Бытие определяет сознание». Если обременить население огромной страны проблемой, чем питаться (причем озабочен он этим поиском с утра до вечера), и лишь малая часть населения, живущая более пристойно, позволяет себе роскошь духовных потребностей, можно очень быстро добиться полускотского состояния.

Конечно, в стране сохраняется и человеческий, и интеллектуальный резерв. Некая элита, существующая не при помощи, а вопреки власти. К сожалению. Не говорю уже о вновь возрожденной идеологии: кто не с нами, тот против нас.

1986 г.

* * *

Мы превратились сегодня в страну ресторанов и рвачей. И чем гуще темень, тем громче веселье. Долгое время нас развращали, отучая работать, а теперь развращают, приучая хапать.

1990 г.

* * *

Все землетрясения и все катаклизмы, которые происходят — это всегда драма. Но это драма, которую мы не можем квалифицировать. Ну, почему армянам выпало такое наказание, как землетрясение? За что?! Прекрасный трудолюбивый народ. Другое дело, когда подобные события происходят при помощи людей конкретных — в Тбилиси, в Баку, в Литве, в Риге... Ну, что перечислять все горячие точки, они известны. Мы живем в такое время, когда выделить одно событие невозможно — за всем кровь!.. Мы привыкли, что у нас кровь вроде никогда и не льется, нас так приучили. А она лилась, и в таких количествах! Мы просто не знали. И вдруг кровь обнаружилась, и вдруг мы как бы все это видим. Берет жуть и оторопь. Думаешь, неужели это возможно?! Да как же так?!

1991 г.

* * *

Боже мой, сколько сейчас разговоров о демократии и демократах. А у меня порой такое ощущение, что они ряженые. Не верю их тону, поведению, языку. Не верю из-за оголтелости трескучих фраз, из-за того, что любой голос, призывающий к осторожности, тут же заглушается. Опять разрастается

бюрократическая машина, и появляются новые прохвосты, привыкающие к власти. Не обязательно знать их лично, достаточно слышать их выступления, видеть на экране. Я актер, и мне это заметно.

* * *

Россия всегда была беспамятная страна. Но сегодня беспамятство беспрецедентное. Такого извращения, такой полярной перестановки черного и белого за свою, может быть, не очень большую жизнь, я, честно говоря, не помню. И такой потери памяти. Спроси сегодняшних гимназистов: кто такой Шукшин? Не каждый из знающих всех нынешних поп-звезд до самых крохотных звездочек ответит. Да что Шукшин! Гагарина не знают!

Из всего этого и возникла идея передачи «Чтобы помнили». Возникла она на полемической ноте: говорить не о гениях, а о людях «второго эшелона» (впоследствии, правда, появились главы и о великих актерах), которых забывают в первую очередь.

Что, может быть, даже справедливо с точки зрения сурового естественного отбора истории. Но все-таки все во мне восставало против такой «справедливости». История-то совсем недавняя. У них еще живы родные, друзья. И забвение тут приобретает этический характер. Мне вот пишут

письма: спасибо, наконец-то родина вспомнила! «Родина слышит, Родина знает»... Не будешь же объяснять, да и благородно ли объяснять, что никакая не родина, всего лишь семь сумасшедших, для которых это личная боль. А родине, как было наплевать, так и осталось. И если где-то в актерской семье всплакнут: «Ну, наконец-то вспомнили», — это и есть для нас высшая награда. И наша сверхзадача, если хотите.

2001 г.

* * *

Откуда у нас такое беспамятство — этот вопрос задавал России еще Чаадаев. И как на него за это набрасывались! Безумец! Но говорил-то он вещи абсолютно внятные, точные. Так безумец или мудрец? А может, потому и безумец, что мудрец? Я вообще не могу понять, почему человеку неинтересно, откуда он родом? Вот руки, ноги, морда именно такая, а не другая. От кого? Почему? Характер даже твой, он чей — деда, прадеда или генерала какого-нибудь, сражавшегося под Бородино? Если ты человек, не знающий, не помнящий родства своего, какое будущее ты можешь построить? Пес ты беспородный и все. И дело вовсе не в том, из дворян ты или из крестьян. Ты даже этого не знаешь. Ты — ниоткуда.

* * *

Самое ценное для мира на сегодняшнем этапе развития человечества вытекает из национального. Гении наши потому и знамениты, что они глубоко национальны. Но я ненавижу шовинистический, безумный, тупой национализм. Сейчас к таким вещам нельзя относиться легкомысленно, они чреватые фашизмом. Борьба с инородцами, попытки объяснить неудачи большого народа происками малого — блеф. Что же это в таком случае за народ, который так легко дал себя растлить? А ведь эта песня поется тысячу лет. Она всегда возникала на почве смут. Пушкин сказал: «Нет ничего страшнее бессмысленного русского бунта». Он сметает всех — умных, глупых, начальников, подчиненных, а в итоге — самих себя. Поиск врага омерзителен тем, что он всегда является собой утешительство, способ объединить народ для большой бойни.

1990 г.

* * *

В свое время наш мучительный национальный самоанализ снискал нам славу высоконравственной нации. Теперь же наше самоистязание приобрело эстрадную форму. Мы с таким ликом

ванием и упоением демонстрируем миру нищету, одичание, несостоятельность, мы так глумливо задираем рубаху, предъявляя Западу наши язвы, опухоли и чирьи, мы так кичимся своей объективностью в анализе наших мерзостей, что рано или поздно сострадание, которое мы еще пока вызываем у наблюдателей, сменится отвращением. Закордонные зрители и без наших стараний понимают всю степень нашего несчастья. Лучше повернуться лицом к своей горемычной стране и попытаться сказать слова утешения собственному народу.

1990 г.

* * *

Мемуары стали писать не как осмысление своей и общей жизни, а подгоняя их под те или иные заготовленные шаблоны. Это, как сидит на спектакле критикесса, на сцену не смотрит, что-то пишет. Подруга спрашивает: «Ты что пишешь-то?» — «А к концу спектакля должна быть готова рецензия». И непременно отрицательная, хотя спектакль прекрасный (или наоборот, это зависит от того, по какому шаблону эта критикесса работает). Ей ни глядеть, ни думать, ни мучаться не надо. У нее уже дома все было готово. А от следования шаблонам — множество лукавства

да откровенного вранья. Есть, например, один такой воспоминатель, который без конца пишет о своей пламенной дружбе с Высоцким. В конце концов это его личные расчеты с Богом, хотя думаю, что Володя раза три дал бы ему по морде за бессовестное вранье. Мы же в театре хорошо знали, что если и была тут дружба, только собутыльническая, да и то очень недолгая, на самых первых порах.

* * *

Наше время требует аккуратности. Я прошел школу Театра на Таганке — школу разных скандалов. Знаю, что такое газеты справа и слева. Живя в мире, спокойном, уравновешенном, можно четко разграничить черное и белое. Но, когда мир раскололся, вылезают оголтелые левые, которые рвут и подтасовывают, и омерзительные правые.

1990 г.

* * *

Думаю, такие приметы, как существование в стае, и попытка возвеличиться за счет унижения другого — это только наши качества, приобретенные

О времени

за последние семьдесят лет. Ну, а сегодня просто кликушеское время, когда мы постоянно кого-то возносим или кого-то ниспровергаем. Подобная истерия стала просто смертельно опасной.

1990 г.

* * *

Сегодняшняя жизнь меня не столько раздражает, сколько печалит. Во всем, что у нас произошло, есть свои плюсы: страшно расширился мир, появились новые возможности, вообще стало интереснее, стало видно, кто чего стоит... Но это не значит, что меня устраивает власть, что я приветствую ситуацию, при которой большинство просто не помнит, кто такие Шукшин и Трифионов...

Моя пьеса «Еще раз о голом короле» заканчивается словами: «Скажи, любезный Генрих, что стряслось-то: переворот, поминки, юбилей?» — «Да ничего особенного, просто настало время голых королей». Вот сейчас такое время — время самозванцев, пустых людей. Особенно это заметно по телевизору. Грех говорить так обо всех: есть, конечно, талантливые и разумные люди, но они не могут победить. Талантливые люди не могут победить бездарных. Последние более активны, более живучи и бессовестны.

* * *

Мы были другими. Мы уроки обольщений прошли. Это первое. И потом, мы воспитаны людьми войны, какую-то долю святости, истины, стойкости у них почерпнуть успели или, по крайней мере, успели к этому прикоснуться. Война в жизни наших родителей была тем, что вызывало уважение, почитание. Мы были как-то внутренне ориентированы на военные годы, тут была глубинная связь.

А наши дети? Эти не обольщаются. В первую очередь, разумеется, на наш счет. Странное поколение, поколение, которое мало чего боится, без позитивной программы. (По крайней мере, среди тех, с кем мне довелось столкнуться.) Очень во многом это следствие нашей собственной лжи. Скоро нам с ними стоять лицом к лицу и смотреться, как в зеркало, в наш поздний цинизм на их молодых лицах. Да, собственно, уже стоим.

1986 г.

* * *

То, что проповедовали наши родители, в свой час подверглось страшной проверке и испытание выдержало. То, что пытаемся проповедовать вслед за ними мы, терпит фиаско ежедневно и ежечасно. В наших собственных поступках — не поступках, в

О времени

нашем собственном «поеду за границу, не поеду за границу, получу премию, не получу премию». У того поколения был счет другой: убьют — не убьют. Вот вам и девальвация ценностей. Честь, Совесть, Порядочность, Верность — сегодня смысловое наполнение этих категорий иное.

* * *

Не надо включать такое понятие «народ», когда речь идет о частностях. Чуть что, сразу — народ, как Бог новый. Народ есть народ, со своим самосознанием.

* * *

В наше время быть полностью чуждым политики нельзя. Есть у меня свои симпатии, пристрастия — значит, я уже политичен. Но активной политикой я заниматься не умею. Я пробовал работать секретарем Союза кинематографистов, не получилось. Счастлив, что после недавно прошедшего съезда освободился от этого бремени. Подобными вещами должны заниматься люди с определенным общественно-политическим честолюбием. У меня его нет.

1990 г.

* * *

Сегодня время, чреватое взрывом. И боеголовкой может стать неточно услышанное или неряшливо брошенное слово. Хотя и с осторожностью у нас бывает перебор. И, как уродливое производное от этого, наши трусливые комментарии по, скажем, вполне безобидному вопросу: «Мой любимый поэт? — Иосиф Бродский...» И тут же стеснительный постскрипtum: «Хотя, конечно, есть и другие талантливые русские поэты...» Как будто ты имеешь внутреннее право стесняться судьбы и национальности поэта Бродского. Или наоборот: «Мой любимый прозаик? — Валентин Распутин». И тут же поспешное разъяснение: «Хотя, конечно, я далеко не во всем с ним согласен...»

Это униженная, лакейская, трусливая поправка на время: а вдруг правые обидятся, а левые обольются? А вдруг патриоты решат, что ты сионист? А вдруг демократы подумают, что ты антисемит? Уродливое время, уродливые нравы. Оголтелость правого или левого толка — это все равно оголтелость. Интеллигент не должен примыкать к стае. Его удел — индивидуальный анализ любого события, любого факта, любой идеи. И за поступок надо отвечать самому. Мы же все норовим сбиться в кучку.

1990 г.

О времени

* * *

Чернобыль — вот символ. Когда весь мир содрогнулся. Кроме нас. Мы единственная страна, до сих пор не похоронившая своих мертвых, с войны лежат непогребенными останки. Мы, может быть, потому и прокляты, что эти души носятся среди нас, досаждают нам — без погребения тела душа не успокаивается.

1990 г.

* * *

Когда человек озабочен только тем, чтобы что-нибудь в себя кинуть, то невозможно насильственное окультуривание, тщетна попытка каких-то духовных инъекций. Народ, лишенный в свое время Бога, не может враз «одуховиться», нет у него для этого данности сейчас. Хотя не стоит употреблять такие мощные категории как «народ», будем говорить — население. Это правильное слово, применительно к нам сегодня.

1991 г.

* * *

Природа нашего общественного гнева остается прежней. И совсем неважно, что в иные времена

праведный гнев трудящихся тщательно организовывался в многотысячный глас народа, а теперь исходит из каждого сердца, как бы индивидуально. Он и сегодня организованный. Организованный нашим стадным генотипом, нашей невоспитанностью, нашим невежеством, нашим хамством, нашей нетерпимостью, нашей жесткостью. Люди, одержимые манией приговаривать к смертной казни, неменяемы, они слишком любят себя в состоянии гражданственного экстаза, слишком привыкли гневаться по разным поводам. Как тут отказать себе в удовольствии казнить своего вчерашнего кумира?

1990 г.

* * *

Ловлю себя на том, что я не имею права высказывать все, что бы мне ни пришло в голову. Ведь я сейчас здесь, в Москве, — в раю по сравнению со многими другими. Им бы я пожелал, наверное, терпения и покоя. И понимания, что у русских все всегда не как у всех, и ничего нового с русским народом не происходит. И еще надо помнить, что бывали времена и похуже. И даже когда тяжело, не бороться, но сопротивляться. Не давая себя сломить.

О времени

* * *

В русском народе вообще очень сильно женское начало. Мы так доверчивы, так легко очаровываемся, бездумно готовы поверить, что все может чудесным образом перемениться в один день. В восемьдесят пятом так поверили. Я, правда, особых надежд с перестройкой не связывал, поэтому особенных разочарований не испытал. Но попервости и у меня была эйфория. К счастью, быстро понял, что это несерьезно.

Огромная страна, которая сваривалась так грязно, так неряшливо во всех узлах, просто обречена так же уродливо раздираться. Распадаться со стоном и скрипом.

А рожденные нами и отшлифованные за долгие годы монстры: партаппарат, военно-промышленный комплекс? Неужели они с легкостью отдадут все, за что боролись всю жизнь? Нет, их сопротивление будет долгим и упорным. Но по-другому быть не могло.

1991 г.

* * *

У Кушнера есть замечательные строки: «Времена не выбирают. В них живут и умирают». И еще:

«Большей пошлости на свете нет, чем плакать и пенять. Будто можно те на эти, как на рынке поменять». А дальше идет перечисление многих-многих страшных бед, которые обрушивались на человечество во все времена. Не было такого, чтобы небеса дарили нашей грешной земле безоблачную жизнь. В этом ключ к пониманию бытия. Абсурд — втащить ушедшее в сегодняшний день. Учиться у прошлого надо, а реанимировать его нельзя.

* * *

Однажды мы проснемся в опустевшей стране, и одна одинокая душа, будет сутками бродить по нашим просторам в надежде найти другую душу. Любую, пусть даже далеко не родственную. И, наконец, встретив ее, поймет, что есть гораздо более яркие разновидности счастья, нежели триумфальный разгром политического противника или добытый в очереди кусок колбасы...

1990 г.

О КУЛЬТУРЕ

* * *

Очень многое в нас замешано на сопротивлении. Россия без этого никогда не жила: без подвига, без нравственного примера. Это наша боль и наше проклятие. Помните, у Брехта ученики обвиняют Галилея в том, что он сдался: «Несчастлива та страна, в которой нет героев». На что умный Галилей отвечает: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях». Нигде в мире нет этого бесконечного, нравственного подвига, этого увлечения своей жертвенностью. И это даже не советское, а российское. Хоть это-то было, но и оно уходит.

И интеллигенция чувствует себя не у дел. Замолкли писатели, художники, а взамен явились графоманы, посредственности, деньгоделатели.

Они тогда просыпаются, когда замолкают авторитеты. Помните, у Давида Самойлова: «Вот и все, сомкнули очи гении» и дальше: «Нет у их, и все разрешено». Несуетные Белла Ахмадулина, Булат Окуджава не звучат. Но я верю, что когда-нибудь ту кладовку, в которой сейчас пылится наш кинематограф, наша литература, наше искусство, разроют. И окажется, что здесь, в стране, о которой сказано «так жить нельзя», на сопротивлении создавались прекрасные, обжигающие, удивительные вещи. И это будет замечательная кладовка для Европы.

1992 г.

* * *

Во всем, что происходит сегодня с культурой, меня более всего удивляет позиция российского правительства. Опять звучит знакомый большевистский тезис: сначала надо накормить народ, нужно действовать поэтапно, а потом...

Не будет потом, потому что ментальность сопротивляется, другая земля, другая природа, которая тоже, как известно, формирует нацию. Никогда мы не будем похожи на Голландию, как справедливо заметил Никита Михалков. Получается нечто третье, и в это нечто надо закладывать отечественную культуру, вместе с колбасой сбере-

гать духовные ценности. А к культуре относятся по-хабальски, она растоптана, унижена, не имеет ни копейки.

В России собираются сократить треть театров. Что уж, они все такие плохие? Но других там нет, и, стало быть, не появятся. И кто сказал, что театры могут существовать без поддержки государства? А кино? Если и снимаются какие-то фильмы, то делаются они дилетантами, а если и возникают прекрасные картины, то они заматываются прокатом и кто их видит?

1992 г.

* * *

В нашей стремительно дичающей стране, где всем на всех наплевать, где культурой уже называется нечто ей противоположное, где спонсоры, лоснясь от гордости, возвещают: «Мы решили вложить деньги в культуру!»

В какую культуру? Некий Гютькин или Пупкин поет невесть что и как, это и есть культура? Спятели, что ли? Не разбираетесь, так не говорите на эту тему. Нравится вам Гютькин — вкладывайте в него на здоровье, только не величайте свои «опыты» поддержкой культуры. Тоже мне Третьяковы! Постеснялись бы. Милые ножки у певицы НН. Это немало — ножки. Я не брюзга. Наверное, эти

ножки заслуживают чьего-то денежного вклада.
Но нельзя же менять калибры!

1985 г.

* * *

В разные моменты истории бывало по-разному. Иногда искусство умиротворяло, предлагая свои способы примирения. Боюсь, удачного примера не приведу. Порой оно становилось детонатором общества, как до недавнего времени Театр на Таганке. Однако, если искусство используется в качестве взрывного устройства, легко доказать, что оно выполняет идеологический заказ, работает в пользу той или иной власти...

Миссия искусства — миротворческая. Со временем все больше понимаешь, что искусство умиротворения души, чему, собственно, и служили его исключительные образцы, полезно, необходимо, желанно. Поэтому вовсе неудивительно, что искусством у нас уже называют игру Вероники Кастромилой дамы, никакого отношения к искусству не имеющей. Хотя сама Вероника Кастро, будучи в России, и утверждала: то, что она играет, и есть жизнь. Отнюдь нет! Игра ее и прочих викторий руффо — парфюмерное представление о жизни. Попытка посочувствовать человеку, при этом потворствуя безвкусице.

Насмотришься всего этого мусора, и уже Достоевский не проникает. Сколько бы не уверяли в обратном: «Зато потом...» Ничего подобного! Такого рода «искусство» не разрыхляет почву для будущего восприятия истинных ценностей, а формирует духовную целину.

1986 г.

* * *

Мы идем к прямому оскотиниванию нации. Это не секрет. Об этом говорят сплошь и рядом люди, равнодушные к судьбе Отечества. Оскотиниванию немало способствует еще и телевидение, когда оно без руля, без ветрил выдает эрзацы культуры. «Гении», покупающие ныне экран, бездари и пошляки. Любой человек с мешком денег вправе привезти свою девицу: «Сделайте ее ведущей!» — «Ведущей чего?» — «Какой-нибудь передачи». И вот она уже ведущая «какой-нибудь» передачи.

А на эстраде сколько топчется «восходящих звездочек»! Какие они звезды? Чуть-чуть голобочек, немножечко слуха, ноль вкуса, беспредельная наглость — «звездочка» готова. Наивно полагать, что мы все дураки, способные потреблять подобную глупость круглосуточно! Так называемые нынешние поэты-песенники — это

графоманы, растлевающие вкус. Уже можно не ругать композитора Мокроусова за псевдорусскость, псевдофольклорность, он был достойным мелодистом, понимал свое дело в отличие от сегодняшних халтурщиков, бренчащих на всем, на чем угодно, с претензией на особый стиль. Но ведь были же у нас песенники-профессионалы! Матусовский, Ошанин, Дербенев... Их стихи, хорошо зарифмованные, внятные, понятные, все-таки поэзия.

1985 г.

* * *

Если говорить глобально, культура, действительно, гибнет. Только, что считать культурой? Когда собирается всякая шелупонь от искусства и кричит: «Культура гибнет!», я думаю: «Кто ты такой? Чем занимался все это время? Почему кричишь громче всех «за культуру»?» Надо очень четко различать истинные голоса в этом стонущем хоре.

Ну, что сейчас Союзу кинематографистов заходиться: кино гибнет? Ребята, не вы ли просились на свободу из лап государства, не думая, что, может, вас уже поджидают с молотком за углом? Вы так хотели этой свободой получить по лбу, ну получили. Нужно быть ко всему гото-

выми, быть взрослыми людьми, держать удар, в конце концов. Другой вопрос, что никто не ожидал такой дикости, такого падения нравов в широком смысле, а не в смысле оголения разных частей тела на экране. Никто не ожидал такого тотального обнищания, буйного разгула и бесстыдства в человеческих отношениях. Что вероломство станет обычной вещью. Что стук на страницах газет – как бы узаконенным, что хорошим тоном станет погулять по репутациям, по любимым...

* * *

Все политизированы донельзя. Тяжесть висит в воздухе, тяжесть, а чем разразится – не знаю, но, во всяком случае, ничем хорошим. Появление чумаков, кашперовских, тарелок – целыми сервизами – все это знаки, которые раскиданы щедро. Стремительное одичание народа. А еще плюс рынок. Вы можете представить разгул безработицы в стране, где никто не работает? Преступность будет – Запад обзавидуется. У нас и так-то страна Лимония, и среди этого чумного пира гуляют иностранцы! А мы эту жизнь эстетизируем, ставим чернуху...

* * *

Вообще ретроградом становишься на глазах: все кричали, чтобы отменили цензуру. Ну и отменили. А сейчас по ней ностальгия, ибо ни вкуса, ни сдерживающих центров у людей нет. Что пишут, что поют! Безоглядность, отвага какая-то, будто мы не страна Тютчева. Такого количества идиотов в единицу времени, которое я вижу на советском ТВ, вообще не бывает. Пошлости — море. В кино какие-то потаскушки, опять же эстетизированные, хотя на самом деле умных и обаятельных путаночек на всю Москву пара-тройка, а остальные лахудры, которым помыться некогда, потому что за ночь надо обслужить 20 человек, а клиент в ванную не пускает — боится, что мыльце украдут. Вот это бы снять, вот человеческая комедия! Куда нам, на самом деле, эстетизироваться, когда, бывает, труп по три года в квартире лежит, а сосед случайно его обнаруживает.

1990 г.

* * *

У нас долгое время, еще с дореволюционной поры был в ходу ложный тезис: бедность — это хорошо. Церковь проповедовала: подавляя плоть, уменьшая запросы, возвращайте духовное начало. Пусть

плохо живем, зато мы духовны. Нет в нищете никакой духовности быть не может.

* * *

Много разговоров о меценатстве. Меценаты есть, но их, к несчастью, очень мало. Особенно тех, кто готов вкладывать деньги в, казалось бы, убыточные проекты. Большинство вкладывается в искусство на уровне своего понимания. Один захочет вложить деньги в Кончаловского, другой — в Тюткина или Пупкина.

* * *

Одичание идет стремительно, чему очень способствует телевидение. И отсутствие вкуса, и огромное количество глупости. Мало нам своей, мы еще чужую тянем на экран. Нет, может, кто-то искренне верит, что конкурс красоты — это публично обнажающаяся барышня, которая при этом с томно философствующим видом заявляет: красота спасет мир. Миленькая, Достоевский все-таки подразумевал иную красоту, а не твои сомнительные прелести.

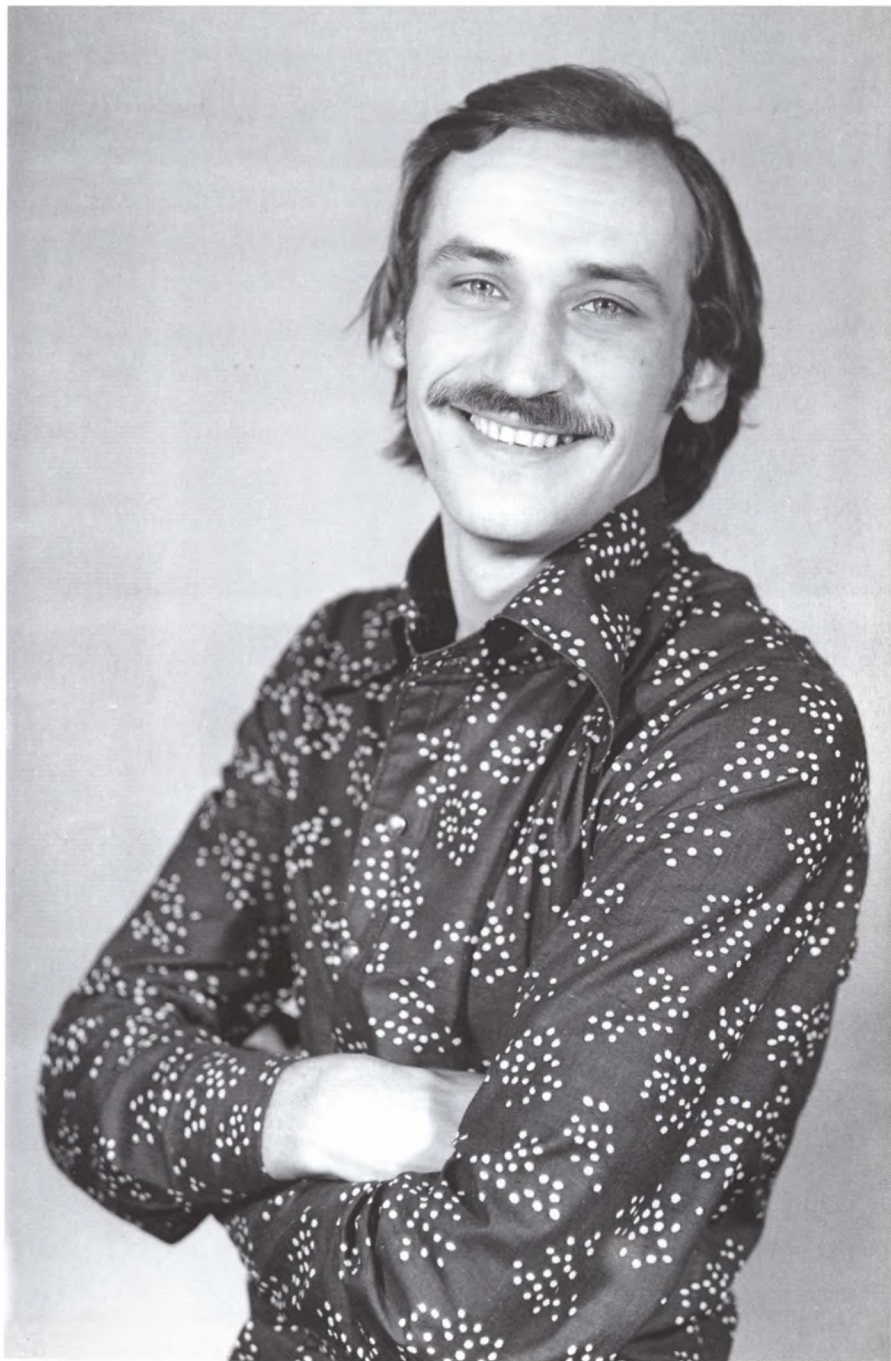
* * *

Весь мир уже давно напуган американизацией, так как нет ничего страшнее духовной оккупации. Другое дело, что в Европе было что задавливать, а у нас уже нечего. Разве что литература, но это несколько иная статья, ибо она единственная не связана с большими затратами.

* * *

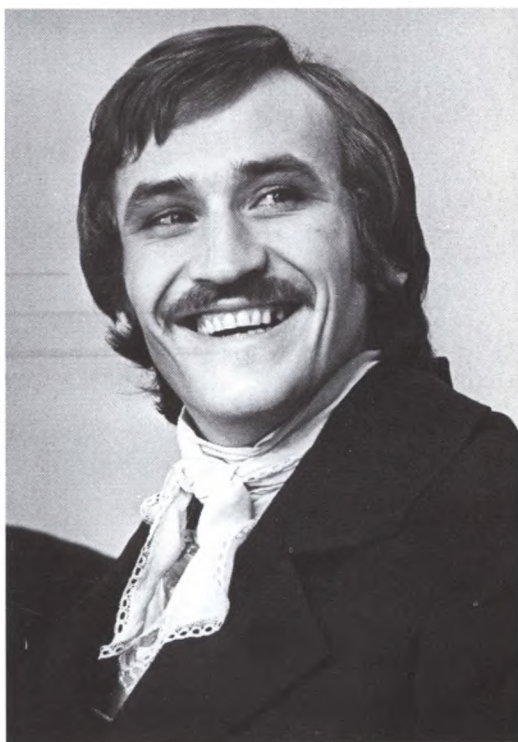
Участие западного капитала может быть в чем угодно, но только не в культуре. Мы все равно никогда не породнимся, мы другие. Возьмите то же американское кино: язык птичий, слов минимум. Смотришь и думаешь: на каком языке говорит Америка? Ведь есть же у них Марк Твен, Скотт Фицджеральд. И понимаешь, что нам показывают кино, рассчитанное на обывателя. А Россия так не может. Россия — страна болтающая, задыхающаяся от слов, распалюющая их. Возьмите любую русскую каноническую пьесу — действия минимум и бесконечный поток слов. Везде все поменялось, в России — нет. Россия такая и не надо приспособить ее к Западу.

1992 г.

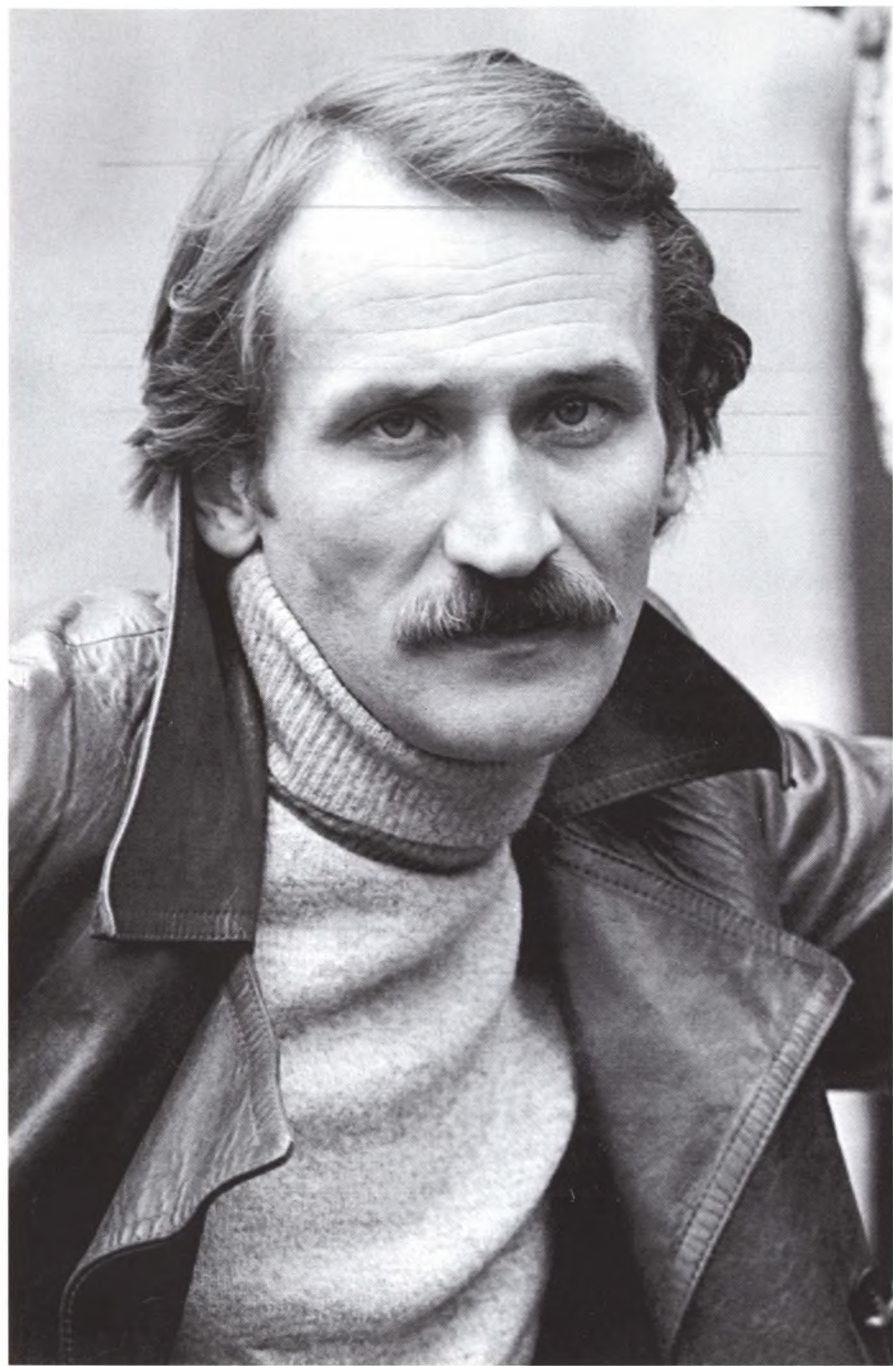

В телеспектакле «Капитанская дочка»

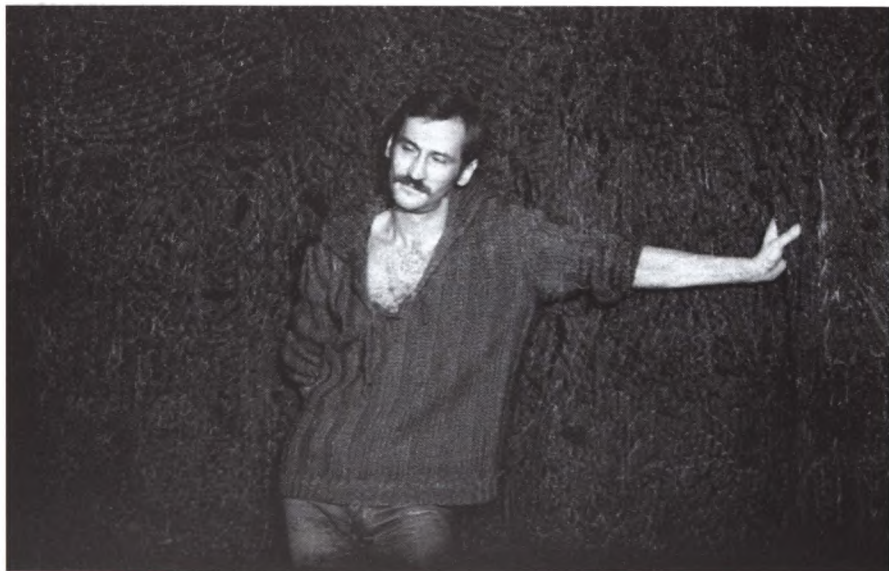
*В телеспектакле
«Воспитание чувств»*

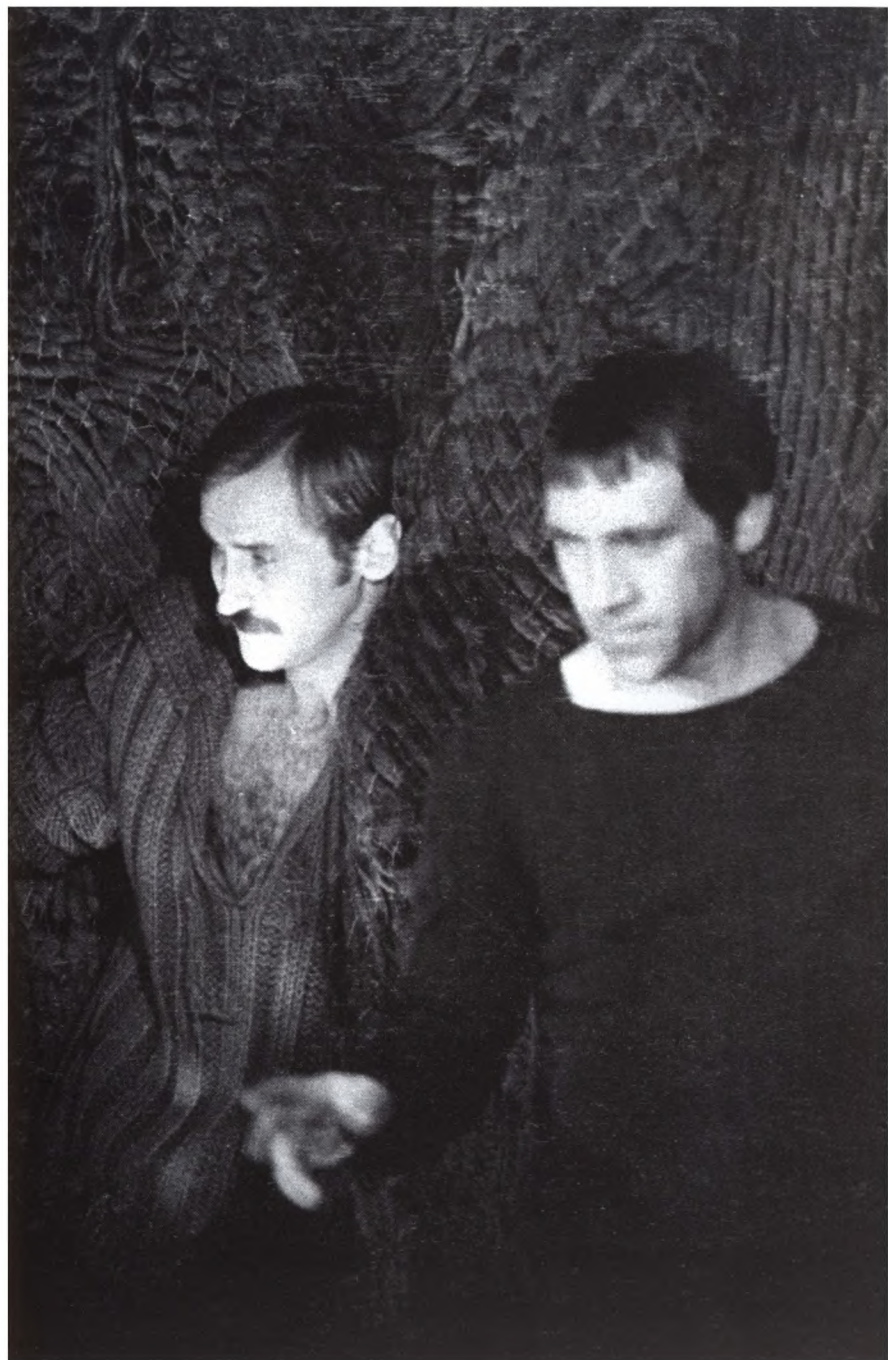

В спектакле «Товарищ, верь!»

В спектакле «Гамлет»

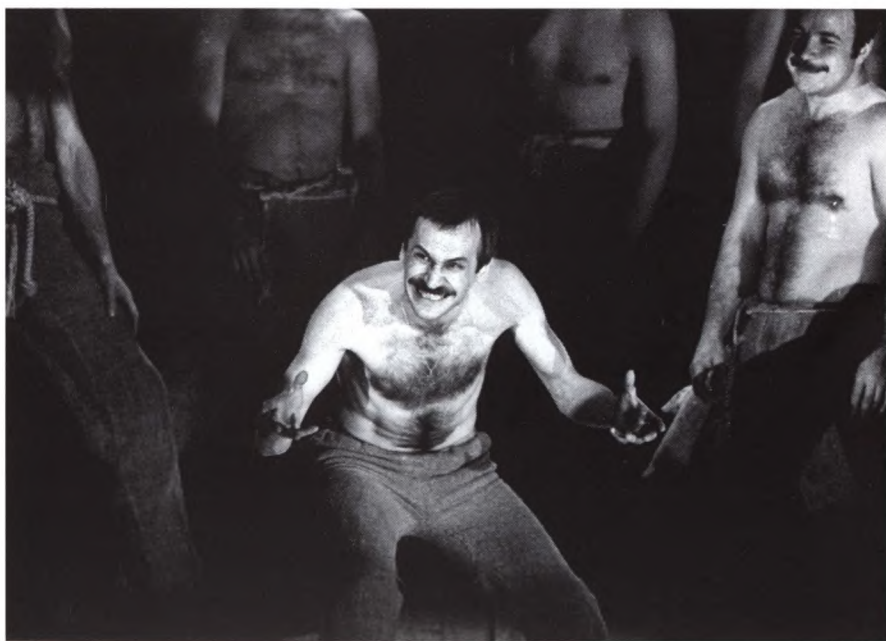
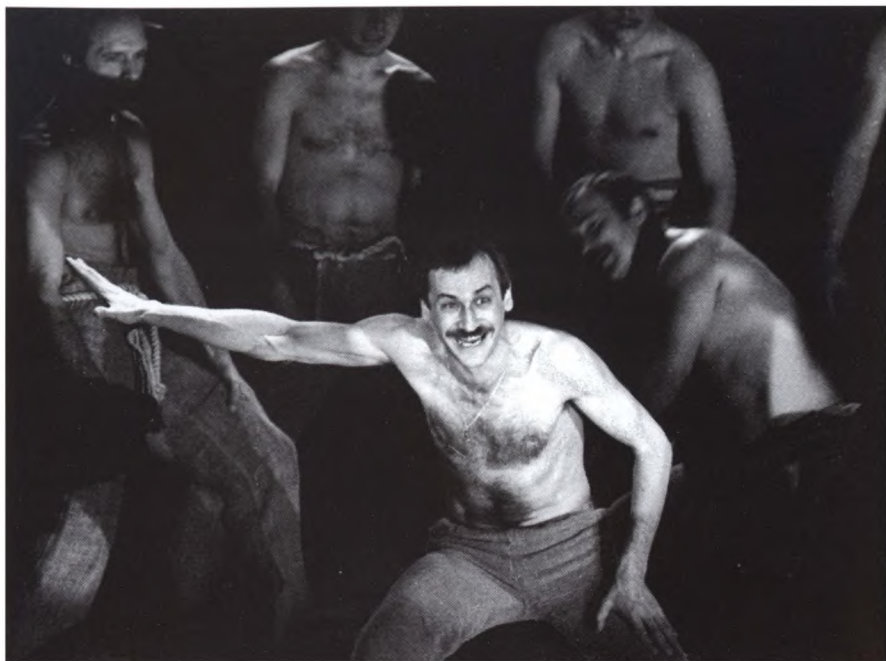

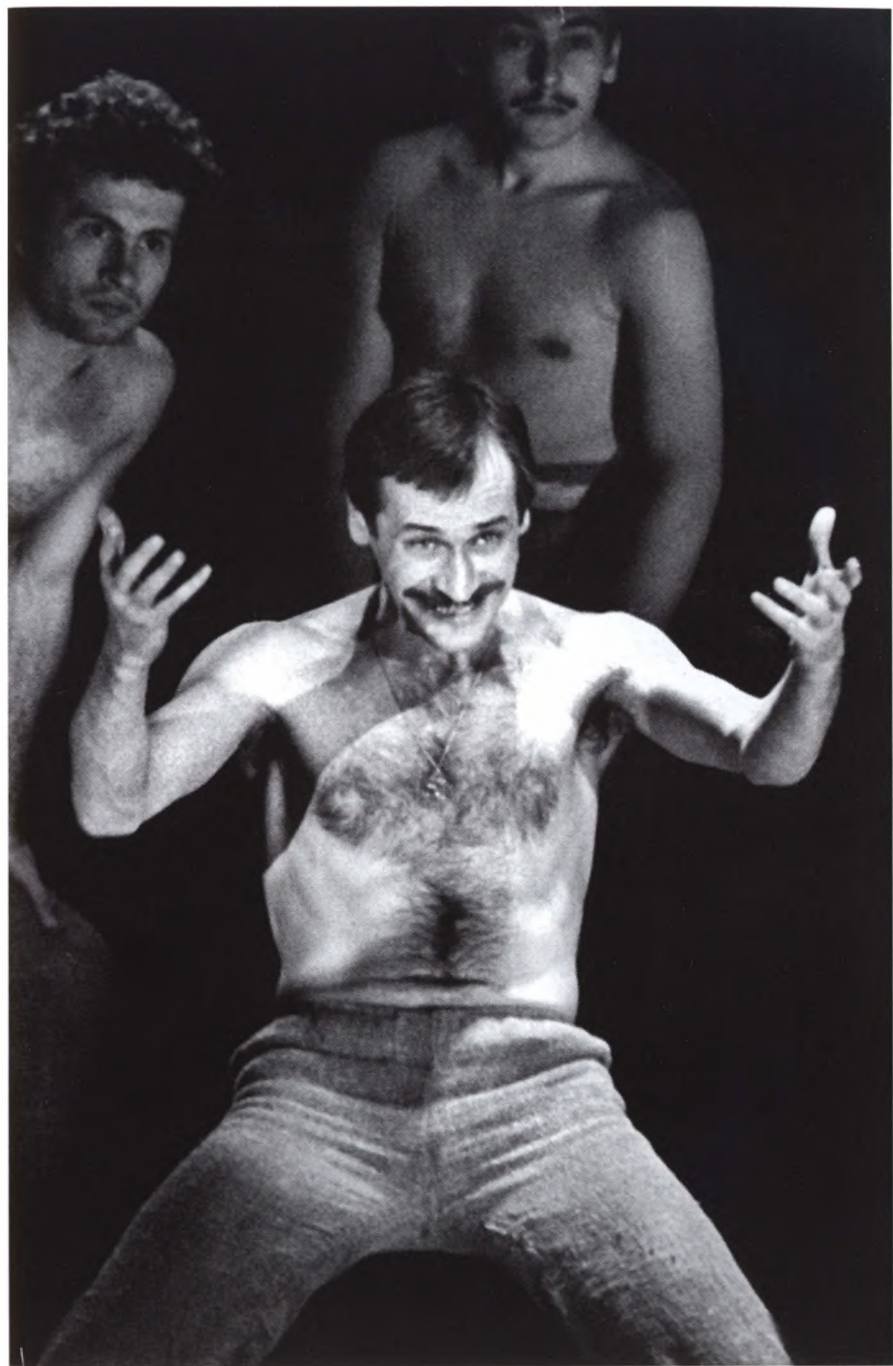
В спектакле «Что делать?»

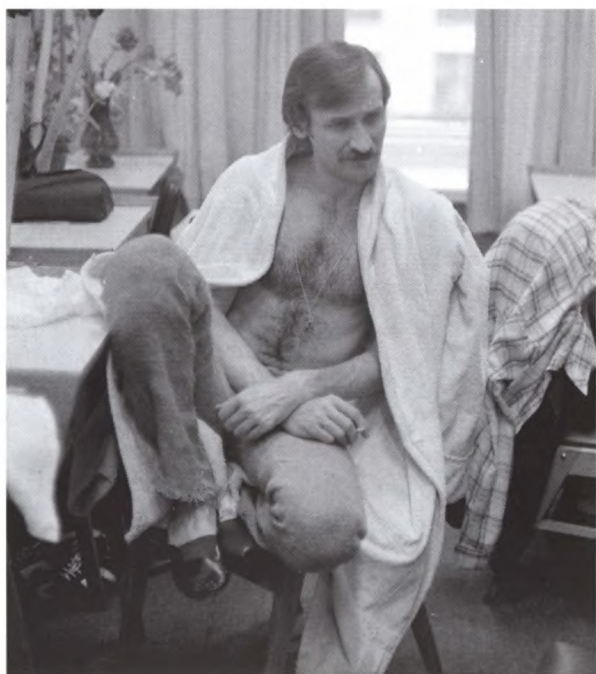
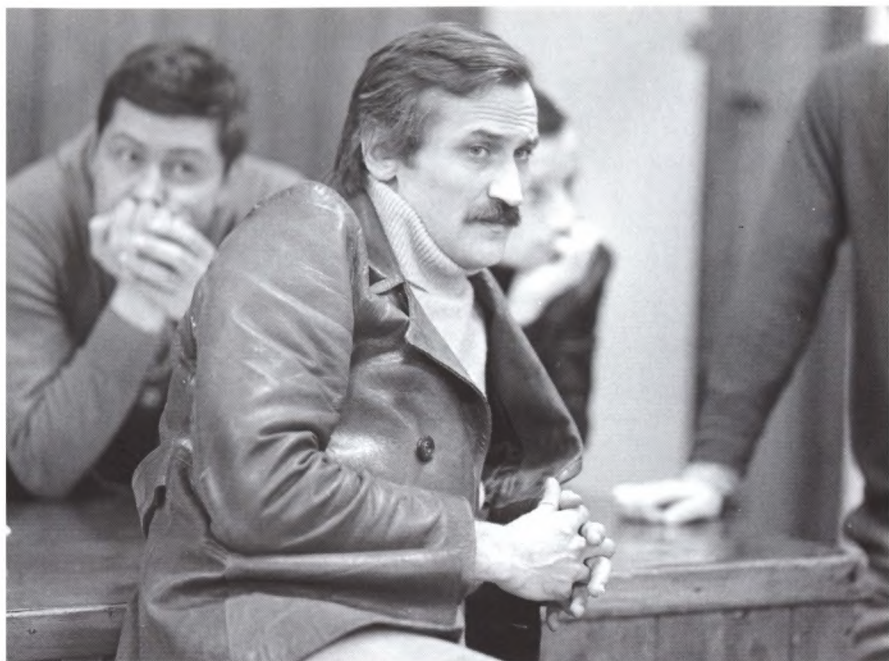

В моноспектакле «В поисках жанра»

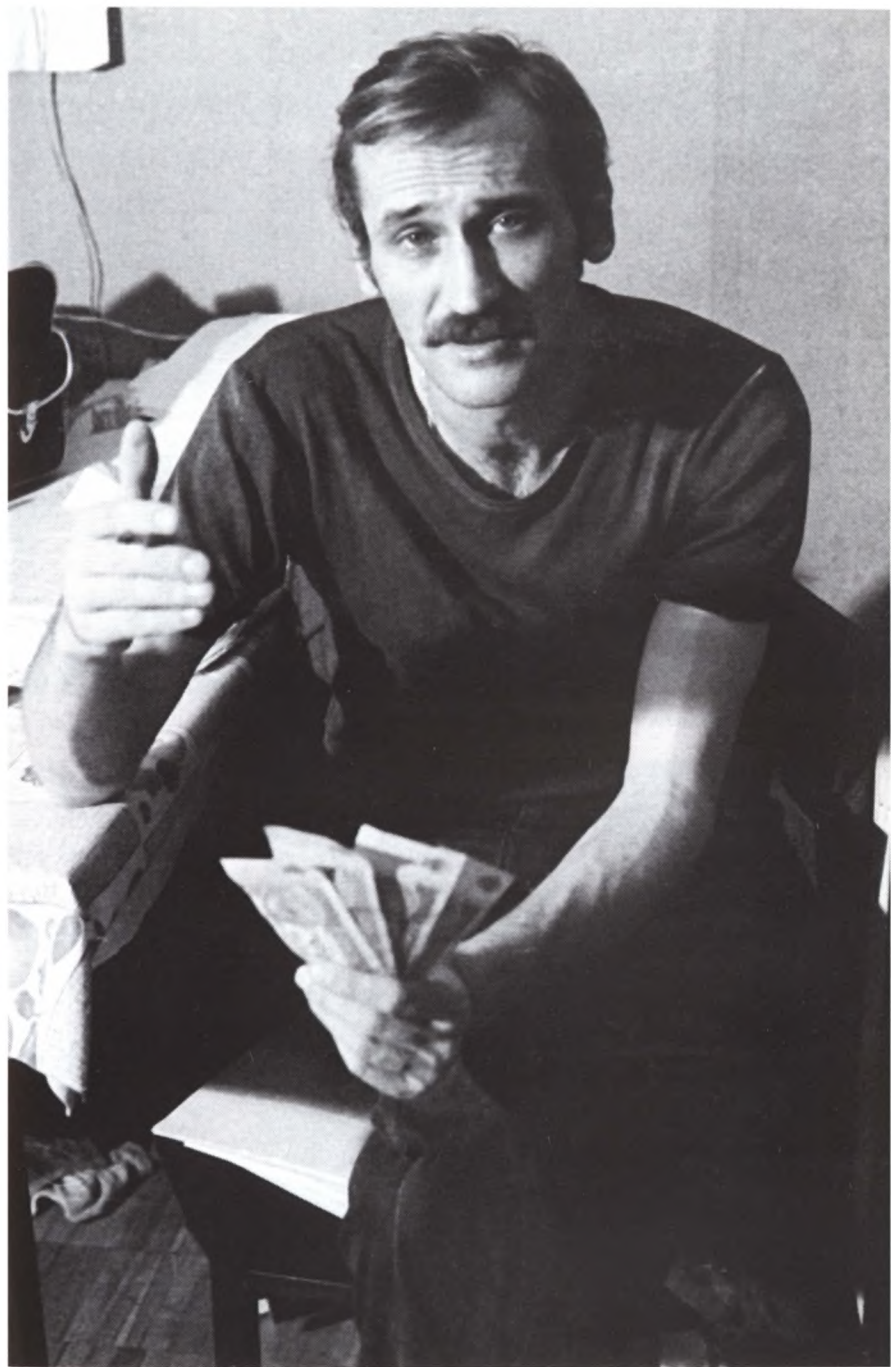

В спектакле «Пугачев»

Театральные будни

С Всеволодом Абдуловым

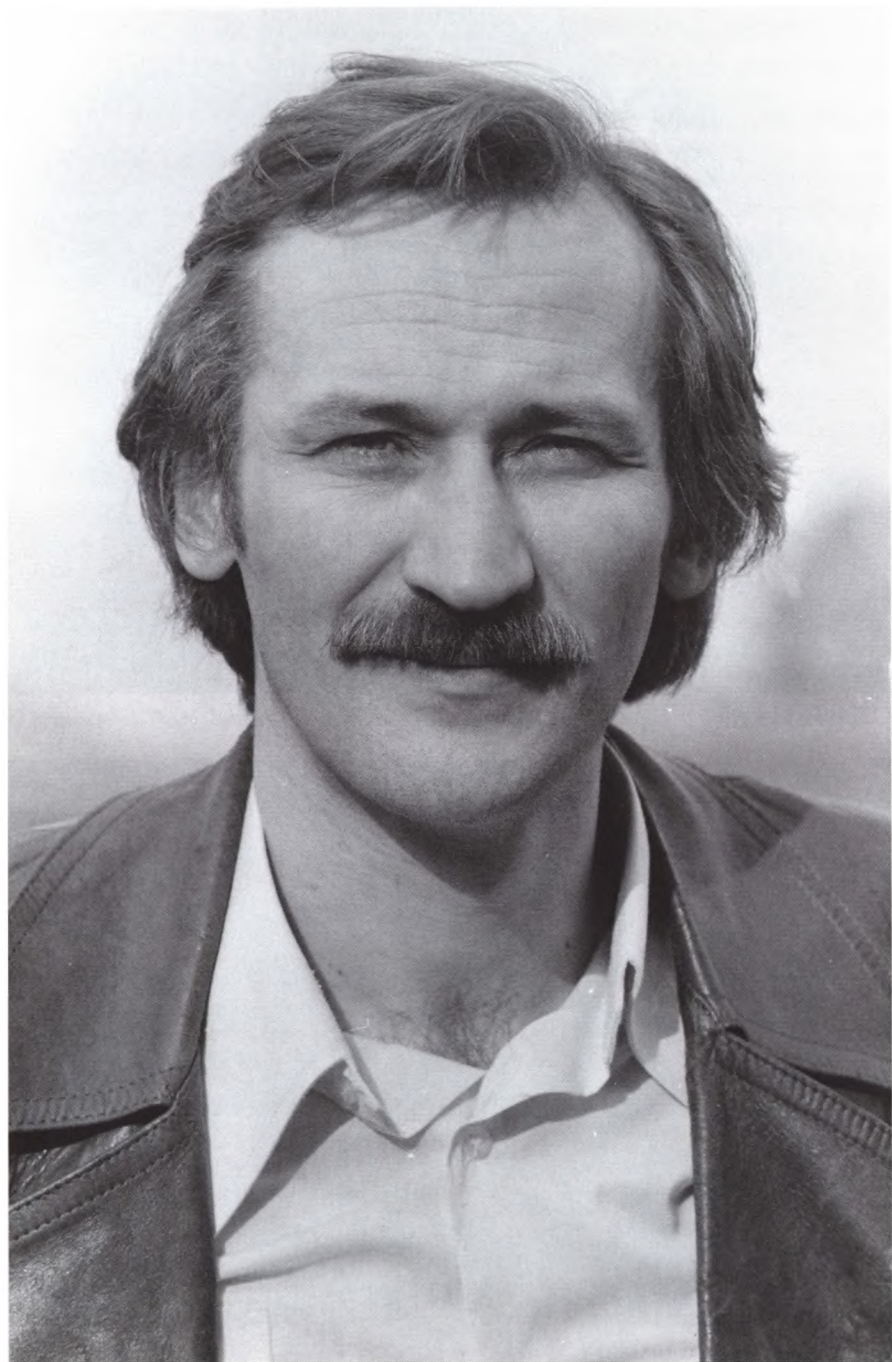
*С Андреем
Вознесенским
и Беллой
Ахмадулиной*

С Ниной Шацкой и Борисом Хмельницким

С Валерием Золотухиным и Ниной Шацкой

* * *

Нет ничего дурного в том, чтобы учиться у Запада. Но мы уж очень напрягаемся, чтобы ни в чем им не уступить. Хотя уступили уже почти во всем. Вот конкурсы красоты... Они раздевают, и мы своих разденем. Естественно, сложнее сделать хороший трактор или автомобиль и показать. А мы начинаем с каких-то глупостей, желая доказать, что мы такие же, как они. Не надо. Давно уже все поняли, что мы, не как они. Мы совершенно другие. У нас другие пути, другой уклад и способ жизни. Нельзя же во всем подражать Западу. Давайте сделаем что-нибудь красивое, значительное на фоне разрухи и покажем, что умеем не только учиться, но и учить.

1990 г.

* * *

У нас, сколько не прыгай по телевизионным каналам — гульба, икра и лососина, сплошные презентации. Или возьмем передачу «Любовь с первого взгляда». Такое впечатление, что это из жизни земноводных. Я видел бы в ней смысл, если бы познакомили пожилых людей. Свели двух стариков и отправили на Гавайи. Прекрасно! А зачем молодых знакомить? Зачем сводничать?

Словом, создается ощущение, что в промежутках между новостями нас стараются отвлекать и веселить. Но веселить тоже надо средствами искусства. Вахтангов в свое время в голодной Москве поставил «Принцессу Турандот». Сидела в зале в общем-то нищая, голодная толпа, а на сцену выходили красивые мужчины и женщины и играли прекрасную сказку.

1992 г.

* * *

Искусство — не сфера обслуживания. Художник может отказаться служить вообще, кому бы то ни было. Что это за вымогательство такое: вы нам радость должны доставлять? С какой стати? А ты, автор письма, какую радость приносишь? Лифты ломаются, дороги в ужасном состоянии... Где ботинки? Где пироги? Но кто-то пустил перл, что искусство для народа. Хотя еще Пушкин сказал: «Зависеть от людей, зависеть от народа — не все ли равно? Бог с ними. Никому отчета не давать, себе лишь одному служить и угождать — вот счастье, вот право».

Искусство должно быть независимо. И, если оно пригодится еще кому-нибудь кроме тебя, это большая радость.

1991 г.

* * *

Непонятно, что смотреть в московских театрах. Всего один спектакль из тех, что я видел, убедил меня по всем правилам. Это «Трехгрошовая опера», которую сделал Володя Машков у Кости Райкина. Это потрясение! Ленком не делает ничего такого, о чем можно поговорить. Таганка померла. Ну, приезжает Любимов, за две недели выпускает спектакль и что?

* * *

Такой концентрации пустых пошляков, как сегодня, я не помню в нашем искусстве. Особенно в этом смысле отличаются эстрада и телевидение. И это страна Тютчева, Блока?.. Я не против рока, скажем, Гребенщикова, но таких людей очень мало. А остальные? Вчера родились, сегодня уже обличают. А хоть какое-то представление об изначальной природе вещей ты имеешь? Уж переживи хоть что-нибудь, перестрадай, а уж потом обличай. Или, по крайней мере, не возносись так высоко в своем обличительстве. Нет, все напрокат, без болевого опыта.

Ну, нельзя же пройти мимо Чехова к Хармсу. Параллельщики и постмодернисты сразу играют в

модерн, абсурд. Но ведь к этому надо прийти, а то получается так задорно, так боевито, так жалконько и все, как бы с конца. Время вроде бы не наступило, а просто возникло ни с того ни с сего.

1989 г.

* * *

Все мы люди своего времени. Те, кто кричат: «Все пропало!» — разумеют в первую очередь себя. А ты, ты и ты — еще не все. Что пропало? Книжки стояли и стоят на полках. Их пока не жжет никто. А то, что дети не будут знать Пушкина, ужасно, конечно, но это наша точка зрения. Жизнь не прекращается. Бабы есть, мужики — тоже. Чахлые, правда, но ничего, худо-бедно что-то получается, но пока выживаем. Не все еще отравлено. Пока еще живем. А говорить: все погубло, все погубло...

Почему бы ни предположить, что технократическая генерация как Атлантида, уйдет и появится новая культура, новые лица, новые имена.

Да и сейчас есть ребята толковые и жадные до знаний. В какие это времена все поколение целиком шло в образованщину, в интеллигенцию? Никогда. Всегда в любом поколении водились дураки и было НЕСКОЛЬКО. Это общий закон. Его пока никто не отменял. Просто все происходит

О культуре

на нашем веку, на наших глазах и потому кажется, что такого еще никогда не было. Было. И валили отсюда хором и бунины, и георгии ивановы, и волошины... Ничего, выжили.

* * *

Я боюсь одичания своей страны. Вокруг огромное количество неграмотных или полуграмотных людей, везде, в том числе и на эстрадных площадках. Слабо зарифмованные слова, бессмысленные совсем, но, как кажется этим ребятам, социальные. Откуда такая отвага — рифмовать, не умея этого делать?

1990 г.

* * *

Страна талантливая вне всяких сомнений. Другое дело, что гении никогда не определяли ее судьбу. Мы кричим: «Толстой, Пушкин!» А уровень духовности ниже, чем на Западе. Почему? Потому что там его поддерживает уровень жизни — покой. Уверенность в будущем, то, что создается средним классом, обыкновенными людьми, не гениями, а теми, кого у нас назвали бы обывателями.

1990 г.

* * *

«Пушкин — это наше все» — затертые слова. Они требуют протирки. Когда мы говорим о Пушкине, предполагается, что дети должны знать Пушкина. Нет. Поэзия, она как бы сама по себе. А Пушкин сам по себе. Есть у меня такая, может быть, глупая уверенность, что если дети узнают о Пушкине все — о его лицейских товарищах, обо всех его метаниях, даже узнают всех его любовниц, то, мне кажется, это даст иное, несегодняшнее понимание жизни и как лучами высветит вход в русскую литературу.

Прикасаясь к жизни Пушкина, человек впитывает иную природу человеческих взаимоотношений. И эпоху. Какие люди создавали эту эпоху, такие соответственно и категории они вводили в обиход. Честь, достоинство, благородство — это же были абсолютно естественные вещи. Ни на каком другом примере не объяснишь, что врать нехорошо. Что ложь может быть смертельна. Что обманывать женщин стыдно, хотя это было принято всегда и казалось нормально: побаловался и убежал. Нехорошо. Причем даже без учета христианских принципов, хотя все тогдашние люди были христиане. Никуда от этого не денешься.

О культуре

* * *

Склонность русского человека к книге — это один из мифов русской интеллигенции. Если бы русский человек действительно был склонен к книге, он не натворил бы столько глупостей в собственной жизни. Как-то Маяковскому сказали: «Пушкина читали массы, а вас не читает никто». На что он ответил: «Пушкинская масса не умела читать». И он, к сожалению, прав: Пушкина читала, да и сейчас читает ничтожно малая часть.

ОБ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ах, сколько на земле людишек подлых!..
Такие уж настали времена!..
Вы подлость преподнесите, как подвиг,
И просите за это ордена!..

* * *

То, что сейчас происходит с нашей интеллигенцией, всегда с ней происходило, во все времена. Это совершенно не ново. Только она помельчала и стала совсем уже плохонькая. Отважных людей мало, людей с достоинством тоже почти нет. Светлые головы есть, конечно, грех говорить. Но в массе своей тот слой, который мы упрямо называем интеллигенцией, в массе своей... Все эти буреветники похлопали крыльями, не очень, очевидно, понимая, что они защищают, что такое демократия, и совпадает ли это понятие с тем, что происходит вокруг. Ибо от такой «демократии» так близко до гражданской войны...

И она, эта гордая интеллигенция, которая больше всех трещала, теперь частично на Западе, частично затаилась, частично не стесняется выходить на паперть к разному начальству и говорить: «Дай, дай, дай, культура погибает». — «А нам плевать, у нас завтра будет своя, новая. А вы, траченные молью, даже не приставайте!» Дело даже не в том, что начальство так рассуждает. Ему так положено в России рассуждать. А в отношении интеллигенции к начальству. Она всегда должна быть в оппозиции. Не должна она никакую власть приветствовать никакими аплодисментами. Тем более власть, которая четко себя не обозначает.

Правда, намерения сообщают: светлое будущее в очередной раз, но каким образом — неизвестно, по дороге выясним. Вот сейчас они выясняют.

Я сказал недавно одному высокому начальнику: «Ладно, что вы все временщики. Они были во все времена, такой беззастенчивости у них, правда, не наблюдалось. Вам чем хуже, тем вы отважнее. Такое ощущение, что у каждого из вас даже не в Шереметьево, а прямо здесь, через сквер, стоит самолет, и в случае чего вы в него прыгаете и улетаете кто куда. А что будет с этой страной, которую вы так долго раскачивали?»

А интеллигенция наша в очередной раз в наивном удивлении: «Как это без нас? И нам дайте местечко у руля. Мы вроде за вас всю черную работу сделали». — «Ну, сделали и до свидания. Вам же никто ничего не запрещает. Вот Шереметьево. Вот свобода. Дорого? Ну что ж, работайте больше».

* * *

У меня нет ощущения, что это полный конец. Все идет своим чередом. Необходимость реформ не вызывает сомнений. Другое дело — их качество. И одной из главных причин нынешнего кризиса, мне представляется, предательство интелли-

генции, которая в очередной раз показала, что печется о своих интересах, отнюдь не об общем благе.

Нынешняя власть, чем она лучше вчерашней, большевистской? Тот же большевизм, та же пена у рта, так же истребляют людей. Необязательно расстреливать, можно и потихоньку уморить, как сегодня морят. Это не большевики придумали. А сегодняшние демократы. Более талантливого истребления людей никем не придумано. Это и есть предательство.

* * *

Что касается оппозиции к власти, так ведь и интеллигенция тоже должна быть в оппозиции или хотя бы сохранять достоинство и дистанцию. Посмотрите на все эти «благотворительные супы», которые так услужливо показывает телевидение. Траченные молью люди, среди них много известных, поглощают эти супы, рассыпаются в любезностях спонсорам, меценатам. Конечно, есть богатые люди, заслуживающие благодарности, но не надо обобщать. Балы прессы, на которых журналисты обнимаются с мэром... А конгрессы интеллигенции? Где это возможно? В какой стране?

1993 г.

* * *

Не следует насиловать свое естество, нужно жить так, как живется. Для меня показателен пример Булата Шалвовича Окуджавы. Нет в этом человеке насады, суетливой потребности прыгнуть выше головы. Он не напрягает себя, не старается превысить собственных возможностей: мышечных, голосовых, мыслительных. Живет ровно в ту силу, какая в организме есть. Не тянет из себя жилы, чтобы непременно в срок сдать роман, не участвует в кликушеских сборищах, не рассчитывает свои жесты на гостиный полусвет. Однако и не противопоставляет себя вызывающе, наблюдает. Существует в ладу с самим собой. Поэтому и жизнь получается стройной, достойной и опрятной. Есть за всем этим хорошая человеческая гармония.

* * *

Интеллигенция в России во все времена приносила на своем горбу власть, которая ее же потом и уничтожала, в лучшем случае, не замечала. Но это личное дело интеллигенции. Только тогда не надо ей быть посредником между властью и народом. Вот это страшный грех. Думай, куда ты зовешь

людей. Потому что они живут не твоей жизнью, к сожалению. И тем более не жизнью власти, ни по обеспеченности, ни по защищенности. Вот почему я говорю, что интеллигенция должна быть в оппозиции. Умеренная оппозиция всегда улучшает действующую власть. Не враждебная, а критически настроенная.

1991 г.

* * *

Повторяю без конца ответ Марины Цветаевой, когда ее назвали интеллигенткой: «Я не интеллигентка, я — аристократка». Она открестилась от этой стаи. Не всегда в России называться интеллигентом было красиво. Даже чаще — некрасиво. Интеллигенты — это разночинный народ. Класа нет, прослойкой называли. А учитывая, что прослойка во все времена — и тогда и сейчас — обслуживала режимы, а потом от них бежала...

Много лет назад я написал статейку «Скромное обаяние интеллигенции». Когда представители интеллигенции приходят к вождям, которых они же сами и выбрали, и говорят: «Помните, кто-то подсаживал вас на грузовичок у Белого дома? Это был я. А теперь вы помогите, культура погибает».

А начальник ему: «Господи, ну какая культура у вас погибает? Чехов у вас погибает? Гоголь? Вон они стоят на полочке. А ваша культура погибает, вот — вы, черт с вами. У нас другая нарождается». Это расплата. Не должен художник ни около какой власти хлопотать.

* * *

Какая митинговая была интеллигенция на первых порах перестройки: постоянно в экстазе. А ничего не получилось, раз — и махнули за океан. Меня так учили, если ты бежишь впереди толпы с хоругвью, то уж разделяй судьбу толпы. Ты же звал, ты кричал, ты больше всех убеждал, что будет хорошо. Остальные, допустим, были недоумки, но ты же их вел.

Ну, так огульно нельзя, конечно, всех поносить, есть лица более или менее приемлемые, есть неглупые люди, но я не верю им. И они легли под время, под власть, легли, потому что поняли: эту ораву им не победить. Остальные пасторские голоса принадлежат тем, кто не боится быть смешным. Солженицын не боится.

1993 г.

* * *

Не лги. Не участвуй в общем хоре, если знаешь, что хор фальшивит. А если взялся подтягивать, хоть лица благородного не делай. Не ищи рикошетных решений в искусстве. Соответствуй себе самому, тому, что исповедуешь, прежде всего, в человеческой, а не только в творческой своей биографии.

1986 г.

* * *

Правильно сказал Стас Говорухин: «Сигнал «Пли!» по Белому дому был отдан в Доме кино». Вот каково гнездо. Эдакая серая передовая часть, на самом деле очень трусливая, но думающая, что она очень интеллектуальна. Очень поверхностная, очень неглубокая, мало умеющая чувствовать. Обобщать, конечно, нельзя, там есть разные люди. Но в основном — мишура, пена, как Толик Парамонов.

1993 г.

* * *

Ну, какие мы все интеллигенты? Мы просто считаем себя таковыми. Посмотрите на газетные

драки. Зачастую очень талантливые люди допускают нехорошие выпады в адрес друг друга. А ведь они — эталон нашей духовности, каста, которая автоматически причисляет себя к интеллигенции. Что же от других требовать? У нас давно нет дворян, аристократов духа, не говоря уже о сословной принадлежности. Зато появились дети совслужащих, которые в силу определенной начитанности, нахватанности и т. д. могут довольно много знать, но это вовсе не значит, что они интеллигенты.

1990 г.

* * *

На «Нике» Володя Ивашов, вручая премию Григорию Чухраю, сказал: «Премия, которую получил сегодня Чухрай, называется «За честь и достоинство». Подумайте, каждый ли из вас имеет право сказать: «Честь имею»? Не надо совершать в жизни подвигов. Надо не совершать в жизни подлостей».

Сам Володя до конца имел право на эти слова. Мои мысли всегда занимало, как такой красивый, сильный, такой яркий человек смог так чисто прожить жизнь, которая завершалась в ужасных условиях, в нищете. Не падая в грязь, не теряя достоинства, сохранив себя в опрятности до самой

Леонид Филатов

могилы. Этот мальчик был мудрецом с юности. У него имелись богатейшие возможности для блистательного самоутверждения и самовыражения. Но он прошел жизнь, никого не расталкивая локтями. И самоутвердился в главном — в звании порядочного человека.

О ВЛАСТИ

Все заметнее и выше
В мире уровень дерьма,
В том дерьме уже по крыши
Все окрестные дома.
А парламент все горланит:
Убирать – не убирать!
А парламент выбирает:
Умирать – не умирать!
Дай приказ – спаслись бы сразу:
Наш народ не без ума, –
Но покамест нет приказу
Выбираться из дерьма...

* * *

Кто-то замечательно сказал: в того, кто стреляет в свое прошлое, выстрелит будущее. И заблуждаются сегодня те, кто надеется, что сегодняшний аморализм им не отзовется. Запищат, будет поздно. И те, кто сегодня у власти, и те, кто при этом присутствует. Сколько таких умников уже было: ну, уж меня-то пронесет. Нет, дорогие, не пронесет. Каждому, я уж не говорю про Высший суд, но здесь еще, на Земле, будет отмерено полной мерой.

* * *

Наш чудесный Сергей Аверинцев сказал: «Нам свойственна какая-то кружковость сознания». Я бы уточнил: мафиинность. У нас все объединяются в кружки, партии... Испокон веку. В цивилизованных странах человек один. А у нас... Партия меж тем слушает да ест. Все эти организации, конечно, еще не таковы, чтобы с ними считаться. Но их ведь и на будущее не берут в расчет. Вон министр обороны поздравляет нас: желаю Вам, стало быть, дорогие друзья, счастья, здоровья и выполнять решения партии. Ребята, какой партии?

1990 г.

* * *

Сейчас партаппартчики живут словно в другом измерении. Они никак не могут понять, как же много людей их ненавидят. Партии с такой репутацией нельзя доверять. Коммунистам не отмыться за дедов и отцов. А большевики опять выходят...

«С человеческим» лицом ли, еще с каким... Поменяйте идею, тогда и приходите к народу с разумным, добрым, вечным. Нельзя же, в самом деле, пролив море крови, тупо настаивать: мы по-прежнему верны своему выбору. Сколько вас? Ну, оставайтесь со своим выбором, мы сделаем вам резервацию внутри страны, стройте там коммунизм. А остальным дайте жить, как им хочется. Дайте им воспитывать детей, не напяливайте на них красные галстуки, не заставляйте клясться именем Ильича, может, у них другие кумиры...

1991 г.

* * *

Что касается убеждений, я просто нормальный человек. Как и большинство людей в стране, ни в какие движения не вливаюсь. Всю ущербность большевизма понимал с юных лет. Я не бунтовал, но и не был поклонником той власти. И когда я ругаю нынешнюю власть, то основываюсь на своих,

сегодняшних, скверных ощущениях, а не тоскую по прежним временам.

1990 г.

* * *

Сегодняшняя власть обязана, как декларировал президент, еще не будучи президентом, отказаться от всех привилегий, за исключением, может быть, служебных машин. А что она творит? Демонстрирует, как она дистанцирована от народа, позволила своему аппарату воровать, как ни в какие времена. Ни Карамзину, ни Гоголю такое и не снилось!

* * *

Я не верю, что такой переходный период может принести в нашу жизнь нравственность. Потому что четко знаю: из бесстыдства нравственность не вырастает, а из воровства — сострадание. Разве можно, погрузив страну в такое болото, получить чистых людей? Экономические трудности перенести можно. Но когда чиновники уговаривают народ потерпеть, а сами, ни на секунду не останавливаясь, воруют, вот это уже, извините...

1991 г.

* * *

До чего же заразная штука, эта наша советская действительность, если даже новые вроде бы порядочные люди, получив власть, тут же начинают обрастать бюрократическими привычками. И вспоминается мне одна притча, в которую так не хочется верить. Умирает старый шейх, и народ ликует: вот придет новый, молодой, честный. А старый прохвост им и говорит: «Ребята, посмотрите-ка на мою кубышку, она совсем полная, а новый шейх придет с пустой».

* * *

Каждый из нас имел ожог от соприкосновения с этой властью. За короткое время чиновникам удалось так основательно дискредитировать идею демократической России, что теперь очень многие, может, даже несколько поколений будут считать, что наша страна в принципе не приемлет демократии. Когда есть общественный идеал, когда мы все хотим вытащить страну из пропасти, это понятно. Но когда чиновники со скукой смотрят в окно, в то время, как ты излагаешь им нужды и беды, да не собственные, а той же культуры, а в решающий для них момент, сбившись в

стайку, вновь братаются с интеллигенцией, это выглядит пошло.

1990 г.

* * *

По моему глубочайшему убеждению, пока эта бывшая партийная номенклатура у власти, добра в России не будет. Вчера он работал, скажем, у Гришина, сегодня также доблестно трудится на демократической ниве. Не верю я в это! У него навыки другие — на собственный карман. А его цинизм позволяет работать на любую идею.

* * *

Опасения «вдруг коммунисты придут?» напоминают мне большевистское «только бы не было войны!» Что значит придут коммунисты? Во-первых, ежу понятно, что в прежнем своем виде они уже никогда не придут. Во-вторых, они уже вкусили деньги, многие из них в коммерческих структурах, зачем же им возвращаться в ортодоксальную казарму?

О власти

* * *

Народа нет. Это такое понятие... Вот бабка и партиец в лимузине — оба народ, и оба, увы, типичны. А мы: народ!!! И все упали на колени. Я не такой. Я считаю, что подлаживаться не следует. Пушкин, правда, сказал: искренним быть физически невозможно, можно не врать. А люди благодарны, когда им не врут, и они чувствуют это. Мы все хужеем на глазах, но надо хоть не фальшивить.

1990 г.

О СЕБЕ

Давай поглядим друг на друга в упор,
Довольно вранья.
Я – твой соглядатай,
Я – твой прокурор,
Я – память твоя.

* * *

У каждого есть свой выбор. Был он, наверное, и у меня. Была и у меня возможность по-другому выстраивать жизнь, в том числе и личную, в каких-то ситуациях вести себя иначе, чем вел. Однако сложилось так, как сложилось. Надо этого и держаться: установленного и естественного тебе образа жизни и мысли.

* * *

В прошлом вижу самое разное. Чаще всего всякие пакости. В молодости мало думаешь, больше делаешь. Детство свое я не люблю. Не могу сказать, что оно было уж совсем безрадостное, но вспоминать не хочется.

* * *

Вообще-то я провинциал. Мои детство и юность прошли в чудном южном городке Ашхабаде. Люди там тоже южные, горячие. Поэтому драться приходилось много. Небесполезное для жизни занятие. У меня тогда странноватое ампула было. С одной стороны, я дружил с местными газетчиками,

считал себя гуманитарием, даже стихи писал, а с другой — наступал вечер и с ним его законы...

* * *

Нос мне действительно переломали. А то, что в тюрьму мог сесть — неправда. Был один инцидент, когда меня взяли в Ашхабаде. Подошел наряд прямо в кафе, и, ничего не объясняя, повязали. Потом оказалось, что меня подозревали в убийстве: кого-то шлепнули в округе, и кто-то сказал, что убийца похож на меня. Когда меня выпускали, какой-то товарищ в отделении сказал: «Успокойся, это не ты». Ну, спасибо тебе, отец родной! А то я уж засомневался. Вот и весь мой «тюремный» опыт, остальное — легенды.

* * *

В школе учился плохо. По точным предметам учителя только из жалости натягивали мне тройки. Правда, по гуманитарным, особенно по литературе, были четверки. Во всяком случае, история, литература — это такие смутные сферы, где можно было, до поры до времени, производить впечатление человека знающего.

* * *

Одна из центральных улиц Ашхабада была прямой дорогой в Иран. Конечно, была застава, но люди, минуя ее, передвигались по, одним им, известным тропам. На рынке торговали персы, и совершенно спокойно можно было купить легкую наркоту – анашу, гашиш. Особой борьбы с этим не было, курили и мальчишки и взрослые. Я попробовал пару раз, не понравилось. Мама об этом даже не знала.

* * *

Мне известно о своих предках немного. Знаю, что все они были крестьяне. Деда и бабушку со стороны отца совсем не помню. Их арестовали в тридцать девятом, и они сгинули. Вот только дед, Николай Лаврентьевич Филатов, отец матери, был, пожалуй, немного продвинутый в сословном отношении. Он был моряк.

* * *

Мама и папа были однофамильцами. А познакомились они так. Мама во время войны работала в Пензе на заводе. К ней и ее подругам обрати-

лись из парткома с поручением: написать письма бойцам на фронт для поддержания боевого духа. Дали списки фамилий и номера воинских частей и сказали: «Выбирайте».

Мама увидела среди других фамилию Филатов и говорит: «Ой, Филатов, как я. Вот ему и буду писать». Так завязалась переписка. Потом выяснилось, что мой папа был порядочный ловелас. Он переписывался еще с десятью девушками из Пензы. И, когда вернулся с фронта, то со всеми и познакомился.

* * *

Отец был маленького роста с большой головой и огромной шевелюрой. Рано поседел и красился басмой, но так как никогда не мог соблюсти пропорции, цвет получался волнами — от огненно-рыжего до иссиня-черного. Он был радистом, кстати, классным, мастером спорта по охоте на лис. В ту пору радисты были нужны в труднодоступных местах, поэтому мы кочевали то в казахстанских степях, то в горах Киргизии.

Когда мне исполнилось семь лет, родители развелись. Мама взяла меня в охапку и удрала от папы в Ашхабад к дальней родне, которой, правда, на месте не оказалось. Отец как-то нас вычислил и приехал, весь благоухающий одеколоном, мириться.

* * *

Мама была красавицей. Много работала, постоянно подрабатывала, заочно закончила Московский энергетический институт, и, конечно же, такая нагрузка сказалась на здоровье. Врачи посоветовали изменить климат, и она собралась на родину в Пензу. Но тут заартачился я. Мне в Ашхабаде нравилось. У меня было много друзей, мне не хотелось их бросать.

* * *

В детстве не пропускал ни одного фильма, даже документального. Мне больше нравились иностранные фильмы, особенно французские. Они были такими изящными. Честно говоря, когда после школы я поехал из Ашхабада в Москву, то весьма смутно представлял себя в кино, хотя тогда уже знал, что мое место в искусстве. Одним словом, я нацелился на режиссерский факультет ВГИКа. Но Москва меня подавила в первые же дни. Я был наивным провинциалом. Думал, поступлю с ходу. Однако после Ашхабада Москва мне быстро указала свое место. Во ВГИК я не поступил. Возвращаться назад было позорно, деньги кончились, и мне ничего не оставалось,

как определяться в актеры. Вот так я и попал в «Щуку».

* * *

Первые годы было мало работы. Так уж сложилось: приходиться в молодой театр чуть позже остальных очень невыгодно. Ну, конечно, что-то делал, в чем-то участвовал... В то время меня усиленно звал к себе Аркадий Исаакович Райкин. Но, хорошенько поразмыслив, я понял: двух солнц не бывает. Райкин был чистопородным гением. Он на сцене, и все — рядом никого нет, все остальные на подхвате. У него работали прелестные артисты, но... гений есть гений. Соблазнов же перебраться в Ленинград было много — квартира, зарубежные гастроли. Но я не колебался. И неожиданно пошли роли. Квартиры, правда, не было, мотался по общежитиям, но на эти мелочи никто из нас тогда внимания не обращал.

1989 г.

* * *

Я своей жене говорил вначале: «Увидишь, я буду знаменит». Я в это верил. Не от наглости. Хотя и провинциальная наглость была, я тогда не пони-

мал размеров Москвы. Но у меня тогда уже было ощущение, что я здесь неслучайный человек.

* * *

В молодости совершаешь поступки, которые не совершить не в силах, просто потому что не можешь иначе. С годами что-то начинаешь формулировать для себя, что-то единожды найденное культивировать сознательно, и постепенно это становится такой замечательной и странной конъюнктурой. Не насиловать свое естество. Жить так, как живет-ся и не спешить обижаться на жизнь: в конечном итоге мир устроен разумно.

* * *

Заповеди и есть тот указатель, который определяет направление. Их всего-то десять, не велик труд – выучить. Велик труд – выполнить. К тому же сегодняшний мозг требует некой картинки зримой. «Не убий» – это понятно, а «не укради» – сегодня уже требует расшифровки. Потому что был Робин Гуд. Был Деточкин. Тут уже как бы есть некий зазор. Намерения благие, а, по сути, грабеж, самосуд. «Не возжелай жену ближнего

своего»... Ну, это уж совсем для нашего народа туманно. Как это? А если она не прочь? Но, конечно, без Бога жизнь невозможна, если уж говорить банальности.

* * *

Я везде понемножечку скандалю. Пытаюсь, конечно, этого не делать, не люблю себя за это. Но у меня такой характер — я быстро хожу, быстро говорю, быстро срываюсь, ошибаюсь, каюсь... Все делаю быстро. Могу надерзить и обидеть. А дома...

Мы, как известно, люди слабые, распускаемся на близких людях.

1990 г.

* * *

Популярность — просто данность, мне нужно как-то с этим жить. Ну и живу. К слову сказать, достаточно последовательно: и привязанности, и круг друзей — прежний. И что думал, то и думаю. Со времен «Экипажа» борюсь с жуирством своего героя, с устоявшимся в массовом сознании клише, которое, в сущности, имеет ко мне весьма отдаленное отношение. Казалось бы: я пишу стихи,

я взрослый и достаточно умственный человек, не бог весть какой удачливый и благополучный. После «Экипажа», как будто бы стремился иначе себя обнаружить — играл другое, мучительное, что ли. Но, видимо, какая-то социальная потребность в таком энергичном, в меру легковесном, «своем в доску» была. Вот я и стал грезой пятнадцатилетних девиц от Магадана до Бреста. На стенки вешают...

* * *

Я не верю, что актерская профессия особенная. Есть структура характера, и это главное. Человек вне зависимости от профессии существует в данности своего душевного склада и воспитания, в данности тех встреч, которые оказали воздействие когда-то. Профессия вторична. Ее навыки прививаются позднее, и принципиально человека не меняют.

* * *

Я не фиксирую по каким-то там синусоидам, но тяга к письму появляется обычно после неудачных ролей. В такие моменты я чувствую, что необходимо

О себе

компенсировать чем-то достойным то самооскорбление, какое ты себе нанес, снявшись в дурацком фильме. Чтобы люди не думали, что ты уж совсем плох. Так что за письменный стол я сажусь от внутренней паники, а не от душевного равновесия.

1989 г.

* * *

Я не принадлежу к людям, способным отбрить. Мне кажется, как ты отнесся к человеку, тем же судьба заплатит и тебе. Несуетным быть трудно, это правда. Время сейчас такое, растворяющее в себе. Мы так зависим от кучи всякой ерунды...

1987 г.

* * *

Когда у меня нет репетиций, я просыпаюсь довольно поздно, часов в одиннадцать. Включаю телефон, отвечаю на звонки. Обычно у меня расписана вторая часть дня. Первую стараюсь не занимать, мне надо как следует отдохнуть. Вторая половина дня — время дел. Встречи, поездки, хлопоты, выступления. Ко всему прочему, я еще исполняю обязанности секретаря правления Союза кинематографистов, а это занимает уйму времени.

1989 г.

* * *

Больше всего ценю в людях, наверное, надежность. В наше такое ветхое время, можно окружить себя комфортом, благополучием, и рядом с тобой будут умные и одаренные люди, но — лукавцы. И только в благополучной ситуации можно ценить такого рода комфорт. А в смутные времена я все-таки ценю надежность. Ну, а надежность включает в себя все параметры — и понятие о чести, и некоторую долю отваги, и умение жертвовать собой при необходимости.

1991 г.

* * *

За последние 10–15 лет... такая динамика в сторону могилы. Я все менее привлекателен для женщин. Долго жил безвекторно, и вообще... если бы молодость знала, если бы старость могла. Хотя тогда старики на меня разозлятся: вон, сорок три года ему, а как разглагольствует! Что ж, мы вообще тогда не живем? Так что, живем!

1989 г.

* * *

Раньше у меня были замыслы, которые сейчас, думаю, можно было бы легко осуществить. Есть хорошие сценарии, есть выбор, но нет сил. А иногда даже нет желания. То, что было хорошо в свое время, теперь меня уже не устраивает. Ну, предположим, хотелось мне сыграть Гамлета. Если на роль Гамлета меня пригласил бы Феллини — это да. А если на ту же роль позовет режиссер Карасик, я ни в жизнь не пойду. В моем возрасте хочется оптимально тратить жизнь.

1989 г.

* * *

Еще два года назад как-то, пусть вскользь, по диагонали, но успевал читать все интересное. Сейчас, к сожалению, читаю только то, без чего обойтись нельзя. Нельзя, скажем, обойтись без Гроссмана, без Набокова, хотя я его читал и раньше. Появляется Приставкин, ну, как не прочитать? Но, в основном, конечно, публицистика. Когда в руки попадает толстый журнал, сразу открываю вторую половину.

1989 г.

* * *

Для нормального человека ученичество — понятие вечное. Видимо, вершина ученичества — это, когда преодолев честолюбие, хочешь сказать что-то абсолютное. И еще, я думаю, как важно быть «живым», не остановиться, не закостнеть.

1985 г.

* * *

Мое любимое занятие — сидеть дома. Я все время чего-то делаю: то, другое, третье. А потом у меня возникает пауза, и я совершенно спокойно сижу дома. Смотрю в окно или выйду на балкончик покурю, как мне кажется, поразмышляю. Хотя, видимо, процесс этот не происходит, потому что ничего особенного не рождается... Ну, это в редкие дни.

* * *

Хобби у меня никакого нет. Я просто делю свою жизнь между основной работой — работой артиста, и между тем, что что-то пишу. Отдыхать я не умею и не люблю. У меня никогда это не получалось. Благодаря настояниям жены, ино-

гда меня куда-то увозили, но я никогда при этом себя комфортно не чувствовал, если сказать откровенно. Что такое отдых, я не понимаю. Мне нужно обязательно что-то писать, сочинять, придумывать. К тому же я должен все время как-то ощущать мир — через телевизор, телефон, что где-то что-то происходит, что есть во мне какая-то необходимость, чтобы какие-то новости все время поступали... А в изоляции, в деревне — я не умею. Мне кажется, что без меня что-то важное происходит, что где-то кто-то требует: дайте ему Филатова, а меня вдруг нет.

1991 г.

* * *

«Сукины дети» — это как бы мое, «семейное», собственное кино. Это как бы артист, снимающий кино. Точно так же, как стихи мои — это стихи, которые пишет артист. Так же и моя режиссура. Так, что тут все, видимо, в некоем сплаве. Чему я отдаю предпочтение? Не знаю. Но когда получается что-то удачное, и я понимаю, что это имеет спрос, организм мой сразу отказывается от этого... Нельзя дважды ходить одной и той же дорогой. Нечего уже там делать. Оставь за собой эту память, оставь за собой эту новизну и все.

* * *

Зачислить меня никуда нельзя, потому что я признаю только дружеские, а никак не политические связи. Мы с Ниной пошли в Дом кино на годовщину августовского путча. Честно говоря, я не очень понимал, чего уж так ликовать, ну поймали вы их, ну и ладно. Там стоял крошечный прокоммунистический пикет, довольно жалкого вида, и кто-то мне крикнул: «Филатов, и ты с ними?» Я несколько вздрогнул: я ни с кем.

1996 г.

* * *

Комплексами я перенабит, как всякий, к слову сказать, нормальный человек. В России человек интеллигент всегда должен был сомневаться. А если он без сомнений, то есть без комплексов, значит, можно нахамить кому-нибудь или воровать на глазах у нищей страны и не совеститься. Это все называется «без комплексов». Но что за этим стоит? Новый викинг? А по существу — грядущий хам и больше ничего. Тупой, грубый, накачанный, но будто бы он человек будущего. Если у нас впереди это, жить не стоит.

Есть дурные комплексы, с которыми надо бороться, я о них сейчас не говорю. Но если

человек избыточно застенчив, я предпочитаю такого человека, чем человека без комплексов. Застенчивость хорошее качество, даже если оно чуть-чуть аномально, это все-таки застенчивость, а не человек с топором.

* * *

Больше всего на свете не люблю трусов, дураков и хамов, а такие вещи связаны, как соединяющиеся сосуды. Ведь патологически трусливый человек способен на всевозможные пакости. Почему, как правило, трус — еще и хам? Потому что это способ прикрыть собственную ущербность. А почему хам, как правило, дурак? Потому что не понимает невыгодности такого поведения. И все это цветет у нас сейчас махровым цветом.

1991 г.

* * *

У меня самого такая тьма недостатков, что я не могу позволить себе роскоши осуждать людей. К чему наиболее нетерпим? Но что значит — нетерпим? Живу же... Терплю же...

* * *

Главная черта моего характера, может быть, неумение жить последовательно. Неумение долго чему-то противоборствовать, неумение долго на чем-то настаивать. Я думаю, что это своего рода малодушие. Во всяком случае, так я думаю. У меня могла быть складнее и целенаправленнее жизнь, если бы я умел прочерчивать долгие линии. И хотя в каких-то магистральных вещах, по существу, я не иду против совести, но и в общественной жизни, и в творческой линия могла бы быть более ладная, более складная. Если бы я умел сопротивляться, если бы... Я мог бы больше сэкономить сил, сохранить их для поступательного движения.

* * *

Не случайно кто-то сказал, что артист — это человек, который высказывает не свои мысли чужим голосом. Настолько он зависим. В пьесе, тем более стихотворной, импровизация вообще исключена. Хорошо еще, если автор гениален, тогда пытаешься подтянуться до его уровня, это интересно. А если ты задействован у какого-нибудь графомана, тогда уж совсем невмоготу.

У меня стремление писать пошло от профессии, поскольку актерство не всегда приносит полное удовлетворение. Хочется, помимо чьих-то пьес и сценариев, договорить про жизнь что-то свое.

1989 г.

* * *

Я всю жизнь получал гроши, и только в последнее время прилично зарабатываю. Но не могу сказать, что ради денег я выдавал совсем уж кровавую халтуру. Мне очень важен контакт со зрителем. Если я, предположим, выступаю с эстрады и говорю вещи, для себя проверено, верные, а публика меня не воспринимает, для меня это катастрофа.

* * *

Для меня самое главное несчастье, когда я не в ладу с самим собой. А это бывает так часто... Я девяносто процентов жизни не в ладу с собой, не в гармонии с окружающим миром. Поэтому те редкие минуты, когда я ощущаю себя адекватным своим представлениям о себе, в лучшем варианте, как бы я хотел поступать и как бы я хотел жить — и есть редкие моменты гармонии и счастья.

1991 г.

* * *

Я боюсь смерти. Я, к сожалению, не могу похвастаться, что я вот так легко и лихо... Хотя во мне нет истерического страха, что, например, со мной что-то могут сделать, если вдруг будет какой-то очередной поворот в сторону диктатуры, но я понимаю, что теоретизировать на эту тему легко.

Дело еще в том, что я в своем постижении Бога нахожусь пока на уровне философского допуска, а не той веры, которая держит тебя на плаву и окончательно убивает в тебе страх перед смертью. Той веры, когда ты уже начинаешь совершенно четко ощущать, что это не конец, что это может быть даже выход, и к смерти нужно относиться совершенно нормально. Мое же отношение к этому весьма литературное, я как бы еще не дозрел, поэтому страх во мне присутствует, присутствует в очень сильной степени.

* * *

Я бы хотел жить, может быть, во времена Микеланджело, в Италии Возрождения. Посмотреть, как это делается... Все, конечно, предуготовано в истории, но этот мощный рост духа, когда столько гениев на одном пяточке, — для меня непостижи-

мо! Когда говорят — «наш золотой век», первая четверть, первая половина девятнадцатого века — все равно это небольшой Петербург, небольшая Москва. Это люди, исключая Пушкина, все-таки не сделали сообщения на весь мир. В отличие от Микеланджело, например. Что за божественное было место, что за божественное время, какие лучи там пересеклись, почему так случилось?

* * *

Я никому не завидую. Абсолютно никому. И не потому, что я лишен белой, черной зависти. А потому, что меня это бы унижало. Завидую, значит, я какой-то странный, ущербный тип. Ну, чего мне, собственно говоря, не хватает в этой жизни? Ну, не могу я зарабатывать доллары, да еще в таком количестве, как, скажем, Сильвестр Сталлоне или Джек Николсон... Я и воспитан совершенно иначе, в других потребностях. Другой вопрос: может быть, это мое несчастье, что мои потребности невелики? Но что делать, если я по своим хромо-сомам такой? Я не завидую дико богатым людям в этой стране, совершенно, абсолютно. Потому что не вижу смысла при таком перепаде заочного пейзажа иметь какую-то особую жизнь.

1991 г.

* * *

Я был бы дурак полный, если бы считал, что я что-то вообще сделал такое... Даже если просто говорить о даровитых людях, которых Бог снабдил какими-то умениями, и если бы я относил себя к числу таких людей, то как можно всерьез считать, что я сыграл в кино нечто или написал? Реализовался ли к 45 годам? Конечно, нет. Потому что в юности, я, как все честолюбивые люди, мечтал: и это, и это, и это, и это... но даже и десятой доли того, о чем мечтал, практически не сделал. Опять же из-за того, что было очень много ошибок, оступаний, наступаний мимо, каких-то хождений мимо двери через окно.

Наверное, я мог бы успеть больше. Когда киваешь на то, что жизнь такая спонтанная, непредсказуемая — это болтовня, потому что есть огромное количество людей, которые точно выстраивают жизнь и больше успевают.

* * *

Я хотел бы умереть легко и внезапно. С другой стороны, я думал, хорошо бы знать час, чтобы успеть что-то доделать, потому что я живу достаточно беспечно. Иногда работаю, работаю, работаю,

а иногда долго-долго бездельничаю, так сказать, разлагаюсь на части, провожу время в каких-то полугрезах. А если бы я знал...

Хотя, конечно, это бывает у тех редких людей, которые умеют собраться на какой-то труд, у которых это понимание как данность: я должен успеть. А я из тех, которые начали бы размышлять о прожитой жизни, то есть опять-таки потратил бы время не по существу. А, может быть, это и есть то самое существо? Может быть, необходимо прожить такие исповедальные дни, когда человек должен подвести итоги? Во всяком случае, чисто биологически, как человеку, много думающему о смерти, мне хотелось бы, чтобы она была внезапной и легкой. Ну, и, по возможности, изящной со стороны, как говорил Чехов. Так, чтобы никому не было противно, и ни у кого не было бы со мной лишних хлопот.

1991 г.

* * *

В мужиках ценю, наверное, некую щепетильность, представление о чести. Мужчина рефлекторно должен понимать, что можно, а что нельзя. Мы живем в таком перепутавшемся, в половом смысле, мире, что забываем: многие вещи все-таки основаны на вечном понимании разности гениталий.

Мужской человек, человек мужского пола, должен какие-то вещи впитывать с молоком матери. Культивировать в себе с момента осознания пола. А поскольку все так перепуталось, наши мужики немножко истерические полудамочки. Я не имею в виду сексуальные меньшинства.

Мужчины, которые позволяют женщинам себя любить... То, что всегда было правильно: чем-то жертвовать, смотреть на женщину снизу вверх, все это сейчас перепуталось. Понятно, что причина этому всеми нами любимая партия, она всех совершенно сбила с толку. Женщина с кайлом на дорогах, а мужики заседают на каких-то парткомах, склочничают, сплетничают, голосуют, исключают. Ни мужского, собственно, начала, ни, собственно, женского.

* * *

Сейчас не читаю почти ничего. Даже не почти, а вообще ничего. Только-только проглядываю газеты. И не скажешь, что у меня нет времени. Ловлю себя на мысли, что ведь я не один такой. Удивительная вещь, то, что раньше открывалось, проглатывалось из художественной литературы, из вернувшейся литературы и из новейшей, то, что раньше никогда бы не пропустил, сейчас по-

читаю, отложу, забуду, через месяц опять возьму... Не потому что плохие писатели, не потому что стало неинтересно, потому что — такое время. Как многие говорят: «Время не для искусства». Мне сейчас достаточно для всех фантазий, для всего — информации телевизионного российского канала и газет.

1991 г.

* * *

Конечно, институт церкви — это великая вещь. Только, мне кажется, что увлечение церковью пока что носит несколько декоративно-прикладной характер. Поэтому хотелось бы, чтобы это стало необходимостью. Может быть, патриарх прав, что когда вводится Закон Божий в школах, то люди становятся другими.

* * *

Прошедший год для всех нас был очень непростым. Столько бед, столько несчастий в стране. Дай Бог, чтобы в наступившем этого не было. Чтобы мы не гневили ни природу, ни друг друга, жили бы в ладу с самими собой и рядом стоящими. Уж не будем ортодоксальными — «счастья, долгой

жизни»... Выдержки и покоя — вот что я хочу пожелать всем в 1989 году.

* * *

Стало легче работать и стало труднее. Все наши навыки приспособлены на преодоление барьеров. Сейчас барьеров стало поменьше. Казалось бы, твори! А что-то не очень получается, судя по количеству действительно удачных спектаклей и фильмов.

* * *

Была у меня привычка после всех гастролей и поездок прямо с вокзала или аэропорта сделать круг по Москве, и таксист понимал меня с полуслова: на Полянку, Солянку, Разгуляй — «сделаем, знаем». А теперь и кружить не тянет, и таксист пошел не местный, не знающий, к станциям метро привязывающий маршрут, чаще к универсамам. Это отчего? От отсутствия патриотического московского контекста жизни. Только такой контекст и может породить события и факты культуры. Действительность же душит нас настенной руганью, вонью подъездов, разбитыми телефонами-автоматами, короче, пропажей московского духа.

1991 г.

* * *

О себе

Я человек экстремальный и, наверное, иногда задеваю чьи-то интересы, но все ж стараюсь никого не оскорблять. Хотя не всегда получается. Язык мой — враг мой.

* * *

Число тринадцать и черная кошка — это мои фирменные знаки. Я всегда пересекаю дорогу, по которой перешла черная кошка, и стараюсь занимать тринадцатые места. Пока на удачу не жалуюсь.

* * *

Сравнивая свою судьбу с судьбой некоторых моих коллег, сознаю, что мне грех жаловаться. Но думаю, что у каждого человека на определенном витке жизни свои сложности. И своя расплата. Не знаю, прав ли, но кажется мне, что судьба где-то обязательно подкараулит и предъявит счет за все хорошее, что было. Как только замечаю, что начинает слишком уж везти, сразу занимаю выжидательную позицию: пусть само догонит. Вот и с книгой — не позвонили бы мне из издательства, сам никогда бы не обратился.

1989 г.

* * *

Отдыхаю, когда пишу, снимаю, снимаюсь, играю в театре. Устаю в очередях и транспорте. Я человек общественный. Слушать вечность где-нибудь за городом я могу не дольше трех минут. И перспективу тоже вижу небольшую, я быстро живу.

1990 г.

* * *

Устал я бояться. Не могу все время трястись, главным образом, за близких, только потому, что живу здесь. Уже вместо страха другое чувство — брезгливость, что ли. Гигантская страна в тотальной распушенности, расслаблении. Что все плохо — это не повод бездельничать. Всегда было плохо. Как-то так перестали требовать с себя даже тот минимум, который спрашивали раньше. И на этом фоне — фашизм. Причем среди правых есть небездарные люди, что всего печальнее.

1990 г.

* * *

Я никого не осуждаю из уехавших, но собственный отъезд... Другое дело, что я человек недовольный,

и это мое право, если не обязанность. Не терплю, когда какой-нибудь сытенький на меня смотрит и говорит: «Что, недоволен? Туда тебе и дорога, мотай отсюда!» Типа: ты, мол, вредный элемент, на тебя есть документ... Я бы всех этих довольных поместил в резервацию. У нас земли немерено, выделит им где-нибудь в Сибири плодородный кусок, огородил, как следует, расселил потеснее, и давайте, ребята, стройте свое общество и радуйтесь. А мы, недовольные, останемся тут и попробуем по-своему. Без вас. Уезжает кто-то, какие могут быть претензии? А у нас: «Предают родину. Предают родину!» Один умный человек сказал, что такой родины как наша, быть не может. Родина — локальное понятие. Во всяком случае, она должна помещаться в голове. Меня, допустим, родили в Казани, на Волге, транзитом. Но рос я в Ашхабаде, там — родина, комплекс родных, детских или каких угодно привычек и воспоминаний. Теперь в Москве. Но эта неоглядная, из разных земель составленная машина?..

* * *

Я сейчас все меньше ругаюсь, и все больше жалею... Вообще, раздражение — неплодотворное чувство, и меня время наше сейчас уже не раздражает: что

проку брюзжать? Лучше грустить, это возвышает. Когда умер Роберт Иванович Рождественский, я прочел его предсмертные стихи, такие простые, и пожалел его, как никогда прежде: «Что-то я делал не так, извините, жил я впервые на этой земле»...

Вообще, из этого поколения самой небесной мне казалась Белла. Красивейшая женщина русской поэзии и превосходный поэт. Ее «Качели» про обратное движение я часто повторяю про себя. Вознесенский, как поэт, сильнее Евтушенко, по-моему, но Евтушенко живее, он больше способен на непосредственный отклик и очень добр. Впрочем, все они неплохие люди...

1996 г.

* * *

Реализовался ли я? Нет, конечно, а кто это может о себе сказать? Я ведь жив еще. Да и в чем реализовался? В театре? В литературе? А насчет кино кто-нибудь спросит лет через двадцать: «Ты кто такой?» — «А я реализовался! Видишь, вон, бегу, стреляю, девки кругом голые...» Кто нас вспомнит! Это все амортизируется, прокручивается очень быстро.

1990 г.

* * *

У меня есть духовник, вот перед ним я и покался всем, перед кем виноват. У кого-то просил прощения лично, а некоторых уже и на свете нет. А публичное биение себя в грудь занятие малопочтенное. Это дело моей совести.

* * *

Рекомендации в любви глупы, рецептов нет. Добродетель? Действительно странно звучит сегодня это слово, даже режет слух. Возникают какие-то архаично-келейные ассоциации. Но если вдуматься, ничего сусального в этом нет. Добродетельный человек? Я понимаю это так: нужна же гарантия этому миру, жить без поруки страшно. Есть такие «поручители», люди с обостренным ощущением жизни, те, кто понимают: от любого их неловкого движения что-то зависит, что-то ломается. Присутствие таких людей — гарантия, что все идет в мире относительно нормально. Когда они уходят, образуется мучительный вакуум, а когда рядом — дают тебе ощущения покоя и уверенности. Благодаря им, и ты, быть может, лучше и отважнее, чем есть на самом деле.

* * *

Всегда обходил кладбища стороной, но с некоторых пор, когда стал делать «Чтобы помнили», вдруг стал находить какой-то странный кайф, чтобы туда приходить. Особенно в дождь. Я брожу там и прежнего ужаса не чувствую. Меня самого это удивило. Раньше я никогда не ходил на похороны, как Бунин, который похороны ненавидел, страшно боялся смерти и никогда не бывал на кладбищах. И я старался от этого уходить как мог, и Бог меня берег от этого: всякий раз можно было как-то избежать, не пойти...

Первые похороны, на которых я был, Высоцкого. Тогда я сидел и ревел все время и сам же себя уговаривал: сколько можно, ведь он даже не друг мне. Мы были на «ты», но всегда чувствовалась разница в возрасте, в статусе, в таланте, в чем угодно... И унять эти слезы я не мог. Ко мне подошел Олег Даль, который пережил Высоцкого на год. Он выглядел ужасно: трудно быть худее меня, нынешнего, но он был. Джинсы всегда в обтяжку, в дудочку, а тут внутри джинсины будто не нога, а кость, все на нем висит, лицо желто-зеленого оттенка... Даль пытался меня утешить: да, страшно, но Бог нас оставил жить и надо жить. А мне было еще страшнее, когда я глядел на него...

1996 г.

* * *

Марина Влади — женщина, которую Высоцкий любил. Она имеет право на свой взгляд и может выносить на публику даже интимные вещи, поскольку Марина — человек западный, у нее такое мышление. Как бы Володя отнесся к этой книге, мы тоже не знаем. «Прерванный полет» имеет право быть: кто хочет, пусть читает, кто не хочет, — нет.

1990 г.

* * *

Больше всего боюсь за своих близких. За себя нет. Чего мне бояться? Я уже знаю, как все происходит. Для людей верующих смерть — немного другое, чем для людей светских. Есть великие слова: «У Бога свой счет. Совершенно свой».

2001 г.

* * *

Неужели все это говно и есть жизнь? Неужели все это не стажировка? Нет! Это все подготовка, а жизнь будет там, где не надо будет постоянно заботиться о жилье, еде, питье... Там отпадет половина проблем, и можно будет заниматься нормальной

жизнью. Например, плотской любви там не будет. Там будет высшая форма любви. Конечно, и здесь не надо быть свиньей. Здесь тоже надо довольно серьезно ко всему относиться. И, главное, мне кажется, четко решить — что делать хочешь, а чего не хочешь, что поперек тебя. Так что, я полагаю, и тут еще помучаемся. Не так это плохо в конце концов.

1996 г.

* * *

Говорят, что я накликал болезнь своими стихами: «Пусть будет все — болезнь, тюрьма, несчастный случай, я все перенесу, но не лети так, жизнь!» У меня есть и другие строчки, мистикой отдающие — стихотворение про анонимчиков. Оно целиком сбылось. Я раньше не придавал значения подобным приметам, но когда сбывается... Я уже не могу решить — правда это или нет. Считается, что актер, сыгравший смерть, сам рискует умереть. Но есть и другая примета: снимешься в гробу, долго будешь жить. Так что разговоров и примет много. Это профессия такая — мистическая, греховная.

О себе

* * *

Что я не гений, понял лет в восемнадцать и без трагедий. Но вообще нам не дано знать степень своего избранничества.

1990 г.

* * *

Боюсь всего на свете. Я боюсь, что у меня остановится сердце, что я не сниму картину из-за инфляции или из-за смены правительства, или из-за того, что меня убьет какой-нибудь сумасшедший у подъезда. Чего угодно!

* * *

Как любой человек, наверное, много я чего в жизни напроказил: и поступал не так, и думал не так. Довольно у меня грехов, довольно по отношению к людям, которые меня окружали на разных этапах. Я атаковал людей за любые провинности, с себя спрашивал как бы немного, а с людей — много. Нельзя сказать, что я изменился, нет, просто теперь состояние моего здоровья не располагает к такому атакующему поведению, хотя соблазны время от времени возникают. Соблазн сказать кому-то что-

то начистоту меня посещает, другой вопрос, что нет иногда обстоятельств и объекта под рукой.

2002 г.

* * *

Какие у меня могут быть мечты? Мечта снять картину. Мечта еще что-нибудь успеть сыграть. Мечта не тратить остаток жизни на бесконечные заработки, когда то, что ты заработал, ты и съел. Мечта, чтобы все близкие мне люди были здоровы.

Года три-четыре назад мы все еще были друг другу нужны. А теперь мы, когда мы разобщены, такие гигантские ножницы между реальностью и тем, что мы называем «мечты», что мы должны хоть чуть-чуть у скромнить себя, чтобы оставаться нормальными. В зависимости от мрака и безысходности жизни мечтать тоже надо скромнее.

* * *

Я всегда боялся, что люди, которые со мной общаются, увидят, какой я самонадеянный дурак. Поэтому был застенчив, не будучи таким.

* * *

После «Экипажа» окрестили секс-символом... Лучшее всего про это сказал Жванецкий: «Худой, больной, злой, но какова страна, таков и секс-символ».

* * *

Я в детстве писал стихи, стал уже достаточно известен в Ашхабаде, у меня была вполне реализуемая претензия на собственный сборник. Короче говоря, я был обласкан. И живя в провинции, я продолжал бы, возможно, обольщаться на свой счет, но очень рано попал в Москву и понял, как велик мир и как смешны мои амбиции. Со временем я стал ясней понимать, что мы в стране такой живем — пишуцей. Все пишут, другой вопрос — кто стихи, а кто — доносы, кому что нравится. Говорить в России: я пишу, все равно, что говорить: я дышу.

* * *

Что значит скепсис? Я не считаю себя последним гражданином мира, значит, уже не очень скепсичен. А то, что я понимаю, что я не Пушкин, никакой не скепсис. Просто я знаю, что это так и никогда по-другому не будет. Таким уж я родился.

Недавно я услышал, как молодого режиссера, сделавшего шумную картину, спросили: «Как вам кажется, картина-то хорошая?» — «По-моему, замечательная». — «Ну, вы скромняга!» Он говорит: «Да ладно, время скромников сейчас уже кончилось. Это уже надоело. Сам себя не похвалишь, и другие ничего хорошего не скажут». Он думает, что Судьбу и Вечность можно обмануть: мол, сам про себя скажу, а все подумают, что это общее мнение.

1988 г.

* * *

Главное — для чего все это делать? Что я хочу? Исправить мир? Вряд ли.

* * *

Раскрутить можно кого угодно. И сорвать куш. Но «раскрутка» — это оболочка. Если нет ничего за душой, все старания бесполезны.

* * *

Если я делаю вещь, которая мне нравится, я должен быть уверен, что делаю правильно. Если я скажу,

что я куда-то не туда иду, что все, что я делаю — галиматья, это будет неискренне. Я говорю о надувании. Это вредно для здоровья самого надувающего. А то, что человек уверен на каком-то отрезке, что он делает правильно и он не должен упасть — это необходимость его бытия. Какие-то вещи опорные в человеке должны быть. Такая, как бы самотерапия. Другой вопрос, что не надо сообщать об этом миру. В личной беседе можно сказать: «Все-таки я в себя верю». Вообще завоевывать пространство — вещь непростая. Уж, каких людей забывали в стране. Как сказал Кушнер: «Жизнь дана человеку не для того, чтобы жить вечно». Не для того дается тебе жизнь, чтобы обеспечить бессмертие. Это безумная идея, да и не нужно это...

* * *

Каждый человек должен проявлять свое активное жизненное состояние, каким-то образом внедряться в жизнь. Но если он этого не делает, это не есть грех. Гораздо худший грех, когда человек завышает свои возможности. Когда человек себя недооценивает, вещь более щадящая. Когда переоценивает, это может стать смертельным. Человек рискует получить в лоб. От судьбы, от обстоятельств, от людей.

1988 г.

* * *

Я никогда не боялся печататься там, где в данный момент печататься не принято. Я в нескольких неопубликованных интервью сказал, что наша интеллигенция дерьмо, что она кинулась подлизывать власть, а «Правда» напечатала. Что выстрелы по Белому дому прозвучали на самом деле из Дома кино (а эти выстрелы меня потрясли — я не представлял, что такое может быть).

Я был в Останкино третьего числа, программу монтировал. Выхожу — безоружная толпа. Без-о-оруж-на-я! И огромное количество зевак. И провокатор, настоящий Гапон — Макашов, который бегаёт и кричит: «Сейчас мы раздадим оружие!»

* * *

Не хватает знаний. Долгое время считал, что я человек вроде бы знающий. Потом, как выяснилось, не знающий, а нахватанный. В сравнении же с людьми энциклопедически образованными, просто невежественный. Я уж не говорю о том, что Библию взял в руки совсем недавно, хотя на ней построена вся мировая культура. А без знания Библии много ли я понимаю в западной

живописи, где действительно многое навеяно библейскими мифами? И, конечно, приходишь в ужас, когда осознаешь, как множится количество непрочтенных книг. А у тебя уже и времени, и жизни не хватает. И мало утешает, что ты не один такой.

1990 г.

* * *

Сколько мне за сорок с лишним лет удалось сказать и сделать полезного, столько и удалось. Судить не мне. Я пытался, но попытка еще не есть результат. А ведь человек нравственный, это не только пытающийся, но и имеющий на этом поприще успехи. Трудно дотянуться до них, а может, даже будет невозможно за жизнь.

1990 г.

* * *

Стремление жить лучше не осудишь. Только... Разве дача, машина, оклад то, ради чего стоит жить? Ну, хочется, чтобы поднялась страна, чтобы не тратить время на стояние в очереди за куском колбасы. Не может человек постоянно просыпаться с одной мыслью: «Где взять еду?» Это ненормально. Вместе с тем, допустим, что у каж-

дого дача, машина, оклад, компьютер. И ты что, счастлив? Ну а сам-то ты кто? Что ты? А где же то, что мы называем дух? А как же быть с «не хлебом единым»? И хлеб должен быть, и мясо, и колбаса, и рыба, и сыр. Но уже такое перечисление как бы унижает перечисляющего. Неужто ни о чем тебе больше не мечтается? Ведь есть еще жизнь духа, такая субстанция, которая не поддается никакому определению, но только благодаря ей человек творит, отдает и делает добро.

1990 г.

* * *

Меня упрекают во многих письмах: зачем вы специально выискиваете и вытаскиваете на экран такие трагические актерские судьбы? Так ведь не специально! Специально хочется, наоборот, вспомнить хорошего, светлого человека, а начинаешь поглубже погружаться в его жизнь, а там, как магма под застывшей коркой – трагедия. Ну что поделаешь, что у нас, куда ни ткни пальцем – такая судьба! От некоторых, как от Стаса Хитрова, даже могилы не осталось. Срыли. И не в годы репрессий. В наши годы.

2001 г.

* * *

Приходит ко мне девочка из газеты. Милая, вроде бы воспитанная. Но очень ей хочется быть «в ногу». Спрашивает: «Кого вы уважаете из сегодняшних творцов?» Называю несколько имен, в их числе Никиту Михалкова. Она презрительно губки скривила: «О! Даже?» Я сорвался: «Ну-ка, встала и пошла вон!» — «Почему?» — «Потому!» — «Куда?» — «К маме. И передай ей, что тебя плохо воспитали». Конечно, невежливо получилось, но я уже был очень болен, нервы на пределе, да и осточертело мне нынешнее априорное деление на «наших» и «не наших».

* * *

Свобода? Да ничего она мне не принесла. Я всегда был свободен. Разве что — разруху и хаос. Нет работы. Нет денег. В клоуны никогда не ходил и не пойду. И фильм свой никак не могу доснять, нет денег. Спонсоры исчезли. Я не за коммунистов, не за старое. Просто тогда, как казалось, все было прочно. Плохо, но сцепки, спайки были...

1991 г.

* * *

Сначала я жил черт-те где, за пустыней Каракумы, в Ашхабаде. Печатал стишки, а поскольку мои друзья-газетчики были старше меня, они все проблемы брали на себя. Диссидентского уклона, по крайней мере, такого ярко выраженного, как в Москве, в Ашхабаде не было. Так что сложности начались уже потом, в другой, столичной жизни. Но понять, что Москва опасна, я поначалу не мог. Была молодость, любовь, романы... В остальное я не углублялся. Хотя потихоньку на моем письменном столе начали появляться журнал «Новый мир», перепечатки «Доктора Живаго», Бродский. Какое-то движение, безусловно, происходило, но я не отдавал себе отчета, насколько это серьезно. Все на уровне игры. Но не надо забывать, что на дворе уже была «оттепель», люди переставали бояться. Уже появились Евтушенко, Вознесенский, памятник Маяковскому, Политехнический. Чуть позже возник Театр на Таганке, который давал нам колоссальную защиту. Я об этом долгое время не задумывался, а потом понял, что некая наглость общественного поведения проистекала из-за того, что у тебя был мощный тыл, позволявший говорить такое, что при других условиях ты бы никогда не сказал. В этом даже и пижонства никакого не было. Так что внутренне я не ощущал никакого противостояния.

* * *

Золотухин откровенно сказал Губенко: «Я как говно, я по течению плыву». Я достаточно долго молчал о Золотухине, и, думаю, имею право кое-что ему сказать. Это постоянное «Я и Володя» в его дневниках с ударением, конечно, на «Я». Оказывается, Высоцкий прочел прозу Золотухина и сказал: «Знаешь, я так никогда не смогу». И запил. Это, по-моему, уже дневники Смердякова. Я Золотухину так и сказал, но, кажется, он не понял. Он ведь очень простодушный человек, очень... До безобразия.

* * *

Денис меня уговаривал, он ведь батюшка: «Столько лет прошло, вы уже жизнь прожили, ну чего вам теперь делить? По-христиански прости Золотухина и все». Я ответил: «Деня, мне не за что его прощать. Тут не какая-то обида старая или еще что-то... Это отвращение». Причем с годами это чувство стало довольно спокойного свойства. Чего он там пишет, чего играет — неинтересно.

2002 г.

* * *

Сева Абдулов говорил, что Володя ко мне неплохо относился. Но Высоцкий этого уже не подтвердит. На фоне огромного количества «близких друзей» и бесчисленного множества вдов вообще как-то неловко говорить на эту тему. Это товарищ Золотухин может бесконечно твердить, как Высоцкий его обожал, как завидовал ему. Нормальный человек не позволит себе такие индюшачьи рассуждения. Могу сказать с уверенностью только одно: Володя не думал обо мне сутки кряду. Проявления внимания с его стороны были. Но они были не только ко мне, он многим помогал. Он был нормальный человек.

* * *

К тому, что происходит сейчас вокруг имени Высоцкого, отношусь неоднозначно. Но, с другой стороны, зачем бороться с мельницами? Это плохо, то плохо. К тому же я знаю, что занимаются этим в основном близкие люди, дети.

Когда поставили памятник Высоцкому, на одном из концертов я имел неосторожность сказать, что памятник мне не нравится. Вечером позвонила Нина Максимовна, мать Володи.

«Ленечка, — сказала она, — вот вы говорите, что памятник вам не нравится. Но его же ставили родственники, не вы. А вы, если хотите, поставьте памятник в центре Москвы. Тогда все будут ходить и обсуждать — хороший он или плохой. А это нормальная надгробная плита». Так замечательно она меня умыла. С тех пор по поводу того, что делают родственники, я не высказываюсь. Это частная жизнь. Когда это общественная жизнь, то можно сказать: «Тебе, тебе и тебе не надо петь». Вообще никогда. Не только Высоцкого. Хотя так или иначе Володины стихи трудно испортить. Они все равно слышны даже в исполнении Тютюкина и Пупкина. Вообще «убить» ничего нельзя. Это к бесконечным стенаниям критиков: убили Пушкина, Шекспира, обгадили Гоголя. Никого нельзя ни испортить, ни обгадить. Можно лишь все с ног на голову поставить. Ну, чем это может навредить, например, Чехову? Да ничем! Он как стоял на полке, так и стоит.

* * *

Близким Высоцкому людям часто обращают вопрос: «Почему не спасли Володю?» Мол, если бы они были рядом... Да ничего бы они не сделали. Как его спасешь? Алла Демидова верно сказала:

«Это все равно, что останавливать руками взлетающий самолет». Энергетика такая. Такое упрямство, вера в собственные силы, в свой путь. Тут не уговоришь, не остановишь. И это не к одному Высоцкому относится.

* * *

Что такое пошлость? А разве пошлость имеет обозначение? Банальное слово, сто раз сказанное, уже пошлость. Другой звук из другой классовой прослойки — тоже пошлость. И что делать? Судить так категорично? Я считаю, что в искусстве можно все, что не оскорбляет человеческую нравственность по общепринятым нормам морали. Нельзя, например, писать на улице. А в искусстве можно все. Другой вопрос, что в одном случае это будет гениально, а в другом — ничтожно. Последних случаев, увы, больше. Но кто возьмется за такие дурацкие функции — заниматься их искоренением и прополкой? Да и кому это нужно? Ведь как бы там ни было, забвение таким людям, как Высоцкий, уж точно не грозит, кто бы ни исполнял его песни.

* * *

Из поэтов люблю Пушкина, Тютчева, Анненского, Пастернака. Хотя возле каждой грибницы есть еще и опята: Ходасевич, Георгий Иванов. А из писателей — Гоголь, Платонов, Булгаков, Шварц. Из современников — Федор Абрамов, Шукшин. Из городских — Юрий Трифонов, с которым я лично был знаком. «Грибница» — Маканин.

* * *

На вопрос: «Кем я себя считаю — писателем, актером, режиссером или телеведущим», — отвечаю: «Никем». Чем-то должен был заниматься по судьбе, но попадал все время рядом, а не в точку. Где-то должен быть, но не здесь. Такое ощущение испытываю до сих пор. Наверное, это как-то не по-христиански, что ли.

* * *

Компромисс оказался разрушающим. Конфликт между желанием остаться самим собой и неумением это сделать разрешить не удалось. Хотя я и держался, сколько мог.

* * *

Никогда не думал, что я могу зарабатывать деньги литературным творчеством. Это единственная форма моего заработка сегодня. Пушкин умер в долгах. Почти все классики служили где-то. Нельзя думать, что книжки прокормят, а у меня эта возможность есть.

* * *

Пушкин сказал: «На свете счастья нет». Счастье — понятие глубоко субъективное. Для каждого свое. Оно не бывает продолжительным, на день-два, закружилась голова. Проходит время, и если прожил жизнь наполненно, интересно, оборачиваешься: вот тогда было даровано счастье, а ты этого не понимал. Раз ты тогда не понимал, а теперь понимаешь, так какое же оно счастье?

* * *

Терпеть не могу зиму. Всю зиму дома сижу. Я, правда, и летом сижу. И осенью. Это своеобразная форма лени. Живу по принципу: «делаю, что хочу».

О себе

* * *

По большому счету курево — одна из немногих форм разврата, которую я еще могу себе позволить. Почек нет, а всему остальному — ничего уже не убавит и не прибавит. Глупо думать о каких-то болячках, когда твоя голова лежит на плахе. У меня было даже такое четверостишие:

Когда умру, когда мой час пробьет,
Диагноз свой поставят мне врачи:
Он умер от злокачественной жизни,
Какую с наслаждением влачил.

* * *

Нужно эксплуатировать то, чем наделила тебя природа. По-моему, это совершенно несложно: главное не лениться и никогда не говорить себе, что это я уже умею. В творчестве не существует ни границ, ни совершенства. Это достаточно банальные и известные все вещи, но другого секрета у меня нет.

* * *

Если бы не болезнь, актерство бросил бы точно. Для взрослого мужчины это несерьезно.

* * *

Наибольшее удовольствие я испытываю от пера и от всего, что из-под него выходит. Было бы большим нахальством сказать, что я умею это делать хорошо, потому что всегда найдется тот, кто делает это лучше, но именно писанина приносит мне особый кайф. Когда писателю Виктору Астафьеву говорили, что он последний русский гений, он отвечал: «Мне приятно это слышать, но когда я прихожу домой, а там на полках стоят Чехов, Толстой, сразу как-то успокаиваюсь».

Когда мне начинают говорить про мой талант, я, памятуя Астафьева, успокаиваюсь сразу же. И думаю лишь о том, чтобы в общей очереди ремесленников, с которыми мы все делаем одно дело, не быть последним. Я не пытаюсь выдать себя за скромнягу-парня, великий Гете сказал, что скромными бывают только негодяи, просто так всегда считал и считаю. Да, и откровенно говоря, в своем нынешнем положении, кроме как смотреть в окно и «дурковать» что-то на бумаге, я ничем другим серьезным больше заниматься не могу. Хотя в начале жизни считал это занятие вторичным.

* * *

Я понял, что грешил много. И поэтому пришло возмездие. Как аукнется, так и откликнется.

* * *

До сих пор не могу простить себе ситуацию с Анатолием Васильевичем Эфросом. Дело не только в том, что он умер, когда пришел на Таганку, и его смерть как бы разоблачила наш поступок. Любая запальчивость делу вредна. Есть правота, но есть и правда. Не стало Эфроса, и живи с этой правотой. Кому она теперь нужна? Что было у Анатолия Васильевича в ту пору жизни, мы плохо знаем, мы ищем чистую модель: мол, он, Эфрос, не должен был идти режиссером на Таганку. А что его толкнуло к этому — неизвестно. Становиться в позу, я имею в виду себя и Смехова, проще всего. Эфрос не был рациональным счетчиком, он был человеком эмоциональным, ему казалось... Впрочем, откуда нам знать, что ему казалось. Нужно-то ему было немного: позвонить паре-тройке людей с Таганки и сказать: ребята, вы на руинах и я на руинах. Что ж мы будем сидеть и оплакивать эти руины? Давайте соединим усилия и посвятим их искусству. Ну, а вернется Любимов, придумаем что-

нибудь. Вот и все. А он пришел в сопровождении начальства, которое его нам представило. Мне это не понравилось.

* * *

Нина — не первая жена. Первый брак был ошибкой. Я женился, уже будучи актером Таганки, довольно поздно.

* * *

Видимо, я старею. На смену сарказму приходит сентиментальность. Я не разделяю оптимизма многих, которые сегодня кричат: «Подумаешь, культуру убили, растащили. Развалили образование. Россия — великая страна, снова все родит!» Это пустословие, которое ничего под собой не имеет, кроме попытки защитить творящиеся безобразия. И, наверное, будь я по масштабу гений, я бы относился к происходящему спокойнее, не было бы паники. Но я отчетливо понимаю, что гением не являюсь, и отсюда — какой-то временный стресс, нормальная реакция каждого человека на происходящее. Начинаешь думать, что все состоит не только из белых и красных. Что был, например,

композитор Римский-Корсаков. Но, с другой стороны, был ведь и совсем скромный композитор Борис Мокроусов. Кто вспоминает о нем теперь? Уходит из жизни Олег Иванович Борисов, и мне кажется, что вся страна должна замереть в скорби, что должен быть национальный траур, чтобы все задумались, какой человек от нас ушел. Ничего подобного...

Живя в такой забывчивой стране, задумываешься: а как же люди? Как они жили, как умирали, совсем мало успев сделать? И их обязательно нужно вспоминать, хотя бы просто для того, чтобы порадовать их родных, уверить в том, что мир все-таки не окончательная скотина. И потом, что останется и от тебя самого и как к тебе потом отнесутся? Ведь не хотелось бы, чтобы уже после смерти тебя тревожили лопатой...

Я стараюсь не тревожить. Одно дело, когда как Шевченко: «Помяните незлым, тихим словом». И совсем другое, когда покойный Карабичевский так трогал Маяковского, как уже не имел права живой трогать мертвого. Есть же предел, барьер, за который нельзя заходить, иначе тебя утягивает туда же. Так ведь и получилось. Да и с самим Маяковским тоже, как он тревожил прах Есенина! «Можно или нельзя? Хорошо или плохо? Самоубийца! Алкоголик!» И что же? И пяти лет не прошло, покончил с собой, не алкоголик,

совсем даже не пьющий. Значит, так нельзя, нужно как-то иначе.

* * *

Я был тогда очень злой. Может, это не выражалось ясно, но сейчас понимаю, что был. В молодости это как бы еще оправдываемо, но я был такой же противный и тогда, когда уже нельзя, когда люди обычно успокаиваются. Я был зол на весь мир и брезглив. Была целая серия интервью в газетах, пока я это не прекратил. Такая пора, когда я всех отторгал, всех обвинял. Все плохо, все плохие, мир поменялся. А это не совсем так. Вот, я думаю, и наказание пришло...

* * *

Дело не только в мыслях о биологической смерти, но и о своей никчемности. В мыслях о том, что я просвистел свою жизнь, о смысле этой жизни. Другой вопрос, я убежден, что эти мысли все равно мельче, чем мысли о смерти. Тем более я никогда не считал себя гением. Наоборот, я довольно быстро себя уговорил, что я есть никто, и буду никто. К счастью.

* * *

Жить надо. Не «стоит», а — «надо». Поэтому Бог дал нам жизнь. И пока миссия не выполнена, человек обязан жить дальше.

* * *

Я за сомнительное счастье — умереть не дураком. Понимая, кто есть я, слыша и осознавая все, что происходит вокруг, не теша себя иллюзиями. Не кокетство ли это? Правда ли, я так думаю? Да какая разница! Мне выгоднее прикинуться лопухом, нежели орхидеей! Выгоднее для самого же себя.

* * *

Вообще-то я человек ленивый. Тем более когда болезнь случилась. Я не занят ни в театре, ни в кино. Сажу дома, чиркаю ручкой, царапаю. И все это делаю, ленясь. У меня никогда не было такого: у-у-ух! Написал ерунду, но тогда, когда захотел.

* * *

Когда был молодой и здоровый, бывали неприятности. Не было дома, денег, но все это, как выяснилось, — ерунда. Это неприятности, которые следует переживать. Разновидность русского кайфа под названием «страдание». Без этого вроде и нельзя. Человек, который не страдал, получается плохим, ущербным.

* * *

Чем меньше вокруг меня остается сегодня людей, тем больше я счастлив, потому что четко ощущаю: взгляды этих оставшихся нескольких человек практически полностью совпадают с моими взглядами на основные вещи. А вот господин Золотухин, например, может совершенно беззастенчиво считать себя профессиональным литератором. И писать в дневниках, что Высоцкий и запил-то потому, что прочел какую-то его повесть и понял, что сам он, Высоцкий, так никогда не сможет. Лет десять назад, когда народ еще не был так исключительно занят заботами о своем желудке и иногда что-то почитывал, ему бы за эти дневники просто оторвали бы голову. Теперь можно. Тем более что свидетелей этой живописной сцены не сущест-

вует. Некому ни подтвердить, ни опровергнуть. Высоцкий... Что ему, он уже ТАМ. Нам же, живым, противно. Золотухин считает себя вправе такое писать. Что ж, ему, конечно, тяжело будет себя уговорить, что он — никто.

* * *

Соблазн дать сдачи мгновенно не приводит к хорошему. Наверное, я неправильно делаю, и понимаю это в ту же секунду. Оскорбить, кого бы то ни было, обидеть, пусть даже самого плохого, это все равно, что стать плохим самому.

* * *

Сейчас все больше не эмоциями, а разумом стараюсь пережить. Поволноваться, пошуметь, но... сознанием. Нельзя же всю жизнь буйствовать и буяннить.

* * *

С годами многое переоцениваешь. Острее начинаешь ощущать чужую боль. Сопереживаешь

глубже. А поводов для боли хватает. И если раньше я был жестковат, то теперь мне чаще жалко людей.

* * *

В трудные минуты мне помогали только женщины, особенно в юности. Именно они меня всегда вытаскивали из сложных ситуаций. К ним можно приползти в последнюю секунду. Они чуткие, более сентиментальные и человечные, чем мужики.

* * *

Я могу прийти домой и не заметить, что жена купила новый стол или, например, картину. Через месяц неожиданно упадет взгляд на это место... О! Верх удивления!

* * *

В жизни ничего дома не сделал. Даже мусор не вынес ни разу.

* * *

Говорят, что болезни оттого, что человек перекладывает вину за происходящее с ним на чьи-то плечи. И это вроде бы помогает. А на самом деле нет. Не может один человек не любить многих. Я пытаюсь этого не допускать. Но иногда все-таки потрафляю этой слабости. Наверное, для меня было бы лучше, если бы я был этаким старцем из Оптиной пустыни, который все понимает и все прощает.

Но есть какие-то умозрительные, желаемые вещи, а есть неизбежные. Русские люди вообще самоистребительная нация. И я понял, что принадлежу к числу самоистребительных людей. Не то, чтобы мне этого хотелось, совсем нет. Но есть во мне что-то такое... Надо много всего и сразу. И пусть будет коротко. Так всегда и было. Я что-то начинал, делал и получал результат. Другое дело, что и этого «много» оказывалось мало, и результат мог бы быть и выше. Но при моем несовершенстве мне хватало.

1994 г.

* * *

У всех, побывавших в моей ситуации, происходит переоценка ценностей. Когда ты прохо-

дишь по краю, некоторые вещи становятся тебе много дороже. И с этого момента начинается истерика, что еще не успел, не сумел сделать и так далее.

2001 г.

* * *

Сегодня, кажется, вся страна осведомлена о моем состоянии здоровья. Если бы я не появлялся на экране в «Чтобы помнили», я бы, конечно, предпочел никому не сообщать о своей болезни. Но программа выходила, а я разговаривал еле-еле... Пошли письма: он что, с бодуна?

Сначала я хотел уйти из передачи, настолько глупо и недопустимо было там мое появление, но группа не хотела меня отпускать, убеждая, что поменять ведущего, значит, по сути поменять саму программу: другое лицо, другая интонация. А какая к чертям собачьим интонация, если я слов не выговариваю? Было время, когда я не мог не то что встать, а просто сидеть, меня снимали на больничной койке. Но потом Саша Адабашьян предложил: я сниму про тебя передачу и все объясню. Я согласился, и вышла программа «...И не кончается строка».

Так что я, отнюдь, не так патологически честолюбив, чтобы сниматься в полумертвом

состоянии. А тогда я умирал, это было совершенно очевидно. Лечащий врач санатория, где я лежал, сказал Ленке Ярмольнику: «Через пять дней умрет, мне бы не хотелось, чтобы это произошло у нас». А сейчас мне как-то неудобно перед этим доктором: я взял и выжил. Неловко получилось.

* * *

Больше всего ценю саму жизнь. Пять лет провел прикованный к постели, и поэтому ценю каждую минуту. Пойти поставить чайник — это жизнь. Подумать и что-то придумать — жизнь. Жена пришла с рынка, сделал в театре премьеру — все жизнь.

2001 г.

* * *

До сих пор не принимаю в людях глупость, трусость, но больше всего — ненадежность и непредсказуемость. Сегодня это модно: непредсказуемый он, загадочный. А я этого терпеть не могу. Никогда не знаешь, что он выкинет, непредсказуемый этот. Больше всего ценю в людях надежность.

* * *

Ни в чем я себя не ограничиваю, просто тощий, вот и все. Когда человек тощий, все думают, либо он монах, либо чахоточный, то есть несчастный. А я просыпаюсь поздно, потому что ложусь поздно. Смотрю телевизор, художественные фильмы, у меня две программы – фильмы 2001–2002 годов. Много баракла. В мире вообще много баракла, не только у нас.

* * *

Люблю близких своих, товарищей. Их у меня не так много, но все-таки есть. Кошку Анфиску. Курить. Когда пришел в себя после операции, первое, что попросил – сигарету.

Очень люблю цветы. Особенно розы. В детстве сам вырастил необыкновенно большую желтую розу, за которую получил на ВДНХ медаль и грамоту, а потом и путевку в «Артек».

Люблю сочинять. Я давно расстался с честолюбием остаться в чьей-то памяти, сердцах и прочей ерундой. Я считаю, что с самого начала надо просто приучить себя к некой скромности, тогда легче будет принимать все происходящее как норму.

* * *

Я устал реагировать на частности. Я очень много на них реагировал. А проходило время, и выяснялось, что это пустяк, не стоивший волнений.

* * *

Пришла ко мне журналистка. Вопрос за вопросом и на тебе — вопрос на тему гениталий. Я говорю: «Милая дама, я понимаю, что это представляет интерес для публики, но тем не менее всегда считал, что это тема для двоих».

Был такой человек Мариенгоф. Друг Есенина, писатель, которого никто не знает, кроме двух его вещей — «Роман без вранья» и «Циники». Строго в художественном смысле — это произведения не авторские, это форма мемуаристики, где выдуманное мешается с реальным. Есенин просил его: «Если я помру, не пиши обо мне ничего». Мариенгоф сделал ровно наоборот. И теперь мы знаем, кто такой Мариенгоф. А кто такой Мариенгоф сам по себе? Событыльник Есенина, которых у него были миллионы.

* * *

Главное — это мои родные, моя семья. Это с годами понимаешь. Когда здоров, когда беспечен — это понимаешь как бы литературно. Но биологически, как зверь, только уже пережив кое-что. Если можно было бы за их благополучие, покой и здоровье отдать свою руку или ногу, я бы себя просто частями раздал.

* * *

Все происходит не без участия Высших сил. Почему, скажем, умирает хороший человек? Значит все. Израсходован ресурс жизни. Он сделал все, что мог, дальше будет тираж. Такие люди избавлены от массы вещей ненужных, от мелкоты, суеты существования. Хотя говорят, что Бог дает легкую смерть праведникам, а люди, которые уходят мучительно — это все-таки расплата за что-то, совершенное при жизни. Почему одним выпадает такое, а другим... Ответов тут миллион и ни одного. «Слово изреченное есть ложь». Фраза категорическая, она одномерная, она требует массу сносок и комментариев.

О себе

* * *

Если завтра скажут помирать и спросят, в чем смысл жизни, не отвечу. Может, если бы мне было триста лет, к третьей сотне коряво бы, но ответил...

О ЛЮБВИ

В наш трудный, но все-таки праведный век,
Отмеченный потом и кровью,
Не хлебом единым ты жив, человек, —
Ты жив, человек, и любовью.

* * *

Математикой можно заниматься, баскетболом. А любовью... лучше уж сказать дурными словами. А то, что любовь исчезла из нашей жизни, это чушь. Ничего не пропало, и даже не уменьшилось в количестве. Очень много страдающих от любви людей. Я убежден, знаю просто, что есть любовь жертвенная, бескорыстная. Отдать и не просить взамен, такая есть. До сих пор. То же самое можно сказать и о дружбе. То же самое можно сказать и о чести. В массовом исчислении эти категории как бы теряются. Но ведь настоящего в мире никогда не было много. Ни во времена Леонардо, ни во времена более ранние. Но всегда были люди, которые определяли состояние масс, так называемых.

* * *

В юности у меня была такая любовь, как у всех. Красивая девочка в городе Ашхабаде, бесконечные грезы, бесконечные шатания по улице в надежде встретить ее. Потом я уехал в Москву, и как отрезало, ничего уже не хотелось делать во славу ее, даже стихи писать. Задним числом я мог понять, что особенно и не тянуло. Так что, видимо, это увлечение очень трудно разделять.

В училище появилась другая любовь. В артистку уже известную влюбился. Добивался взаимности. Она вышла замуж. Мне казалось, ну и что: вышла замуж, теперь раз — и перевайди. О чувстве другого человека, конечно, меньше всего заботился. Все добивался, добивался, а когда добился, вдруг выяснилось, что добивался я не ее, а признания Москвы. Я был человек из провинции, жадный до всего, мне казалось, чем больше я нахапаю — это мое, это мое — тем больше я буду признан. В студенчестве еще трудно было удовлетворить свое честолюбие на сцене, а вот чтобы меня любила такая знаменитая девочка... Так что, в юности мы часто путаем любовь и примеси.

* * *

Не у самого моего любимого писателя Чернышевского есть такая фраза: «Любить человека — это, значит, хотеть того, что для него хорошо, даже если он любит другого». Вот что такое любовь. Все остальное — это как бы примеси: люблю, умираю... Страдание — вещь, входящая в правила игры. Очень важно — почему страдаешь? Не с тобой что, а с тем, кого любишь. А как ему-то? У него все в порядке? Здесь страдание имеет совершенно другой знак. Если ему хорошо, тебе должно быть,

по крайней мере, неплохо. Если не врешь себе, а любишь, отбрасывая всякие пошлые слова: хочешь быть рядом, видеть, трогать.

* * *

Для меня важно — умеет ли женщина быть товарищем, особенно, когда тебе худо... Может, это чисто советские, иждивенческие настроения, но так уж я устроен.

* * *

Я всегда выбирал одну женщину, и мне нравилось все, что в ней есть. Проходило время, мне нравилась другая. И я уже переставал понимать свои предыдущие пристрастия.

* * *

Кто-то из наших знаменитых поэтов сказал в свое время, мол, как только закончатся его эротические возможности, он кончится как поэт. Я с ним полностью солидарен, как, думаю, любой человек занимающийся творчеством.

О л ю б в и

* * *

Врал много. Когда нужно было расставаться, придумывал благородный повод для ухода. Это все нормальный эгоизм, но до первой беды. Потом многое пересматриваешь в жизни.

* * *

Когда сразу много женщин — это кураж, это тешит самолюбие. Бывало и у меня так, но чаще предпо- читал одну.

* * *

Для меня интеллект — вещь решающая. Когда ты понимаешь, что у женщины им и не пахнет, это воздействует на половую сферу, невозможно дальше двинуться, потому что сознаешь, что перед тобой человек совершенно другой по составу крови, как бы существо другого подвида. И с ней играть в любовь, напрягаться на какие-то подвиги уже просто нельзя!

* * *

Когда говорят, что любовь — обычная физиология, это просто брехня старых кобелей. Секс и любовь иногда разные вещи. Можно любить как Блок, который обожал жену, но несколько лет не ложился с ней в постель. У меня было такое. Мне казалось, что я люблю эту женщину так чисто, так возвышенно, что... как я могу, грубо говоря, над ней такое творить? Это, конечно, была комичная история, но длилась несколько лет. И жар души пылал только там. А на стороне происходило все другое, плотское.

* * *

Дон-Жуан — это благородное понятие. Оно как бы предполагает отвагу и жертву со стороны мужчины. Он всем своим благополучием рискует, готов все положить к ногам любимой женщины — душу, жизнь! А много баб — это просто бабник. Бабник и дешевка.

* * *

Ефим Копелян, которого я хорошо знал, на вопрос: мог бы он стать гомосексуалистом, отвечал: «Для этого я слишком смешлив».

Мне кажется, что гомосексуализм не может быть нормой, поскольку Бог придумал совсем другой вид половых отношений. А в принципе — пусть каждый делает, что ему нравится.

Я никогда не испытывал к ним симпатии. Мне трудно с ними общаться, разговаривать. Возникает чувство неловкости всякий раз, когда говоришь о женщинах, о нормальной любви. Все время боишься, что они оскорбятся или не поймут. Поэтому я в друзьях таких людей не держу.

* * *

Вообще-то любовь присутствует у меня во всех пьесах. А самая трогательная история еще не рассказана. Я хочу сделать такую историю по Шарлю Перро о спящей красавице. Она засыпает и остается по-прежнему восемнадцатилетней, а принц, с которым она обручена, стареет. Я хочу продлить время до невозможности, словно сто лет прошло. Ей 18, а ему 118! Он ее воскрешает, а сам умирает любя.

А еще сейчас я пишу пьесу под названием «Эликсир любви». Это средневековая история. Человек изобретает некий эликсир, чтобы его попробовала девушка, в которую он влюблен,

и тоже в него бы влюбилась. Но ему никак не удается заставить выпить эликсир свою возлюбленную. Его хватает инквизиция, чтобы сжечь на костре за колдовство. И от смерти его спасает та самая девушка. Оказывается, инквизиторы поставили условие, если хоть одна из женщин согласится пойти с ним в огонь, казнь будет отменена. И никто не соглашается кроме той самой девушки, ради которой он и изобрел этот эликсир. Оказывается, она его уже давно любила и без всякого эликсира, просто боялась признаться.

* * *

С Ниной у нас было девять лет тайной жизни. Девять лет греха. Афишировать наши отношения было нельзя, потому что и ее муж, и моя жена и так несли моральный ущерб. Все держалось в тайне. Неприлично даже было вместе работать, чтобы не зародилась в их умах отгадка нашей загадки. Мы долго противились себе, год вообще пытались не видеться, но, в конечном итоге, это оказалось сильнее нас, и мы стали жить вместе. Чего нам это стоило — разговор отдельный.

* * *

Любая ложь, любая тайна — это всегда нехорошо. И нашим близким было несладко, когда все открылось. Органично надо жить, по возможности ближе к правде чувств и поступков. А если появятся какие-то искривления, ничего хорошего из этого не выйдет.

* * *

Пришел на Таганку и увидел Нину на фотографии в фойе: челочка, длинная шея и очень удивленное выражение лица, как будто человек не совсем понимает, куда он попал. Я спросил у кого-то: «Кто такая?» — «Артистка наша». — «Замужем?» — «Замужем». — «За кем?» Мне сказали. Я легкомысленно, не в обиду тому, другому: «Дикий брак».

Я в то время был молодой актер, вообще ничего не играл. А Нина уже в кино снималась. Я ходил в театре зажатый, смотрел в зеркало и думал, что с таким лицом нельзя и мечтать об актерской карьере.

Развивалось все тяжело, украдкой, с бесконечными объяснениями. И ничего не было, кроме

ощущения безграничной нежности и обожания. Дальше не буду рассказывать, потому что все уже сто раз рассказано. Скажу только об одном. Мне казалось, что за столько лет совместной жизни с Ниной у меня уже сложился какой-то ее облик и внутренний, и внешний, но никогда не думал, что она сможет возиться с больным, практически неподвижным человеком. Вот так, уже на склоне лет не на своем примере, не на своем нутре я понял, как выглядит любовь.

* * *

У нас в доме тусовки, шабаши, вечеринки многолюдные не приняты. Мы на людях появлялись редко и редко собирали людей у себя.

* * *

Нину ревновал, но ревность не занимала главную часть нашей жизни, так, эпизоды. А Нина одной бабе говорила: «Я тебе ноги перелломаю». А одну знакомую столкнула на пол. Дама эта немножко вольности позволила, залезла ко мне на колени. За что ее и сбросили со стула вверх ногами.

О л ю б в и

* * *

Нас обвенчал дома Дня, когда я только вернулся
из больницы.

БОЛЕЗНЬ

* * *

А я живу. Хвораю, но не умер. Чуть реже улыбаюсь, но живу.

Я встаю, хожу, дышу, работаю — это и есть оптимизм. Пишу, делаю свое дело, может быть, чуточку хуже, но делаю. У меня есть мама, жена, сын. Я не хочу их оставить, у меня перед ними есть еще обязанности. Может быть, поэтому я и выжил, хотя три года умирал. Из смерти, кроме врачей, вытацила простая мысль, что умирать нехорошо, неудобно, нельзя родных оставлять. Вытащили не какие-то высокие соображения, а самые что ни на есть бытовые дела, которые еще надо сделать на этом свете.

И еще боялся умереть некрасиво, жалко, поэтому терпел и держался за жизнь. Вспоминал, как Жуковский говорил умирающему Пушкину: «Ты, кричи, кричи, легче будет». А Пушкин ему: «Неужели я не могу осилить этот вздор?»

Я видел очень достойных людей, умиравших крайне жалко, истерично, озлобившись на весь мир, и не хотел такой смерти.

1999 г.

* * *

В нашем государстве не очень-то побудешь инвалидом — не на что. Пять лет я провел, как говорят врачи, ближе к смерти. Я люблю жизнь и не хочу, чтобы ко мне относились с сочувствием и жалостью, как к калекке. Хочу, чтобы меня воспринимали, как нормального человека, хотя понимаю, что это уже трудно сделать. Но сегодня я ближе к жизни. Сейчас я еще не в лучшем виде, но, спасибо Богу, он не отнял у меня разум. Это главное.

* * *

Когда я в день своего пятидесятилетия был при смерти, первыми мне позвонили Мария Влади-

Б о л е з н ь

мировна Миронова и Зиновий Ефимович Гердт. Люди не моего поколения — кто я им? Зачем звонить? Но они посчитали, что сказать мне добрые слова — их долг.

История моей болезни, неинтересная история. Я сам был бы счастлив, если б мой язык выговорил: «во всем виноваты»... И дальше бы шел список людей, к которым у меня определенное отношение. Сказать же, что я окочурился в результате действий господина мэра и усилий моего коллеги Валерия Золотухина, который пытается выжить своих товарищей из театра, — это много им чести. Я лучше посмертно повешу нескольких собак на нескольких людей, оставляю в ящике письменного стола. А сейчас давать надежды им не хочу. Происходят определенные гадости, огорчения, я нервничаю. Кого в этом винить? Жизнь? Так ведь давно известно — жить вредно, от этого умирают.

* * *

Первый раз болезнь дала о себе знать в восьмидесятом году. У меня долго не было на Таганке интересных ролей. И вдруг Любимов предложил сыграть Раскольникова. Но у меня внезапно пропал голос.

Болезнь оказалась запущена до такой степени, что больше медлить было нельзя. Пришлось сделать операцию на голосовых связках. В результате роль Раскольникова уплыла.

Через пару лет Сергей Соловьев пригласил меня сыграть Тригорина в «Чайке». И вот на репетиции сижу я в лодке, произношу монолог... И чувствую: левая нога немеет. Мне нужно выйти из лодки, а нога не шевелится. Я стал ее поднимать руками, а Сережа мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». — «Да при чем здесь Тригорин! У меня нога отнялась».

После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу накатывают дурные предчувствия, в голову лезут нехорошие мысли. Я понимал, что надо бы заняться здоровьем, но времени на это у меня никогда не было.

* * *

Откровенно говоря, мне эта тема порядком поднадоела. Я недавно был в «Современнике» на премьере своего «Голого короля», кстати сказать, блестяще поставленном Мишей Ефремовым. И там ко мне и перед началом, и в антракте под-

ходили люди, протягивали программки, просили расписаться, приятно, конечно, не скрою. Но, уходя, каждый непременно желал мне здоровья. Не хочу сказать, что это раздражало, но... Неужели я настолько безнадежно выгляжу? Понимаю, что жизнь берет свое, и мне все труднее с каждым годом выглядеть на тридцать, но зачем же так откровенно намекать на мой полтинник с хвостиком?

* * *

В один прекрасный момент, лет примерно шесть назад, мои почки сказали: «Хватит», — и перестали нормально функционировать. А поскольку они слишком за многое отвечают, в моем и без того не очень могучем организме начались сбои. Впервые я тогда узнал, что такое реанимация, услышал в свой адрес страшное слово — «нетранспортабельный».

Врачи буквально с ног сбились, устанавливая диагноз, даже на рак проверили, а потом во всеуслышание торжественно объявили, что оно у меня не обнаружено. Когда, наконец, добрались до почек, было поздно. Спасать оказалось нечего. Да и я к тому времени был уж «хорош»: токсины из организма не выводились, и он практически весь

был отравлен. Я не мог даже пальцем самостоятельно пошевелить.

* * *

По-видимому, в моем воспаленном мозгу крутилась мысль, что это мой последний шанс на этом свете, и он выдавал рифмованные строчки как машина. Я их просто доводил до ума, чтобы были читабельны, и надиктовывал жене. В таком тандеме мы и сделали «Три апельсина». Я вообще бесконечно благодарен Нине, если бы не она... Когда после почти полуторагодового существования на искусственной почке встал вопрос о переводе меня на донорскую, врачи давали гарантию только на 50 процентов, настолько был ослаблен организм. И тогда Нина дала подписку и практически взяла всю ответственность на себя.

* * *

Никогда не думал, что выдержу длительный период беспомощности, так как я человек дерганый, импульсивный. Но ошибся. Когда немощь, которую никто не ждал, свалила меня, было, конечно, ощущение безнадежности. Но я приучал себя к

Болезнь

мысли, что уходили люди и получше меня, и никто из них не верещал.

* * *

Однажды фиксировали, что я умираю. Было ощущение невероятной легкости. Ни плаксивости, ничего не жаль...

* * *

В жизни, в работе много делал не так. И не единожды. Но исповедоваться перед тысячами читателей я не буду. Да и зачем лишний раз об этом говорить, если Всевышний и так периодически призывает меня к ответу то за одно, то за другое.

* * *

Не все в этой жизни от нервов. На этот вопрос очень хорошо ответил Занусси: «Жизнь — это смертельная болезнь, предающаяся половым путем». Куда еще яснее? От себя добавлю, что в каждой болезни, безусловно, есть доля нашего

участия. И каждому все равно придется держать ответ перед Всевышним. Кому-то раньше и на этом свете, а кому-то — позже и на том. И лучше на эту тему не дискутировать. Просто нужно стараться жить так, чтобы поменьше делать гадостей. И тогда, уверяю вас, все будет нормально.

* * *

Допустим, понимал, что исповедовать вдов и бродить по кладбищам — не лучший способ собственного бытия. Но что это так аукнется в моей личной судьбе, доведет буквально до грани жизни и смерти, конечно же, предположить не мог.

* * *

Инсульт. Как выяснилось спустя три года — на почве почек.

Болезнь была странная, но кое-как перемогался, еще мог ходить. И вдруг все заблокировалось. Почки практически отказали, шла интоксикация всего организма. Если бы не Ленька Ярмольник, который запихал меня в машину и отвез в Институт трансплантологии...

Болезнь

* * *

Инсульт — слово страшное, а сам по себе как бы страшен не был, ничего особенного. Речь невнятная стала, реакции заторможенные. Знающие люди сказали: инсульт. Слава Богу, оказался всего лишь микроинсульт. Но меня впечатлило. Потом я как-то свыкся, продолжал работать. Но постепенно выяснилось, что это уже невозможно. Три года я был как бы вне жизни.

Противно мне было это время. И я свою злость попытался превратить в некий сантимент. Злых и без меня много.

Так и возникла идея делать передачу о молодых, безвременно ушедших, которые знали вкус славы, а умирали — пять человек за гробом.

* * *

Мне совершенно непонятно откуда брались силы, особенно после инсульта. Последние два года я ведь уже практически не ходил. Нина и мама на коляске возили и по больницам, и в театр, и на телевидение, где я продолжал делать свою программу. Не знаю, как у меня получалось еще и работать в таком состоянии. Но ведь если ничего не делать, с тоски помрешь.

* * *

Посылая болезнь, Бог не наказывает, а испытывает и поправляет. Значит, ты что-то делаешь не так.

* * *

Болезнь — следствие и безрежимья, и избыточного количества работы, которую я сам себе назначил, и личных огорчений. И, конечно, того, что сегодня происходит в стране. Так уж мы русские устроены: за все болит душа, слишком много нам надо для счастья.

* * *

Я столько раз умирал за это время, что сейчас особого страха не чувствую.

* * *

Число испугов в жизни меняется очень сильно. Раньше ты боялся этого, этого, этого. А теперь ты боишься только этого... И немножко — того.

Болезнь

* * *

Врачей побаиваюсь. Но я им благодарен — жить так, как они живут, и еще что-то делать...

* * *

Первый раз, когда попал в реанимацию, был в ужасе. А когда второй, третий, четвертый, не будем считать, тогда уж я обвыкся.

Однажды я умирал... Было ощущение невероятной легкости. Никакой плаксивости, ничего не жаль, только необычайная легкость. «ТАМ много хороших людей, ТАМ хорошая компания», — влетали в голову какие-то обрывки мыслей.

Когда Леня Ярмольник привез меня в клинику, у меня было полное отравление организма. Я даже перестал вставать, и был до смерти напуган. Надежды на выздоровление почти не было...

* * *

Почки пришлось удалять. Тот же Леня Ярмольник устроил меня в клинику, в которую я ездил на про-

цедуры. И он же пригласил женщину, которая нам готовила обеды.

Год я жил, фактически прикованный к аппарату искусственной почки: меня через день возили на диализ. Со мной ездила мама, а до этого Нина и мама вместе. Доставалось им здорово. Я лежал пластом, с двумя иглами неподвижно. Собственные почки не фурычили, а там был аппарат искусственной почки, который чистит кровь. Ужасно тяжело психологически, когда из тебя выкачивают всю кровь, а потом закачивают обратно. Можно так жить всю жизнь, ну, а если в городе смута? Не доехал до больницы, и больше не жилец. Тянулось все бесконечно долго: то не могли найти подходящую для пересадки почку, то мое состояние не позволяло делать операцию, а донорская почка живет сутки, максимум — двое.

* * *

Я раньше думал о себе как о личности истерической — быстро говорю, моментально впадаю в панику, но выяснилось, что я терпеливый. Хотя были моменты, когда я совсем уж отчаивался...

Болезнь

* * *

Был период, когда пришло понимание: все... Разумеется, с близкими, с матерью и женой, я на эту тему не говорил. Не мог в ситуации, когда им тяжело, начать плакаться. Какими-то участками мозга я еще держался, но это больше походило на думающий бамбук.

* * *

Спасибо Нине. Все эти годы она всегда была рядом, по всем реанимациям со мной путешествовала. Жила со мной в одной палате и во время первой операции, и во время второй. Мы никогда не ссоримся. Нам вдвоем всегда было хорошо, даже когда совсем плохо было. Она вообще молодец, в секунду сообразила, как действовать. Я совсем не ожидал от нее столь быстрой реакции, может потому, что знал Нину только в ситуации некоторого благополучия. А для того чтобы человек «обозначился» в той или иной мере, нужна драма, трагедия. Никогда не предполагал, что моя беспечная, легкая жена в состоянии стать настоящим товарищем. Я, конечно, не думал, что она меня бросит. Но то, что она с головой влезла в мою жизнь, оставила все: театр, домашние заботы, все, что только

можно и занималась только мной, меня поразило. Когда всем было ясно, что я — практически труп, она упрямо возилась со мной, и ни разу ни одной слезинки у нее не было. Это она, только она меня вытащила, когда я почти за край шагнул.

В некогда белом халате ты у кровати сидишь.
Топят в больнице не очень, воду дают не всегда,
Близится хмурая осень, злые идут холода.
В небе внезапно погасла, искры рассыпав, звезда.
Милая, ты не пугайся, я не умру никогда.

* * *

В палате напротив лежал Николай Афанасьевич Крючков. Однажды вечером мы с ним пообщались, а наутро медсестра вошла и говорит: «Нет больше вашего соседа». Вот тогда было уж очень плохо, хоть криком кричи, а ничего не изменишь.

Два года в клинике я писал пьесу — сказку в стихах по «Любви к трем апельсинам» Карло Гоцци. Вернее, писать я не мог, я был не в состоянии даже пальцем пошевелить. Заучивал то, что сочинил наизусть, и через день диктовал Нине, а она записывала. Книга вышла из печати как раз к моей выписке.

Болезнь

Думаю, что на сцене уже никогда не смогу работать. А в кино просто не хочу сниматься, уже давно. И не из-за болезни. Просто пустое это дело, уже наигрался, и у меня нет такого ощущения, что я чего-то не сделал.

Ангел стоял возле кровати —
Как санитар в белом халате.
— Цыц! — убеждал, —
Что ты кричишь-то?..
Ты же у нас
Храбрый мальчишка...
Взял и унес
В звездные дали —
Только меня
Здесь и видали.
Это конец.
Это финита.
Был Леонид —
Нет Леонида.
Я уплывал в душной сирени.
У трубачей губы серели.
Им недосуг.
Им бы удрать бы:
Кто-то их взял прямо со свадьбы.
Больно нужна им панихида, —
Был Леонид —
Нет Леонида...

Леонид Филатов

Ни у кого —
Грустного вида, —
Был Леонид,
Нет Леонида.
Что за напасть?
Что за немилость?
В мире ничто
Не изменилось.
Значит — судьба,
Значит — планида,
Был Леонид,
Нет Леонида...

ПИСЬМА

Все куда-то я бегу, —
На душе темно и тошно,
У кого-то я в долгу,
У кого — не помню точно.
Все труднее я дышу,
Но дышу — не умираю,
Все к кому-то я спешу,
А к кому — и сам не знаю.
Ничего, что я один.
Ничего, что я напился,
Где-то я необходим,
Только адрес позабылся...

Снимаюсь уж неделю. Сниматься трудно. Во-первых, жесткая система подчинения графику – каждый объект стоит бешеное количество долларов. Во-вторых, репетиции с артистами из разных стран происходят на разных языках. В-третьих, из двух месяцев работы у меня нет ни одного выходного дня, слава Богу, еще не болею. Даст Бог, если все будет благополучно, буду в Москве в конце июля.

Вечерами сижу в отеле с Сашей Адабашьяном и Сережей Соловьевым и пытаюсь дозвониться к тебе в Москву. Тоска на сердце невыносимая, хотя внешне все вроде бы благополучно. Масса существует в стране развлечений – театры, бары, рестораны, ревю, кино всевозможное – от высочайших американских картин до порно и боевиков. Но каждый вечер накатывает какая-то тяжесть, да и от тебя никаких вестей. Как ты живешь там? О чем думаешь? Чем занимаешь время? Посылать мне письма из Москвы в Колумбию – бессмысленно, они будут сюда добираться месяца три, а то и больше. Лучше всего звонить, теперь тебе известен мой телефон. А как дозваниваться, ты узнаешь у Тамары Сергеевны. Позвони ей, как только получишь это письмо и проконсультируйся, как это делается, какой набирается код или как делается заказ на разговор.

П и с ь м а

Целую тебя нежнейшим образом. Жду отклика. Жду встречи. Скучаю очень.

Ленька

P. S. Сегодня вечером, значит, по московскому времени утром, буду тебе опять звонить. Вчера звонил и разговаривал с твоей мамой, не знаю, поняла ли она меня, но я просил передать, что буду звонить сегодня. Имя, правда, не назвал, но это ни к чему. Если не дозволюсь, а это часто бывает, ибо линия занята, то буду дожидаться твоего звонка. Еще раз целую.

То, что происходит – нелепо и чудовищно, я в это не верю. Я прошу тебя помочь мне, а ты отказываешь, но ты, наверное, права. Я люблю тебя, но вижу, что в тебе все убито. Спасибо за все мое счастье. Не думай обо мне плохо. Я все время пытался жить только для тебя. Прости, что всегда получалось что-нибудь неладно. Как только найду работу, я уйду из театра. Буду стараться. Прощай, любовь моя, золото мое, жизнь моя! Вспоминай меня неплохо, прошу тебя.

Любимый мой!

Не дышится без тебя! Не удаляйся ни на секунду, а то каждую секунду страшно. Не разлюбивай меня – заклинаю! Люби пока любишься. Не насилуй себя. Не уговаривай. Делай это легко и свободно. Если это начинает у тебя проходить, то не обманывай себя и меня... прямо на глазах. Тебя что-то гнетет? Что-то волнует? Не бойся разрыва. Лучше скажи, так будет чище и легче. Любимый, ненаглядный, родной, что там у тебя внутри, а?

1975 г.

Милый мой, ни о чем не горюй. Ты видишь, как у меня все плохо. Много от этого. Я о тебе помню, но сейчас мне тяжело, и я хочу пережить это время один, иначе мне будет совсем трудно.

Целую тебя.

П и с ь м а

Родненький мой, откликнись!

Мне очень плохо без тебя. Напиши хоть два слова, чтобы я что-нибудь понял. Я не верю, что тебе без меня хорошо. Что-то нехорошее между нами сейчас происходит? Надо что-то делать, да?

21 мая 1971 г.

Любимый мой, так хочется увидеть тебя близко и выговориться. Исполнилась наша годовщина, я помню. Хорошо бы в конце мая встретиться там же, если, конечно, это возможно. Уничтожь эту записку, а мне напиши новую и передай сегодня же! Ладно? Я тебя очень, очень, очень люблю.

P. S. Напиши мне что-нибудь ласковое.

P. P. S Милый, прости за вчерашний разговор. Целую все пальчики твоих ног. Люби меня, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Любимый мой, мне горько и тяжело от последнего разговора. Оказывается, мало пытаться быть благородным по отношению к людям, надо еще и соответствовать их представлениям о людях. А мне казалось, что достаточно не быть подлым, а уж дружить или не дружить с кем-то – это дело свободного выбора каждого. Я никогда не думал, что я когда-нибудь доживу до дня, когда меня назовут серостью. В другой ситуации я бы этому посмеялся, но ЭТО процитировала мне ты. Сегодня они назовут меня серостью, завтра – подлецом, послезавтра – как-нибудь еще.

Меня это не огорчило бы, у всякого нормального человека должны быть враги, но я никогда не думал, что ты можешь искренне разделять подобные убеждения. Ты-то меня знаешь. Знаешь, что я – один. Один! Я ни на кого не давя, и не хороню под собой ничьих индивидуальностей. А еще труднее кому-либо задавить меня самого. Пожалуй, это можешь сделать только ты. Кому-то я нравлюсь, кому-то кажусь уродом, разве я могу угодить всем? Главное, чтобы я соответствовал своим представлениям о чести.

Я нуждаюсь в тебе, как ни в ком, и ты же убиваешь меня, как никто. Более того, ты бегаешь по театру и не чувствуешь, что я ранен, что каждую минуту я жду

Леонид Филатов

твоего взгляда, твоего слова. В чем я виноват? Пусть кто-нибудь мне объяснит. Кому я сделал плохо? Кого я предал? Кого я обидел? Кому перешел дорогу? Почему это посторонним и совершенно неинтересным для меня людям я должен доказывать, что я лучше, чем они думают? Почему? Неужели я должен сомневаться еще и в тебе? В том, что твою зоркость и трезвость можно отравить гадкими разговорами обо мне? Найди время завтра же поговорить со мной или передать записку.

П и с ь м а

*Любимый, ненаглядный, чудо мое!
Думай обо мне хоть сотую часть того, как я думаю
о тебе. Люби меня, милый. Я – с тобой.*

9 мая 1982 г.

Любимая моя девочка!

Поезжай с легким сердцем, я тебя очень люблю. Думаю о тебе, волнуюсь за тебя, заранее жду встречи. Все будет хорошо. Целую тебя нежно. Поцелуй Бориску.

П и с ь м а

16 марта 85 г.

*Лицедей, болтун, бездельник, я не нажил ни хера,
Ни имущества, ни денег, ни кола и ни двора.
Но к печальному итогу все ж поправка быть должна,
У меня есть, слава Богу, первоклассная жена.*

Л. Ф.

P. S. Я тебя люблю!

Золотухину 50 лет

*Хотя тебе шахрагнуло полвека,
Но хочется надеяться любя,
Еще сто лет советская аптека
Не будет покушаться на тебя.
И как тебя судьба не колотила
Тебя всегда спасали от жульи
Сибирская нахрапистость и сила
И крепкие алтайские масла.
Ты славу взял за талию не слабо,
Аж синяки остались на боках,
Ведь слава, как ни кинь, а тоже баба,
И тоже ценит силу в мужиках.
Пусть эти пятьдесят прошли непросто,
И пусть хватало горестей с лихвой,
Спасибо, что тебе не девяносто,
А главное – спасибо, что живой!*

С уважением и любовью.

Леонид Филатов

25 июня 1991 г.

П и с ь м а

*Муха, муха Золотуха, музыкальнейшее ухо,
Но при этом это ухо и к словесности не глухо,
Разреши мне, Золотуха, пожелать тебе ни пуха,
Хорошо, что ты не тюха и имеешь силу духа.*

*С уважением
Леонид Филатов*

Нюсенька моя родная, сегодня у меня, первый свободный день и сегодня, наконец, получил обещанное письмо. Расстроился ужасно, как жаль, что мы не успели толком поговорить перед отъездом. Твои ощущения по поводу меня настолько не совпадают с тем, что происходило у меня на душе, что даже страшно. Ну, разве может у меня возникнуть раздвоение в душе? Именно теперь, когда кажется, что все наши разговоры на этот счет стали излишними. Разве я был по отношению к тебе хоть раз нечестен? Разве я таил что-нибудь от тебя? Разве ты не знаешь, чем и кем я жив? Разве для доказательства тебе моей преданности необходима чья-то кровь?

О нашей работе. Я не понимаю, почему в письме у тебя проскользнула фраза о том, что я слезно просил Сергея Сергеевича дать Лиде работу? Ты разговариваешь теперь с Сергеем Сергеевичем и знаешь наверняка, что он без малейшего намека с моей стороны сказал, что обязан дать ей работу в этом спектакле. Ты же прекрасно знаешь, что я уже тысячу раз имел возможность «слезно попросить» его об этом, но ни разу этого не делал, поэтому я был доволен, что он заявил об этом сам, и именно тогда, когда я больше всего думал о том, что в этом спектакле обязана играть ты. Поскольку

я знал и был уверен, что твое участие обязательно – без этого я просто бы не взялся за сценарий – то щедрый жест Сергея Сергеевича в ее адрес меня только порадовал. Это бы сразу ликвидировало сплетни, что я в первую очередь забочусь о тебе, а о своих, мол, не думаю. А такие сплетни уже идут, я тебе говорил. Таким образом, теперь всем, в том числе и Валерию, станет ясно, что я помогаю не только тебе, но и другим. Что же касается «соединения» вас в одном спектакле, то поверь мне – я абсолютно искренне считал и считаю, что моя единственная забота – это ты. И когда судьба в лице Сергея Сергеевича позволяет мне «творчески обогреть» и других, то, по-моему, никому это не может быть обидно. Тем более что этот спектакль, как ты знаешь, населен сплошными таганскими артистами. Неужели среди сонма знакомых лиц появление вас двоих может быть расценено как пошлость? Здесь же рядом появятся и Ирка Кузнецова, и Машка Полицеймако, и Сергей Савченко, и Юра Кузнецов, а ведь в отличие от Лиды – это мои прямые рекомендации. Я не допускаю мысли, что Сергей Сергеевич мог умышленно солгать, сказав, что я его просил «пристроить» Лиду.

Я могу поклясться на чем угодно, что я даже в мыслях этого не имел. Отказаться же от его предложения было бы подло, хотя мне, разумеется, понятно, что он сделал этот жест, думая сделать мне приятное, а не потому, что ему необходима Лидка. Если бы в одном спектакле появились ты и она, только вы двое из всех таганцев,

это было бы пошло, ты права. В таком антураже, да еще в таком богатом спектакле, а такая работа может представиться артистам раз в пять лет, это никак не может выглядеть пошлым. К тому же мы с тобой появимся, как ты знаешь, только в третьей и четвертой серии, когда полностью обновятся все персонажи, действовавшие в первых двух.

Нюсик, ты же знаешь, как я мечтаю подарить тебе какую-нибудь сложную выигрышную работу. Ты знаешь, как трудно эту работу изобрести и пробить. Ты знаешь, сколько сил и дипломатических ухищрений мне нужно потратить, чтобы, не обнаружив своего отношения к тебе для посторонних глаз, придумать тебе именно такую работу. И теперь, когда вся эта гора забот мною уже почти сдвинута, мне приходится еще объяснять тебе, что все это сделано только для тебя.

Но разве невыгодно нам с тобой, что мы в этом спектакле появляемся не вдвоем, а в окружении наших же артистов? Это же моментально ликвидирует в окружающих всякие подозрения. Это же так очевидно, и я надеялся, что ты это понимаешь так же, как и я. Я думал, что ты мой соратник, и мы говорим с тобой на одном языке. Теперь уже никому не придет в голову сказать, что я открыто высказываю свое пристрастие к тебе. Получится, что я думаю обо всех, понимаешь?

Нюсик, пожалуйста, не делай так, чтобы я вынужден был тратить силы и нервы еще и на то, чтобы убедить тебя, что все мои заботы по поводу твоей работы

в этом спектакле чего-то стоят. Ты и сама должна понимать, во что мне обходится эта нечеловеческая операция. Будь моим надежным другом, тылом, помощником, верь и помогай. Для того чтобы помочь тебе в творчестве на сто процентов, я вынужден делать еще кучу посторонней работы для других, чтобы ни у кого не возникло мысли, что я работаю только для тебя. Я уж и сам устал от этого «высшего пилотажа», от создания хитроумных громоотводов, но пока другого выхода нет. Вот видишь как.

Все это время, снимаясь в картине, я писал сценарий, радуясь, что я такой талантливый, что я делаю дело для тебя и во имя тебя, а никто об этом не догадывается. А теперь у меня в душе наступила какая-то разруха, и у меня нет сил взяться за перо, потому что моя Нюся считает, что все мои усилия, в том числе и дипломатические, будут выглядеть пошло. И теперь все достижения в «увязывании» наших личных проблем и общественного мнения, вдруг превратились в минус. Оказывается, все мои «тонкие игры» были никчемны, потому что не породили ничего кроме пошлости.

Ты не представляешь, как я много должен держать в голове, чтобы срежиссировать мою помощь тебе, как рядовой и обычный факт моей биографии, чтобы эта помощь выглядела как ничего не значащая для меня помощь коллеге по театру. Для этого нужно потратить на это много дней и ночей, а потом сделать вид, что мне это ничего не стоило. Пусть все думают, что мне

это ничего не стоит, пусть. Но становится страшно, когда так начинает думать твой любимый человек, для которого все это сделано. Страшно, когда он перестает понимать, что это «ничего не стоило» рассчитано на окружающих. Страшно, когда он начинает рассуждать примерно так: «Но ведь он и другим помогает, значит, хочет всем угодить, в том числе и домашним».

Нюсенька, ты прекрасно понимаешь, что я болен, и мне недолго жить, но чтобы сохранить нас от сплетен, я должен сделать кучу вредной для себя работы, создавая миф о том, что я делаю добро не только своей Нюсе, но и своим домашним, и даже своим друзьям, и даже просто знакомым, исключая, конечно, тех, кто поступает по отношению ко мне откровенно подло.

Что же касается домашних взаимоотношений, то ты все об этом знаешь. Неужели мне нужно еще раз говорить тебе то, что ты слышала от меня уже много раз? Неужели это нужно еще как-то доказывать? Неужели я тебе еще этого не доказал? Иногда после наших разговоров на эту тему мне хочется тоскливо завывать, как собаке. В такие минуты я чувствую себя совсем одиноким. Моему любимому человеку, моей Нюсе, мало моей верности, моей любви, моей жизни. Ей еще нужно, чтобы я относился к моим домашним враждебно, только тогда моя Нюся уверится, что наши отношения безопасны.

Но зачем тебе нужна моя жестокость, Нюсенька? Разве моя любовь обязательно требует чьей-то крови? Я не раздвоен. Я – твой. Я – с тобой. Разве я мало пред-

принимая для того, чтобы тебе это стало очевидно? Разве ты делишь меня с каким-то другим человеком? Разве между нами есть ложь?

Иногда я думаю, я – один, кругом один. Все чего-то хотят, бескорыстной любви нет. Неужели это справедливо? Неужели все мои старания ничего не стоят? Да, наверное, ничего не стоят, потому что даже моей Нюсе они не кажутся оптимальными. Даже моя Нюся отказывает мне в понимании, помощи, союзничестве. Даже моя Нюся хочет взвалить на мои плечи бремя дополнительных тревог, вместо того чтобы переложить часть на свои плечи. А я все продолжаю надеяться, что Нюся будет моим помощником, что она хоть в чем-то будет мудрее меня, хоть в чем-то великодушнее.

Нюсик, я ведь не требую от тебя объективного отношения к моим домашним, это ни к чему. Но неужели ты не понимаешь, что когда мы наносим удары по тем, кто живет с нами рядом, то мы, в первую очередь, раним и унижаем самих себя. И тут не может быть никаких градаций: один – талантлив, другой – неталантлив, одного можно бить, другого нельзя. Никого нельзя, ибо это часть нашей жизни, пусть уже ушедшая в прошлое, но – часть. И поэтому неразумно рассуждать таким образом: а-а, ты ее защищаешь, значит, ты привязан к ней больше, чем ко мне. Нет, Нюсенька, просто я считаю, что воспитывать друг в друге отвращение к своим домашним – это, значит, оскорблять и не уважать самих себя.

Леонид Филатов

Есть мы, понимаешь, мы с тобой – и это главное. Ты у меня умница, я в тебя верю, верю в твои светлые глазки, они не должны быть недобрыми. Мне без тебя плохо. Снимаюсь, как полный бездарь. Ночами пишу. Не высыпаюсь совершенно. Надеюсь к приезду Сергея Сергеевича добить первые две серии.

Как ты отдыхаешь? Пожалуйста, очень тебя прошу, лечись и отдыхай. А то буду рассматривать твой отъезд в Сочи как побег из-под моего взгляда. Временами неспокойно. Так и кажется, что рядом с тобой появился какой-то коварный соблазнитель, эдакий курортный бездельник, который своей наглой влюбленностью даже не подозревает, что в Москве тебя ждет твой незагораемый, отощавший и надорвавшийся любимый. Целую тебя нежно-нежно.

Я

П и с ь м а

Нюсюлочка моя, поздравляю тебя!

Видишь, как выходит: ты здесь, а я в отъезде. Это стало в твой день рождения уже традицией. Буду тебе звонить. Скорее всего, поздно. Тебя же вечером не будет дома. Объявится Петька и позвонит Сашка Стернин. Вкупе с Сережей Львовым это уже вполне мужская компания. Еще раз целую.

Л.

P. S. Я тебя люблю!

*Владимир.
Гостиница.
Актеру Леониду Филатову
(телеграмма).*

Спасибо за счастье, неразумную щедрость, сумасшедший, любимый муж мой, но не превращай в традицию свое отсутствие в мой день рождения. Сегодня друзьями Дома кино. Приезжай скорей. Без тебя плохо. Люблю тебя. Горжусь тобой. Целую.

Нина

Не сердись на меня, просто два дня сидел у телефона ждал звонка. Естественно, нервничал: все-таки город беспокойный. Не волнуйся, нашего разговора никто не слышал, все были далеко в стороне, иначе я бы не позволил себе задавать вопросы, которые задавал. К сожалению, сегодня съемка «В поисках жанра». Я иду в театр раньше гримироваться и делать билеты для гостей. Не сердись и не гневайся, моя родненькая, просто вникни: ты же знаешь, что ты для меня значишь.

Целую тебя, жду в театре.

Л.

Вчера мне было спокойно и легко. Сегодня уже тревожно. Сегодня уже начался завтрашний день. И сегодня уже необходимо увидеть твои глаза, чтобы понять, что я для тебя существую. Осталось еще восемь часов до того как я тебя увижу, а потом с тобой еще побыть один какое-то время. Сейчас я тебя представляю до последней черточки, и знаю, что никого кроме тебя у меня нет. Целую твои глаза, губы, шею. Люблю тебя. Без тебя плохо, неудобно и скучно.

П и с ь м а

Родная моя, будь умницей. Не думай ни о чем плохом. Если тебе будет грустно, то и мне тоже. Так что гони от себя все плохие мысли. Целую тебя крепко, моя любимая девочка. Веди себя хорошо, и я тоже буду вести себя как следует. Ладно? (перед Киевом).

Милый мой!

Прости, если сумеешь. Вынужден цапать эту жалкую писульку, потому что боюсь непоправимого. Как же мы друг без дружки? Сразу же возникает какая-то тяжесть внутри. Это как ностальгия. Объяснить свой поступок в записке я не могу, если позволишь, объясню позже. Знаю только, что я принадлежал и принадлежу только тебе, вот – единственная правда. Нервы на взводе, и трудно все сразу разложить по полочкам. Не знаю – нужен ли я тебе? Боюсь, что нет. Но ты мне нужна. И сейчас речь идет уже не о твоём отношении ко мне, но о самом обыкновенном милосердии. Я буду ждать твоего приезда из... Верю, что все образуется, только не хочу никакой беды, слышишь? А то я просто не смогу дальше жить. Нацапай мне хотя бы два слова. Еще раз прости. Люблю. Жду.

Милый мой!

Звоню, звоню, а тебя все нет. Нельзя так от меня открещиваться. Все время ты в бегах. Или в тебе что-нибудь переменилось? Все мне говори, а то ведь Бог все видит. Меня нельзя обманывать. Даже в маленьком. Будь высоким человеком. Я тебе верю. Я тебя очень, очень, очень люблю. Да?

Чудо сероглазое, золотоволосое, самое любимое в мире, сердечко мое нежное! Прости за обилие всяких безвкусовых слов. Это «прости за» я вставил для того, чтобы иметь право продолжать в том же духе. Девочка моя единственная, самая моя красивая, самая ласковая, не предавай меня, не остывай ко мне. Никаких испытаний я больше не выдержу. Давай обойдемся без них, ладно? И облегчать ничего не надо. Легко живут многие, а любовь, к сожалению, посещает немногих. За нее надо держаться, потому что на свете есть что-то, за что можно умереть, то только за любовь. Любовь и есть наша с тобой жизнь, наша биография. Все остальное – пошлость. Жду тебя, приезжай скорей.

П и с ь м а

Ты уже не грустишь?

Или тебя все-таки что-нибудь мучит? Мне передается твое настроение, а если твое настроение распространяется на двоих, то ты должна быть все время в хорошем настроении. Я ведь очень зависим от тебя. Вечером снова приду посмотреть на тебя.

Я т. л. Компране муа?

P. S. Эту бумагу уничтожь.

Твое вчерашнее поведение просто отвергательно, а то, что ты не явилась домой ночевать – это за гранью обсуждения вообще. Все твои встречные аргументы – шелуха по сравнению с тем, что ты сделала. В чем я виноват?

Л.

P. S. Я на озвучании.

Если ты не в состоянии дать оценку своему поступку относительно меня, нам не о чем тогда с тобой разговаривать. И если ты оставляешь за собой право и впредь поступать таким же образом, мы никогда больше не появимся в общественном месте с тобой вдвоем. Неужели непонятно? Так с любимыми женщинами, если, конечно, они любимые, не поступают, с женами – тем более это неэтично. От тебя требовалось очень немного: встать, посадить, извинившись, уйти на какое-то время за другой стол. О твоих друзьях я не хочу говорить. Они чужие мне люди, их эгоизм – и мужской, и женский – меня не волнует. Хотя с их стороны можно было бы просто формально проявить немножечко чуткости и понимания. Они прекрасно понимали неудобство ситуации. И вместо того чтобы объяснить тебе, что получилось действительно не очень красиво, они – я уверена абсолютно в этом – подогрели тебя до твоей утренней записки. Вот поэтому, Леня, я не испытываю к этим людям каких... А уж представить, что мне могло быть настолько плохо, что впопугу повеситься, ты, конечно же, не в состоянии. Твоя вчерашняя неряшливость – нехороший звонок в наших с тобой взаимоотношениях. Я могу выдержать все, только не невнимание к себе, когда это требуется. А объясняться

Леонид Филатов

с тобой в том состоянии, в котором ты пребывал вчера и из которого не выходишь – я не хочу, и это бесполезно. Ты сам это прекрасно понимаешь. А где найти здоровую паузу, при которой возможно общение нормальное – не знаю, разве что утром.

Нина

P. S. Ты ничего не понял при помощи твоих друзей. Неужели тебе не страшно? Вместо того чтобы заглядеть случившееся, обнаружить свою вину, ты пишешь мне пошлую и недостойную записку.

П и с ь м а

*Пицунда
Абхазская АССР,
Дом творчества кинематографистов,
Шарыгиной Нелле Семеновне.*

*Надеюсь, все в порядке. Отдыхай, как следует.
Веди себя хорошо. Думаю. Помню. Люблю. Целую тебя
нежно.*

Артур

Нинча моя, здравствуй!

Пишу наудачу. Не знаю, может быть, ты никуда не уехала и находишься в Москве. У меня продолжается цепь неудач – нет авиабилетов. Но начальство местное обещает, правда, помочь. Устал как пес. Отдых не в отдых. К тому же никак не могу освободиться от всяких дурных предчувствий. Но это все ерунда. Надеюсь, что все обойдется. Пройдет же он когда-нибудь этот проклятый год!

Как тебе отдыхается? Как малыш? Надеюсь, в конце месяца ты будешь в Москве, и я смогу тебе дозвониться. Экстрановостей никаких, думаю, у тебя их больше. Очень скучаю, и хочу тебя видеть.

Целую тебя нежно. До звонка, а потом и до встречи.

Артур

Здравствуй, мой милый!

Сегодня утром я услышал автомобильные сигналы. Выглянул было на улицу, но увидел только мчащуюся машину, и сразу началась тоска. В Москве жарко, душно, противно. Твои окна опустели. Некуда звонить. Незачем планировать время. Сегодня просидел весь день дома. Пытался сосредоточиться на работе. Трудно. Думаю, вечером будет чуть-чуть полегче.

Ты уже в Сочи. Наверное, тебе уже дали номер, и ты отправилась на море. Милый, мой! Счастье мое! Любимый! Думай, пожалуйста, обо мне. Не выпускай меня из памяти ни на один день. Вот уже один прошел, осталось еще девятнадцать или двадцать. Это не так уж много. Отдыхай, лечись и набирайся сил, иначе мы с тобой не сумеем осуществить все наши планы на будущий сезон.

Целую тебя нежно.

Н. З.

Р. С. Шифр понятен? Жди новой весточки.

Роднуленька моя, здравствуй!

Кажется, уже тысяча лет прошло, как ты уехала. всю эту неделю вынужден вставать в шесть ноль-ноль утра, а приезжаю в двадцать три ноль-ноль, это уже, как ты понимаешь, вечера. То вдруг безделье, то вздохнуть некогда. Помимо всего прочего цапаю свой опус. С ужасом думаю о конце отпуска.

Маленький, скорее приезжай. Я очень надеюсь, что у тебя там не происходит ничего такого, после чего тебе трудно было бы взглянуть мне в глаза. Я очень тебе верю. У вас, как я слышал по телику, дожди, дожди. Значит, весь отдых – комом. Если, действительно, купаться и загорать нельзя, возвращайся лучше домой. И я на следующей неделе уже окончательно освобождаюсь.

Малыша, без тебя тоскливо, особенно в моем положении. Если бы я тоже отдыхал, это было бы еще, куда ни шло, а так все время такое ощущение, что я отбываю бесконечную повинность, но я все-таки надеюсь дней через десять – двенадцать тебя увидеть. Сообщи, пожалуйста, когда ты точно намерена приехать. Ведь ты уже должна дня через два-три заказывать авиабилет. Будет просто ужасно, если ты не приедешь, когда обещала. Боюсь, пропустишь билетные сроки и не сумеешь прилететь вовремя. Ты уж, пожалуйста, побеспокойся

П и с ь м а

*о билете вовремя. Заранее, ладно? А то мне тут в голову
будут лезть всякие мысли. А телеграмму с вызовом на
студию я тебе вышлю завтра или послезавтра.*

Нежно-нежно тебя целую, мой хороший.

До встречи.

Миленький, как ты? Что ты? Где ты? Что делаешь? О чем думаешь сейчас в эту минуту? В первый раз за последние два года ты уезжаешь так далеко от меня и так надолго.

Нюнечка моя, смотри, чтобы я из тебя не выветрился. Юг располагает к веселью, а веселье предполагает окружение... Роднулечка моя, не предавай меня, не забывай, что я у тебя есть. Лучше почаще смотри на море и думай про меня. Море отвлекает от суеты и сосредотачивает внимание на самом главном. Помни нашу клятву: в тот миг, когда с тобой будет происходить что-то неладное, я, пусть даже находясь далеко от тебя, непременно буду это чувствовать. Не забудь, что тринадцатого и восемнадцатого, мы будем общаться друг с другом телепатией с 11.00 до 15.00. Или, может быть, ты уже забыла о нашем уговоре? Не смей забывать про меня. Я понимаю: море, пляж, погода, но я при всем при этом обязан быть!!! Мне сейчас ужасно плохо, поэтому столько восклицательных знаков. Не обращай внимания на мою экзальтацию. Просто ужасно, что еще так много дней до встречи.

Целую тебя нежно.

Н. З.

Р. С. Я тебя люблю!

Нинча, родненькая!

Вот и я, уезжаю из Москвы. Уезжаю буквально через два часа. Прости, что корябаю ученическими перьями, это потому что все время пишу из нашего почтового отделения, а здесь только такие перья и бумага.

Любимый мой, что же это происходит? Почему ты уехала от меня? Почему оставила меня? Такая тоска, спрятаться нигде. Может, поездка меня немножко спасет, сожмет, сократит время. Всего три дня, как ты уехала, а кажется, что тебя нет уже месяц. Вот а теперь даже на твои темные окна не смогу посмотреть – уезжаю. Помни про 13-е и 18-е.

Жду тебя, малыш. Тоскую, как собака. Если удастся и захочешь, возвращайся хотя бы 22-го или 23-го.

До встречи.

Целую тебя нежно-пренежно.

Н. З.

P. S. Не выпускай меня из памяти даже на секунду!

Леонид Филатов

*Пицунда,
Дом творчества кинематографистов.*

*Очень скучаю. Мне без тебя плохо. Буду Москве конце
этой недели. Целую нежно.*

Артур

П и с ь м а

Когда давать телеграмму со студии? Надеюсь 4-го сентября увидеть тебя в Москве.

Целую.

Артур

Слушаю радио, погоду. В Сочи все время дожди. Наверное, сидишь в номере круглые сутки. Отправил тебе письмо. Скучаю ужасно. Люблю. Целую.

Артур

П и с ь м а

Как дела, настроение, работа? Надеюсь, ничего плохого не происходит? Целую.

Леонид Филатов

Сочи.

Почтампт.

До востребования.

Шацкой.

Поздравляю старым Новым годом. В Москве холодно, мрачно, неуютно. У вас тепло, празднично, весело. Жду, целую. Обнимаю. Мысленно с тобой каждую минуту.

Происходит что-то ужасное. Казни меня, избежь, но реши, наконец, как со мной быть? Ты видишь, я неволен в своих мыслях, ничего не могу поделать со своими кошмарами. Ты не можешь ничего поделать, я вижу. Ты хочешь, но не можешь, не умеешь мне помочь. И все-таки, помоги мне. Мне сейчас, как никогда, нужно твое понимание и великодушие. Я не дышу без тебя. У меня лопается сердце. Дождись хотя бы, пока я не подохну, а там пусть будет, как будет. Ты – это все. ВСЕ. Другого не будет, не может быть. Если ты чувствуешь, что уже не выдержишь моей болезни, руби со мной сразу, не давай мне медленно умирать. Ты сказала мне сегодня: «Я знаю, что надо делать, но не скажу». Ты надумала что-то плохое, страшное, да? Будь со мной жестока, но честна. Сначала убей меня, а потом сделай то, что задумала. Ответь сегодня, сейчас, а то я умру.

*Новосибирск.
Гостиница «Обь»,
номер 518.
Шацкой Н.С.*

Ужасно тоскливо. Кажется, бросил бы все, приехал бы к тебе. Много работы. Но не помогает. Я знал, что так будет. Целую тебя нежно.

Артур

П и с ь м а

*Новосибирск.
Гостиница «Обь».
Номер 518,
Шаукой Н.С.*

Сегодня почему-то особенно тревожно. Что случилось? Срочно откликнись.

Артур

*Срочная.
Новосибирск.*

Каждый день хожу Главпочтамт. Получил две весточки. Это очень мало. Посылай телеграммы-молнии. Они быстрее доходят. Целую.

Артур

П и с ь м а

*Новосибирск.
Гостиница «Обь».*

Как здоровье? Не болей. Веди себя хорошо. Отдыхай побольше. Очень хочу тебя видеть. Постоянно. Помню. Жду. До встречи. Целую.

Артур

Сочи.

Главпочтамт.

До востребования.

*Как устроилась? Как настроение? Как окружение?
Веди себя хорошо. Помни наш уговор. В первый вечер бродил
возле твоего дома, привык, что ты рядом. Работа
утром и вечером, но все равно грустно. Целую.*

Артур

Родненький мой, здравствуй!

Прошло уже десять дней. Как ты уехала. Вроде бы я работаю и сучусь, и есть, что делать, но привычка ощущать тебя где-то рядом, так во мне укоренилась, что постоянно испытываю раздражение на мною же выдуманный график. Часто бывает тоскливо. Одно утешение, что ты, может быть, все-таки нормально отдохнешь. Год был и для тебя тяжелый. Как ты там себя ведешь? Спрашиваю чисто риторически, потому что верю – вполне достойно.

Был в Киеве, Ленинграде, теперь временно опять в Москве. Сегодня должно выясниться, когда опять ехать в Ленинград. Думаю, что дня через три. Устал хуже собаки. Но вот закончу последнюю работу, хоть десять-двенадцать дней отдохну. Кое-какие деньги из обещанной суммы уже достал, остальные вот-вот уже на подходе. Так что, от моей суеты есть хоть какая-то польза. После дикой жары везде дожди. Думаю, и в твоих теперешних краях тоже. А ведь там нечем другим заняться, как побольше бывать на воздухе. Значит, сидишь, наверное, и смотришь на дождь? Милый мой! Постараюсь числа 17–18-го сентября оказаться в Москве. Если вдруг произойдет непредвиденная задержка, обязательно отзвони. Но, по моим предварительным

Леонид Филатов

подсчетом, меня в это время должны отпустить дня на три-четыре, а то и больше. Думаю о тебе, скучаю, люблю. Но что-то не получаю от тебя таких же импульсов. Может, у тебя все не так?

Звонил Лене. Узнал, что она едет к тебе. Задержал отправку письма, чтобы передать с ней. Лена сказала, что ей от тебя пришло письмо. Сейчас буду в Ленинграде, зайду на Главпочтамт, может, и мне что-нибудь перепадет?

П и с ь м а

*Думай, думай, думай. Не позволяй себе не думать.
Не смей остывать. Я тут. И всегда – тут.*

Л.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТЕР

5

КИНО

65

ЛИТЕРАТУРА

93

РЕЖИССУРА

121

О ВЕРЕ

133

О СВОБОДЕ

143

ТАГАНКА

169

О ВРЕМЕНИ

193

О КУЛЬТУРЕ

213

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

233

О ВЛАСТИ

245

О СЕБЕ

255

О ЛЮБВИ

325

БОЛЕЗНЬ

339

ПИСЬМА

357

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книжки по почте»

Филатов Леонид Алексеевич

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Редакторы *Владимир Вестерман, Кирилл Винокуров*
Редактор-составитель *Марина Невзорова*
Компьютерная верстка: *Виктория Челядинова*
Оформление вкладки: *Александр Щужин*
Корректор *Надежда Александрова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Зебра Е»
151121, Москва, ул. Можайский вал, д. 8, корп. 20
тел./факс (495) 240-11-91
e-mail: zebrae@ Rambler.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

АКТЕРСКАЯ КНИГА

**ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ**
**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

ISBN 978-5-17-045464-8

9 785170 454648

зебра е

Российский актер погибает обычно от водяры, все остальное – производное. А отчего он пьет, отчего черная дыра так стремительно засасывает людей, еще вчера бывших любимцами нации, этого я объяснить не могу, это неистребимый трагизм актерства. На моих глазах уходили люди, которых я обожал и которых почти никто не вспоминает. Алексей Эйбоженко, умерший на съемках «Выстрела». Вадим Спиридонов, известный в основном по роли Федора в «Вечном зове». Его не хотели хоронить на Ваганьковском, потому что он был только заслуженным, а там положено лежать народным... Боже, что за счеты? Вот и когда я хотел сделать вторую программу о Спиридонове, в первую вошла лишь часть материалов, мне на ОРТ сказали: не та фигура. Такое определение масштабов, посмертная расстановка по росту, ничего, да? Гипертоник Богатырев, младше меня на год, рисовал, писал. Он был страшно одинок и пил поэтому, и работал как проклятый. После спектакля во МХАТе плохо себя почувствовал, приехала «скорая» и вколола что-то не то...